

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва»

Н.А. ИЛЮХИНА, И.А. ДОЛГОВА, Н.О. КИРИЛЛОВА

**МЕТАФОРА И СИСТЕМНОСТЬ:
СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ
АСПЕКТЫ**

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2016

УДК 81' 37
ББК 81.2-3
И 43

Илюхина Н.А.

И 43 Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты : монография / Н.А. Илюхина, И.А. Долгова, Н.О. Кириллова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. – 188 с.

ISBN 978-5-86465-717-1

Рецензенты:

д-р филологических наук, проф. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина *А.М. Плотникова*,

д-р филологических наук, проф. национального исследовательского Томского государственного политехнического университета *Н.А. Мишанкина*

Книга посвящена рассмотрению феномена когнитивной метафоры в системном аспекте. Вопрос системности метафорообразования, системности образной картины мира, представляющей собой результат концептуализации знаний о мире, осмысляется на основе интеграции семасиологического и когнитивного подходов. В качестве единицы членения метафорического массива, воспроизводимой единицы в процессе метафорообразования и средства концептуализации действительности избран образ (концепт в его метафорической функции), рассматриваемый в аспекте варьирования. В качестве одного из аспектов системности образной картины мира анализируются закономерные межобразные семантические отношения в картине концептуализации одной сферы – их сущность, механизм и генезис.

Предназначена специалистам в области семасиологии и когнитивной лингвистики, а также студентам, аспирантам и всем интересующимся проблемами изучения образной картины мира.

УДК 81' 37
ББК 81.2-3

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 15-14-63002 «Образная номинация и образная концептуализация знания о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты»)

ISBN 978-5-86465-717-1

© Илюхина Н.А., Долгова И.А.,
Кириллова Н.О., 2016
© Самарский университет, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>Илюхина Н.А.</i>).....	4
Глава 1. Метафора в свете образоцентрического подхода (<i>Илюхина Н.А.</i>)	11
Раздел 1. Семасиология и когнитивная лингвистика: преобладание, взаимодействие, методологическая интеграция.....	11
Раздел 2. Образоцентрический подход и некоторые параметры системности метафоры.....	21
Глава 2. Лексическое и семантическое варьирование метафорического образа как механизм концептуализации денотата: на примере образов, концептуализирующих речевую ситуацию (<i>Кириллова Н.О.</i>)	36
Глава 3. Варьирование ассоциативных связей метафорического образа как механизм концептуализации денотата: на примере образа перемеще- ния в пространстве (<i>Долгова И.А.</i>)	65
Раздел 1. Образная концептуализация деятельности.....	73
Раздел 2. Образная концептуализация состояния	106
Раздел 3. Образная концептуализация отношения.....	109
Глава 4. Межобразные системные отношения в языковой картине мира и их денотативно-когнитивные основания (<i>Илюхина Н.А.</i>)	114
Раздел 1. Семантический аспект межобразных системных отношений в его связи с денотативным и когнитивным.....	114
Раздел 2. Межобразные отношения в системе средств концептуализации сферы власти.....	118
Раздел 3. Межобразные отношения в системе средств концептуализации сферы суточного времени	126
Раздел 4. Межобразные отношения в системе средств концептуализации сферы эмоций	143
Раздел 5. Межобразные отношения в системе концептуализации сферы внутреннего человека	153
Выводы	166
Библиографический список	173

ВВЕДЕНИЕ

(Н.А. Илюхина)

Метафора как объект научного осмысления может служить убедительным знаком смены эпох в развитии лингвистической, филологической и шире – гуманитарной мысли, в том числе смены научных парадигм: довольно долго, начиная с античных времён, метафора обращала на себя внимание и осмыслялась почти исключительно как троп, то есть как риторический и художественный приём; позднее была открыта роль метафоры в семантическом развитии единиц языковой системы.

Во второй половине XX века, когда, казалось бы, исчерпывающе измерена каждая ипостась метафоры в языке и речи: инвентаризованы типы переносов, составлены формулы семантической трансформации исходного значения слова, типологизированы этапы образования и функционирования метафоры вплоть до превращения метафорического словоупотребления в самостоятельную лексему со стёртой образностью, выявлены основные функции метафоры в языке и речи, изучены особенности функционирования метафоры в разных типах речи, установлены закономерности её развертывания и т.д., – именно на этом этапе изучения данного феномена открывается **ментальная сущность метафоры**, считавшейся до последнего времени собственно языковым явлением.

В свете когнитивного подхода метафора предстала как **когнитивный механизм**, обеспечивающий (наряду и во взаимодействии с метонимией) универсальный образный **способ концептуализации** знаний о мире и, с другой стороны, **определяющий функционирование лексики во вторичных** (переносных) значениях.

Результаты изучения метафоры в рамках разных научных парадигм, различающихся объектом, методами и исследовательскими приоритетами, для современного исследователя объективно ставят метафору в фокус **полипарадигмального осмысления**: тропоцентрического,

словоцентрического, полецентрического, образцентрического (концептоцентрического) и др. Соответственно при этих подходах метафора исследуется на базе разных единиц – таких, как:

- **троп** (в противопоставлении метонимии, сравнению, олицетворению и другим тропам¹);
- отдельный **тип метафоры** – выделенный по тому или иному принципу классификации (языковая, художественная, научная, публицистическая; номинативная, когнитивная, оценочная, образная метафора и т.д.);
- отдельно взятое **слово** в его многообразных метафорических реализациях;
- **лексико-семантическая парадигма** (ЛСГ, ЛСП и т.д.) в аспекте регулярной метафорической многозначности входящих в её состав единиц;
- **метафорический образ**, т.е. концепт, взятый в его непрямом воплощении, безотносительно к денотату, который он интерпретирует;
- **метафорическая модель** – двучлен, объединяющий образ в его метафорическом воплощении и характеризуемый этим образом денотат.

В рамках когнитивного подхода (лингвокогнитивного и лингвокультурологического) единицей метафорики закономерно оказывается **образ** (в более распространённой в настоящее время современной терминологии – **концепт**). Эта единица, обладающая психологической реальностью для носителей языка, является, по выражению Ю.Н. Караулова и А.Н. Баранова, результатом естественной категоризации знаний. Традиционно ею применительно к метафоре оперируют в лингвопоэтике (ср. словоупотребления *образ огня* или *образная параллель огонь – чувства*), в семасиологии (среди типов метафоры выделяются пространственная, транспортная, зооморфная, фитоморфная и т.д., т.е. на основании типа образа-концепта², воплощаемого

¹ За рамками лингвопоэтического (риторического, стилистического) подходов – при изменении ракурса их рассмотрения – эти тропы обнаруживают не только противопоставленность, но и взаимодействие.

² Заметим, что в качестве единицы лексико-семантической системы в рамках семасиологии образ (концепт) не рассматривался, поскольку системность воплощающего его лексического множества была не очевидна.

метафорой). В последнее время эта единица функционирует в когнитивной лингвистике (ср. термин **метафорическая модель**, объединяющий два концепта, например *спор – война, жизнь – дорога, социум – здание*); в качестве ключевого понятия она фигурирует в этнолингвокультурологии – в терминах *пространственный, антропоморфный* (и *уже – телесный*), *биоморфный, фитоморфный* и другие **коды** (см. Красных 2003, Шестак 2003)¹.

Образ как единица структурирования метафорики открывает соответствующий ракурс системного анализа образования и функционирования метафор. Избранный в качестве единицы анализа, он предопределяет логику **образоцентрического исследования**, исходящую из роли образа (когнитивной структуры, отражающей внеязыковую реалию) как фактора, который обуславливает важные закономерности в лексико-семантической системе (см. об этом подробнее в работах Илюхина 1996; 2010).

При лингвистическом осмыслении данной единицы, когнитивной по своей природе, внимание сосредоточивается в первую очередь на средствах вербализации этой единицы, очерчивающих её языковые границы. Эта единица выражается **межчастеречной** (поличастеречной) **парадигмой слов**, воплощающих соответствующую реалию в ее свойствах и связях, т.е. имеющих общую денотативно-ситуативную отнесенность (Илюхина 1996). Особенность этой парадигмы заключается в том, что входящие в неё лексемы имеют разную категориальную семантику (так, образ огня объединяет лексемы *огонь, гореть, спичка, погасить, искра, пожар, костёр, кочерга, дотлевать* и мн. др.). В этом случае снимаются обычные для системно-лингвистических исследований ограничения структурного, стилистического, функционального и иного характера.

Объектом наблюдения оказывается метафорический образ, многократно воспроизводимый в речи в разном лексическом оформлении, с актуализацией разных компонентов содержания концепта («уничтожение», «красный цвет», «интенсивность», «выделение тепла» и мн. др.) и

¹ Набор кодов культуры для человечества универсален, однако «их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» (Красных 2003: 232).

по отношению к разным объектам (*догорает день, костёр рябины красной, горит язык во рту; искра надежды; ...Кто-то не хочет, чтобы росла конкурентоспособность этой Большой Европы, вот они там кочерёжкой ковыряются, пытаются раздуть фобии прошлого* (Комсом. правда).

Следовательно, образоцентрический подход открывает новое видение метафоры, в том числе в её проекции на язык. В рамках этого подхода сложились два вектора исследования метафорического образа:

- от метафорического образа – к денотативным областям, которые он концептуализирует, и
- от денотативной области – к образам, концептуализирующим её на регулярной основе.

Названные направления анализа выявляют **разные системные закономерности** метафорообразования и на этапе синтеза полученных результатов в совокупности обнажают **полную картину** этого сложного **процесса**. Объединение этих ракурсов даёт возможность исследовать образную систему языка через механизмы и закономерности порождения и функционирования метафорического образа:

а) изучить закономерности функционирования отдельно взятого образа в процессе его воспроизведения, которые выражаются в его **лексическом и семантическом варьировании** – в разном лексическом воплощении и в актуализации неодинаковых семантических признаков;

б) изучить логику движения образа от одного денотата к другому в процессе воспроизведения в дискурсе (**варьирование ассоциативных связей образа**, т.е. варьирование денотатов, с которыми он образует двучленные метафорические модели) и логику проникновения образа в конкретную денотативную сферу (логику формирования соответствующей метафорической модели);

в) изучить **механизмы образной концептуализации** той или иной денотативной сферы в языковой картине мира;

г) изучить **системные связи образов**, возникающие между ними в данной денотативной сфере – с семасиологической и когнитивной точек зрения, в статике и динамике, в современной языковой картине мира и в генезисе.

Все эти направления осмысления образной картины мира на материале разных её фрагментов представлены в данной книге.

Как известно, в последние десятилетия наблюдается бум исследовательского интереса к метафоре, преимущественно на базе концептов и их производных – метафорических и метонимических моделей¹. Не претендуя на полноту, заметим, что во многих работах содержится (нередко практически исчерпывающее) описание состава метафорических моделей, концептуализирующих различные денотативные сферы (в частности, Арутюнова 1999; Пименова 2007; Бабенко 1989; Апресян 1995а; Шестак 2003; Юрина 2005; Сулейманова 2006; Мишанкина 2010а; 2010б; Кириллова 2006, Кириллова 2008; Озингин 2010; Викулова 2011; и мн. др.), прослеживается функционирование конкретных метафорических образов в синхроническом и диахроническом аспектах (Балашова 1998; Калимуллина 2006; Илюхина 2002; 2010; 2016; Долгова 2006; 2008; Мещанова 2011; Юрина 2013; Резникова 2015; и др.), в разных типах дискурса (в частности, в политическом дискурсе: Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2001; и др., в художественном дискурсе: Кожевникова 1986; Павлович 1995; Кураш 2003; Кравцова 2011 и др.). Появился термин *метафорология*, который не столько знаменует оформление единого направления, сколько указывает на объект, до этого осмыслявшийся в разной исследовательской логике. Это обстоятельство позволяет прогнозировать интеграцию разрозненных исследований метафоры в многоотраслевое направление. Пути интеграции видятся на лингвокогнитивной основе – базовой единицей метафорики практически признана лингвокогнитивная по своей природе категория концепта-образа, а конкретные аспекты метафоры могут и должны изучаться на базе разных единиц, с последующей взаимонаправленной верификацией результатов, полученных разными методами.

Другим активно разрабатываемым направлением в русистике последних десятилетий, имеющим непосредственное отношение к вопросу о системности в языковой картине мира, является изучение **концептов как единиц языковой картины мира** – с точки зрения их состава

¹ Как известно, становление когнитивных идей в американской лингвистике базировалось на изучении метафорики, которая стала своеобразным полигоном для верификации когнитивных идей и гипотез.

и структуры, принципов концептуализации знания, в том числе концептуализации образной (Степанов 2004; Карасик 2004; Попова, Стернин 2003, 2007; Болдырев 2014; Воркачѳв 2003; Илюхина 2013а; и мн. др.).

По нашему убеждению, объединение двух этих направлений, предметом изучения которых объективно являются аспекты **одного процесса – процесса концептуализации знаний о мире – и его результатов**, является весьма продуктивным. Интеграция может быть органично осуществлена в рамках образоцентрического подхода, в основе которого – образ (концепт) как единица концептосферы и единица образной языковой картины мира, допускающая как когнитивное, так и языковое (семасиологическое) измерение.

Образоцентрический подход даёт возможности для комплексной аналитической оценки метафорики (включая многоаспектную лингвистическую, лингвокогнитивную, лингвокультурологическую, социолингвистическую¹) – в отличие от узко лингвистической квалификации, которая неизбежно оказывается ограничена той или иной отраслью языкознания, а любая из собственно лингвистических единиц метафорики столь же неизбежно сужает видение метафоры до одного её аспекта.

Метафору долгое время изучали по тем средствам, в которых она воплощается в языке: через слово и его семантику, через типовые семантические трансформации слов одного семантического поля в попытках установить закономерности метафорической трансформации исходной семантики слов, через инвентаризацию типов денотатов и денотатно-сигнификатных пар, образующих двучленную метафорическую модель, через инвентаризацию векторов переноса (связывающих в двучлен определенные типы денотатов и сигнификатов), т.е. через единицы, так или иначе **внешние по отношению к самому метафорическому акту**.

В антропологической парадигме **акцент сместился на человеческое сознание, в котором и свершается метафорический акт**.

¹ Так, представляет интерес с социолингвистической и культурологической точек зрения опыт интерпретации метафорической картины мира и ее фрагментов применительно к переживаемым в настоящее время социально-экономическим и политическим реформам (Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2001; Каслова 2002; и мн. др.).

Продуктивность этого подхода заключается в том, что он позволяет интерпретировать все ранее выявленные лингвистикой аспекты образования и функционирования метафор более углубленно. Многоаспектное варьирование образа (варьирование лексических средств воплощения, варьирование семантики и ассоциатов) в процессе его воспроизведения предстаёт как результат манипуляции знанием – соответствующим концептом; регулярное функционирование образа в определенной денотативной сфере – как реализация устойчивой для данной картины мира метафорической модели (двучлена **денотат – сигнификат**: *чувство – огонь*; *ум – вместиллице* и под.), которая в свою очередь определяет специфику национально-языковой картины мира.

Становится очевидным, что глобальная представленность метафоры в речи объясняется, в частности, тем, что закономерностью функционирования метафорического образа является его многоаспектное варьирование, обуславливающее экспансию в разные денотативные сферы и практически неограниченные возможности семантической трансформации концепта, лежащего в основе метафорического образа.

Интеграция разных векторов исследования, представленная в данной книге, подчинена рассмотрению организации единиц образной картины мира:

- закономерностей функционирования базовых метафорических образов в качестве средств концептуализации знания о мире;
- принципов развёртывания образов в конкретной денотативной сфере и экспансии образов в разные денотативные сферы;
- межобразных системных связей в современной языковой картине мира и факторов их формирования.

ГЛАВА 1

МЕТАФОРА В СВЕТЕ ОБРАЗОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

(Н.А. Илюхина)

Раздел 1. Семасиология и когнитивная лингвистика: преемственность, взаимодействие, методологическая интеграция

В широком спектре направлений в отечественной лингвистике новейшего периода возобладали антропологические приоритеты – **интерес к тому, как человек отражён в языке** (в качестве объекта номинации и характеристики, в качестве носителя языка и культуры, в качестве говорящего, адресата и реципиента и т.д.), и, с другой стороны, **интерес к связи языка с сознанием – к связям языковых единиц и их функционирования с ментальными структурами и когнитивными процессами**, в том числе имеющими врождённый характер (Алефиренко 2003; Арутюнова 1999; Антология концептов 2005-2007; Воркачѳв 2004; Демьянков 1994 и др.; Зализняк 2005; Илюхина 2002; 2005; Колесов 2006; Кобозева 1993 и др.; Красных 2002; Кубрякова 1992 и др.; Попова, Стернин 2007; Степанов 2004; Шестак 2003; Мананенко 2015; Шмелѳв 2002; и мн. др.).

Сквозь призму антропологических идей происходит осмысление лексического, фразеологического, синтаксического, словообразовательного, стилистического «материала» и теорий, интерпретирующих эти подсистемы в рамках других научных парадигм (Алефиренко 2002; Араева 2012; Крючкова 2014; Молчанова 2001; Плотникова 2008, Плотникова 2009; и мн. др.). Антропологические идеи оплодотворяют многие теории, созданные в последние десятилетия, и дают мощный толчок к их развитию.

На общем антропологическом фоне, пожалуй, преобладает интерес к *когнитивным идеям*, получившим многостороннее осмысление.

Трудно назвать область языкознания, в которой они в настоящее время не были бы приняты или опробованы. Это обстоятельство можно расценивать и как ожидание исследовательского прорыва на этом направлении, и как следствие неоправданного увлечения когнитивными терминами.

Плодотворно обращение сквозь призму этих идей и к теории лексико-семантической системы: они позволяют посмотреть на лексику с новой точки зрения. Остановимся на **отношениях лингвокогнитивистики и семасиологии в свете проблем, связанных с пониманием природы системности в лексике.**

Семасиология (структурная семантика) и когнитивная лингвистика соотносятся по объекту – оба направления обращены к смысловому континууму языка/ мышления, к структурированию этого континуума, нацелены на выявление типов смысловых единиц, закономерностей их воспроизведения и т.д., в том числе во многом обращены к языковой картине мира, к тому, как мир, переработанный сознанием, отражен в системе языка, в его лексико-семантической подсистеме.

Лингвокогнитивистика в отечественной науке оформилась в тот период, когда семасиология, казалось бы, выполнила свои основные задачи. Получилось, что когнитивная лингвистика своеобразно пришла на смену семасиологии. Каково их соотношение и отношения в сложившейся полипарадигмальной ситуации?

Показательно, что оно характеризуется не размежеванием, а тенденцией к интеграции. Для сравнения – в американской лингвистике, по оценке А.Ченки, когнитивное направление явилось «в значительной степени реакцией на неудовлетворенность подходом к семантике, принятым в господствующем течении лингвистической теории. В связи с этим возрастал интерес к развитию понятия значения, являющегося реалистическим с психологической точки зрения, т.е. к чему-то такому, что полностью игнорировали лингвисты, следующие традиции, рассматривающей семантику как символическую логику» (Ченки 1996: 68).

Появление лингвокогнитивистики (концептной лингвистики, концептологии) в отечественной науке во многом **предвосхищено семасиологическими исследованиями последних десятилетий XX века.**

Особенно очевиден этот факт в области структурного изучения лексической семантики (работы А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелёва, Э.В. Кузнецовой, Л.М. Васильева, Л.А. Новикова, Р.М. Гайсиной, Ю.Н. Караулова, М.В. Никитина, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Л.Г. Бабенко, А.П. Чудинова, В.И. Шаховского и мн. др.).

Так, теоретическая концепция лексического значения эволюционировала от дифференциальной теории к интегральной (от узкого понимания лексического значения – ко все более широкому), последняя фактически подвела эту лингвистическую категорию к категории концепта. Показательна почти буквальная соотносительность объема и структуры лексического значения (представленного в семасиологических концепциях «интегрального подхода», по терминологии А.П. Чудинова) и структуры содержания концепта. Это обстоятельство служит одним из важнейших показателей корреляции двух теоретических парадигм.

В одной из теоретических моделей лексического значения, созданных в рамках широкого подхода, оно описывается в виде совокупности макрокомпонентов: *понятийного, эмпирического, коннотативного, мотивировочного, селективного*. Названные макрокомпоненты предложены и обоснованы в работе Стернин 1979, а также используются в книгах Кузнецова 1982, 1989. Э.В. Кузнецова дополнила состав макрокомпонентов, предложенных И.А. Стерниным, мотивировочным (в её терминологии – мотивированным) макрокомпонентом, иначе говоря, «внутренней формой» слова, понимаемой как часть системного лексического значения слова.

Сопоставление состава слагаемых лексического значения (макрокомпонентов) и слоёв (концептуальных признаков) концепта обнаруживает прямую корреляцию двух структур. При разном понимании концепта, разных подходах к его интерпретации эта корреляция неизбежно сохраняется – несмотря на то что в разных научных школах устанавливается разная иерархия этих единиц.

Так, неодинаковое место отводится эмпирической (в этом значении иногда используется термин *образный*) и понятийной частям структуры концепта: в одних теориях (по отношению к определённым типам концепта) образный компонент включается в ядро, а понятийный

относится к периферии (Попова, Стернин 2003), в других наблюдается противоположное соотношение (Воркачёв 2004), в третьих образный компонент сенсорной природы относится к ядру, а образный (под которым имеется в виду метафорически или метонимически соотносимый с реалией) компонент, концептуализирующий знания об этой реалии, – к периферии (Карасик 2004). В работе Илюхина 2013а показана прямая связь образного компонента сенсорной природы и образно-метафорического компонента в структуре концепта.

Мотивировочный (мотивированный) макрокомпонент лексического значения («внутренняя форма» слова, особенно у слов с затемнённой мотивацией) соотносится с этимологическим слоем концепта в теории Ю.С. Степанова (Степанов 2004), и в целом при моделировании содержательной структуры конкретных концептов этимологическая составляющая является одной из важнейших. См., например, мнение В.А. Масловой: «с одной стороны, к ней [структуре концепта – Н.И.] относится всё, что принадлежит строению мысли; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры, – исходная форма (этимология); современные ассоциации; оценки; коннотации» (Маслова 2007: 40).

Принципиально важной составляющей в структуре концепта в лингвокультурологических теориях признается ценностный компонент (отчасти соотносящийся с элементами коннотативного макрокомпонента), см., в частности, работы В.И. Карасика, С.Г. Воркачёва.

А если учесть, что при описании понятийного макрокомпонента рассматривается влияние *идеологического, национально-культурного, прагматического факторов* как мотивирующих различия в содержании лексического значения у разных групп носителей языка, то создается впечатление не корреляции или параллелизма, а буквального совпадения семасиологической трактовки семантики **слова** и лингвокогнитивной трактовки структуры **концепта**. Приведём фрагмент из книги Б.А. Плотникова «Основы семасиологии» (1984): «Важно подчеркнуть также тот момент, что в денотативном значении конкретной языковой единицы не просто зеркально отражается соотносимая с ней реалья: в это значение человеческим сознанием вносится множество дополнительных компонентов идеологического, чувственного, национального,

морального, культурно-исторического, эстетического характера, которые составляют своеобразную упаковку денотативного значения или служат своего рода гранями призмы, преломляющей объективные свойства денотата в определенном каждом таким компонентом свете. В свою очередь, все эти компоненты органически вплетаются в понятие о соответствующем денотате и вместе с этим понятием образуют самостоятельный аспект значения языковой единицы. Этот аспект концентрирует в себе в предельно сжатом виде основные знания о денотате и упомянутые сопутствующие ему компоненты. Данный аспект значения называется сигнификативным и вместе с денотативным аспектом образует главную часть плана содержания» (Плотников 1984: 13). При таком широком понимании содержания и границ лексического значения трудно отыскать его отличие от концепта.

Показательно и другое: структура содержания концепта оказывается сопоставимой со значением даже **одного** слова, тогда как в большинстве случаев концепт вербализуется **лексическим множеством**, насчитывающим иногда десятки и даже сотни лексических и фразеологических средств экспликации (в частности, сотнями единиц исчисляются в русском языке средства вербализации концепта «конь-лошадь», содержание которого нами выявлялось в объеме одноимённого ассоциативно-семантического поля – см. об этом Илюхина 1998: 28-68).

Таким образом, в семасиологических концепциях заложены основания современных теорий концепта – лингвокогнитивной и лингвокультурологической, ориентированных на концептосферу, на этноспецифику, на идиостиль, на тип дискурса и т.п.

Категории лексической семантики легко экстраполируются в лингвокогнитивную парадигму. В частности, структура лексического значения, как и разные типы семантических парадигм, коррелирует с разными типами концептов (см., например, работы Юрина 2005, Илюхина 2010) либо получают интересную интерпретацию в лингвокогнитивной парадигме (см., напр., работы Плотникова 2009; Попова, Стернин 2003, 2007).

Сказанное позволяет не только в общем плане констатировать отношения преемственности между семасиологической и когнитивной парадигмами в отечественной науке, но и говорить о том, что **появле-**

ние концепта как единицы изучения и описания когнитивного и языкового континуума, логика моделирования структуры концепта, создание конкретных методик его исследования, помимо влияния мировой лингвистической мысли в её движении к когнитивным категориям, подготовлены в трудах отечественных учёных по семасиологии, прежде всего в исследованиях по лексической семантике. Не случайно в число отечественных центров когнитивной лингвистики уверенно вошли те научные коллективы, которые известны как признанные семасиологические школы (московская, Санкт-Петербургская, Воронежская, Башкирская, Уральская, Волгоградская, Томская и нек. др.). В рамках этих школ, как и в отечественной семасиологической науке в целом, происходит естественная эволюция семасиологических исследований в когнитивную плоскость.

Наряду с **общностью объекта исследования** (смыслового континуума), послужившей **объективным основанием органичного объединения двух научных направлений**, не менее важной является **логика развития отечественной семасиологии**, фактически вышедшей за рамки задач структурной семантики и непосредственно подошедшей к когнитивным идеям. Иными словами, естественная ограниченность возможностей семасиологии (как и любой теоретической парадигмы), изначально в ней заложенная, фактически оказалась преодолена **внутри самой семасиологической парадигмы** в результате ее выхода за собственные границы: принципы антропологизма, антропоцентризма были внедрены в исследовательскую практику без деклараций.

В этой ситуации не удивительно, что когнитивистика не отринула семасиологическую теорию структуры слова, теорию системности лексики, а целиком на них опирается: в методиках выявления концептуального содержания центральное место занимают компонентный анализ лексического значения слов – репрезентантов концепта и контекстуальный анализ функционирования этих слов (см., в частности, работы Попова, Стернин 2007; Алефиренко 2003; Шмелёв 2002; 2005; Рахилина 2000; Плотникова 2009; Пименова 2007; Илюхина 1996; 2012а; 2015а; 2015б).

В свою очередь, в условиях когнитивного «бума» семасиология в своем развитии не остановилась в силу исчерпанности задач, а с появ-

лением новых возможностей получила стимул к уточнению семасиологических параметров системности – и по линии структуры лексического значения, и по линии природы семантических классов разных типов в их связи с когнитивными структурами, и по линии расширения представлений о границах системных отношений, и по линии механизмов семантической трансформации лексических единиц, по линии развития образности по метафорической и метонимической моделям, ее роли в концептуализации знания и т.д.

Движение от лексико-семантических категорий к ментальным шло по многим направлениям.

1. Одно из направлений выразилось в проиллюстрированном выше движении семасиологической мысли к признанию лингвистически релевантным не только семантического определения слова в толковом словаре, но и культурно и прагматически обусловленного значения слова. Наряду с **расширением** семантики слова, включением в нее далеко не только словарных толкований, а всего психологически реального смыслового содержания, произошло ее своеобразное **углубление** – обнаружение факта расщепления сем в процессе речи на еще более мелкие компоненты и избирательной актуализации их в речи в составе актуального смысла в различных комбинациях (работы Стернин 1985; Чудинов 1990; и др.).

Обозначился **выход за рамки системно значимых архисемы и дифференциальных сем** (например, в работе Ломтев 1969 представлена методика компонентного анализа именно системно значимых микрокомпонентов слова) **в сферу потенциальных сем, с признанием их неограниченного числа** (поэтому учёные постулируют отсутствие четких границ лексического значения¹) и большой коммуникативной значимости, в том числе выход к национально-культурному, идеологическому, прагматическому аспектам лексического значения.

¹ «...содержание лексического значения слова лишено полной определённости..., набор сем может быть определён по-разному, в частности, и потому, что в лексическом значении слова могут быть так называемые «потенциальные» семы, которые не осмысливаются в качестве существенных при изолированном рассмотрении слова, но которые могут актуализироваться во вторичных значениях слова или в его отдельных употреблениях» (Кузнецова 1989: 34). См. об этом подробнее в Стернин 1979, а также в Илюхина 1998; 2010.

Большую роль в этой эволюции сыграла теория семантического варьирования, доказавшая коммуникативную релевантность широкого круга передаваемой словом информации (Стернин 1985; Чудинов 1990; Боровикова 1986; и др.).

В пользу расширения границ лексического значения решён и дискуссионный в семасиологии **вопрос о статусе эмпирического образа реалии**: одни ученые включают в значение слова лишь зрительный образ предмета (Верещагин, Костомаров 1980), другие – любые представления сенсорной природы: зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые (у слов типа *мелодия, арбуз, кипяток*) – см. работы Стернин 1979, Кузнецова 1982, 1989.

Симптоматично то, что в современных лингвокогнитивных концепциях **этот компонент**, разработанный ранее в психолингвистической теории Н.И. Жинкина как единица универсального предметного кода (УПК), **получил интерпретацию как глубинный слой информации в концепте, его ядро – как способ кодирования концепта в сознании**, дающий ключ к пониманию механизмов невербального мышления (Попова, Стернин 2007; Илюхина 2013а).

В этом отношении предложенные когнитивной лингвистической теорией методы и понятия «сверхглубинной» семантики справедливо расцениваются как «не столько введение в исследовательский обиход какого-то нового инструментария и/или процедур, сколько с н я т и е з а п р е т а на введение в рассмотрение неких новых “далёких от поверхности” теоретических, модельных конструктов» (Паршин 1996: 31).

Названные тенденции сближения и взаимодействия категорий семасиологии и когнитивной науки неизменно отражаются в разработке инструментария и методических процедур исследования и описания структуры концепта (в частности, использовались при исследовании семантики метафорического образа – см. Илюхина 2010; Долгова 2007; Кириллова 2008; Мещанова 2012; Резникова 2015). Не случайно самым крупным достижением когнитивного направления в американской лингвистике признаются именно успехи в анализе метафорической системы языка, в том числе составление «Базового списка метафор» для английского языка [Lakoff, Johnson 1980]. Да и в отечественной лингвистике когнитивные принципы раньше всего были востребованы при исследо-

вании метафоры, поскольку именно в этой области всякие ограничения объема лексического значения являются искусственными и не отвечают психологически реальной картине, не позволяют убедительно интерпретировать механизмы формирования метафорического значения.

2. Другое направление движения от лексико-семантических категорий к ментальным выразилось в **расширении типов лексико-семантических парадигм** и, следовательно, в расширении самого понятия семантической парадигмы как единицы системы языка (узла системных связей) – вслед за интуитивным ощущением психологически реальной семантической общности слов (с установлением изоморфизма **структуры значения лексем и структуры семантической парадигмы**).

На первом этапе семасиологических изысканий преобладали исследования лексико-семантической группы (ЛСГ) как классической семантической парадигмы (хотя само название использовалось не всегда терминологически однозначно). Эта парадигма как единица лексической системы – и в силу этого узел многообразных проявлений системных отношений в лексике – стала на определённый период излюбленным объектом семасиологов, отправной точкой в исследовании системности лексики сразу по многим линиям, подверглась изучению и исчерпывающему описанию на материале разных частей речи (Васильев 1981; Лексико-семантические группы русских глаголов 1989; Классы глаголов и их взаимодействие 1979; Денисов 1993; Русская глагольная лексика... 1997; и мн. др.).

С осмысления феномена ЛСГ берёт начало ряд направлений семасиологических исследований, переросших в когнитивные. **От моночастеречных ЛСГ и тематических групп лингвисты перешли к поличастеречным лексико-семантическим, ассоциативно-семантическим, деривационно-семантическим полям. Логика расширения типов парадигм естественным образом привела, в частности, к выявлению нового психологически реального типа семантической парадигмы – к ассоциативно-семантическому полю, которое объединяет широкий круг слов разной категориальной семантики, служащих средствами вербализации концепта.**

Есть основания считать, что различные типы лексико-семантических парадигм соотносятся с разными типами концептов.

3. Ещё более показательной на пути сближения семасиологической линии с когнитивной является **эволюция в изучении метафоры**.

Теоретическая мысль двигалась от **атомарного рассмотрения семного механизма** отдельно взятого метафорического словоупотребления, затем совокупности метафорических значений одной лексемы – к открытию явления **регулярной многозначности**, сначала на материале синонимов, антонимов и ЛСГ, далее – к выявлению более широкой картины регулярной многозначности (работы Д.Н. Шмелёва, Н.А. Боровиковой, А.П. Чудинова, Н.А. Илюхиной и др.) **в парадигмах разного типа, вплоть до ассоциативно-семантического поля**, очерчивающего, как оказалось, границы средств вербализации одного метафорического образа, **в основе которого лежит концепт** (см. об этом в Илюхина 1996, а также в следующем разделе).

К категории концепта привели эмпирические поиски воспроизводимой единицы метафорики как отправной точки в выявлении регулярности в образовании переносных значений. **Концепт оказался** искомой **единицей, регулярно воспроизводимой в процессе метафорообразования**.

Как только в поле зрения оказался концепт – как воспроизводимая (естественная для сознания!) единица структурированного знания – перед исследователями открылась более широкая панорама **разнообразных проявлений регулярности** (в дополнение к регулярной многозначности) в образовании языковой метафоры (как и метонимии) и, с другой стороны, **стала очевидной роль когнитивных механизмов в этих процессах**.

Итогом осмысления многозначности в рамках лингвокогнитивного подхода стало **понимание метафоры и метонимии как способов концептуализации знания** (выражающегося в том числе в языке) – неразрывно связанных между собой и в силу этого обеспечивающих экспансию образного моделирования (концептуализации) всех сфер действительности, отражённого и в структуре любого концепта.

Так **семасиологические изыскания в отечественной науке вывели к когнитивному осмыслению выявленной картины**, требова-

лось лишь провозгласить более широкий взгляд в виде теоретической парадигмы – иной призмы для оценки выявленной картины системности, призмы, расширяющей поле зрения и снимающей ставшие тесными ограничения. **Когнитивистика как раз и сняла «запреты», провозгласив относительность установленных семасиологией границ** (хотя и принципиально важных для лингвистики), обратив внимание на то, что **языковое значение – это разновидность знания о мире, не отделенная непроходимой границей от других типов знания, провозгласила множественность способов категоризации знания.**

Заключая раздел, подчеркнём: восприятие когнитивных идей в отечественной семасиологии было предопределено их внутренней ограниченностью для семасиологического подхода.

Итак, **естественной единицей метафорики** в современной лингвистике признан **концепт** – как воспроизводимая говорящим и воспринимаемая реципиентом единица и как единица систематизированного лингвистического описания. В данной работе в качестве синонима используется термин **образ**, тем более что речь идёт о воспроизведении концепта в функции метафоры. Тем самым отдаётся дань отечественной научной традиции (в большей мере стилистической, лингвопоэтической), ср. терминологические выражения *образность, образное словоупотребление* и под.

Раздел 2. Некоторые параметры системности метафоры в фокусе образоцентрического подхода

Образ (концепт) как единица метафорообразования. Когнитивная природа концепта (иначе – *образа*), его связь с отражаемой реальностью и, с другой стороны, с ментальными процессами обеспечивают этой категории и строящейся на её базе методике анализа большую объяснительную силу при интерпретации явлений и процессов, имеющих также когнитивные корни. Среди них – межлексемные семантические связи, семантическое варьирование лексики, метафорообразование, образная концептуализация действительности в языковой картине мира и т.д.

В наших работах категория образа использована в качестве средства репрезентации **системных отношений в лексике**, выявляющей особый тип семантических связей (между лексемами, вербализующими отдельно взятый концепт), в качестве **модели описания метафорического функционирования лексики** (лексем, воплощающих образ как воспроизводимую единицу метафорики). Таким образом, в совокупности эта категория как объект и модель исследования высвечивает закономерности в лексике, которые имеют как семасиологический, так и когнитивный характер (Илюхина 1998; 2010 и др.; Долгова 2007; Кириллова 2008).

Как уже говорилось, общепризнанным в последние десятилетия стал тезис о том, что при метафорообразовании сознание оперирует не языковыми единицами (словом, лексическим классом и т.д.), а ментальными структурами – концептами и их производными (метафорическими и метонимическими моделями) (работы Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Н.Н. Болдырева, А.П. Чудинова, Н.Ф. Алефиренко, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др.).

Для лингвиста ключ к единицам концептосферы лежит в области семантики языковых единиц и закономерностей их семантического развития и употребления, функционирования в речи, поэтому принципиально важно рассматривать вопросы структуры и типологии концептов, строить методику выявления концептуального содержания в тесной связи с категориями языкового значения и семантической парадигмы.

Целесообразно рассматривать ментальные и языковые единицы в их взаимной корреляции, в том числе установить соотношение ментальной категории концепта и языковых категорий, интерпретировать концепт в системно-семасиологических понятиях. Типологии концептов нуждаются в соотнесении с разработанными в семасиологии типологиями языковых единиц и их классов, среди них – функционально-семантические поля, лексико-семантические парадигмы разного типа, структура многозначного слова и структура отдельно взятой семемы, – тем более что при реконструкции структуры концепта исследователи неизменно прибегают к этим языковым и лингвистическим категориям.

Вербализация концепта. С проблемой типологии концептов связана проблема вербализации концептов (в том числе метафорического

образа) как один из актуальных вопросов лингвокогнитивной науки. При всей актуальности этой проблемы в практике современных исследований лексические границы образа (концепта) часто определяются эмпирическим путем¹. Разные типы концептов, судя по результатам многочисленных исследований, неодинаково проецируются на язык и его лексико-семантическую систему: среди вербализуемых концептов одни эксплицируются несколькими словами, другие – лексическими массивами.

Признавая множественность категоризации знаний о мире и, следовательно, множественность проекций концептуального содержания на языковые единицы и их классы, можно предположить, что предметные, акциональные концепты соотносятся с ассоциативно-семантическим полем (см. Илюхина 1998, 2010), признаковые концепты обнаруживают связь с фрагментами лексико-семантического поля (см., например, лексико-семантическое поле «твёрдый» в работе Юрина 2005: 91 и далее), концепты, соотносящиеся с более высоким (суперординатным) уровнем категоризации – с лексико-семантическим полем (ЛСП «отношение», «движение», «размер» и т.п., см., в частности, Гайсина 1981).

Факт множественности принципов и форм категоризации знания имеет много следствий и проявлений в языковой системе. Одно из них – сосуществование в языковой системе и в языковом сознании разных типов семантических парадигм: лексико-семантических групп, тематических групп, лексико-семантических полей, функционально-семантических полей, синонимических группировок, антонимических пар и других. Кроме того, среди лексико-семантических парадигм выделяются действиецентрические (глаголоцентрические), предметоцентрические, признакоцентрические поля, которые нередко представляют собой одно и то же лексическое множество, которое организовано («центрировано») по-разному. Так, один и тот же образ-концепт в работе Ипполитов 2003 именуется «дорога», а в работе Долгова 2007 – «пе-

¹ Так, в работе Г.Н. Скляревской концепт «вода» рассматривается на материале большого лексического поля, а по отношению к концепту «лошадь» автор рассуждает лишь с учётом слова *лошадь*, сетуя на то, что оно в метафорическом использовании не передаёт всего многообразия знаний об этом животном (Скляревская 1993: 26).

ремещение в пространстве». Эти лексические множества напрямую соотносятся с разными типами концептов (например, предметным, признаковым, акциональным) либо с разными принципами воспроизведения одного и того же концептуального содержания – как концепта-образа, концепта-понятия, концепта-пропозиции, концепта-сценария и др.

В данном разделе рассматриваются концепты (образы) предметного характера, которые имеют несколько разных измерений (принципов развёртывания): фреймовый (целое и его части, предмет – его свойства, функции), пропозициональный (субъект – объект – орудие и др., объединённые действием, местом и временем его протекания) и сценарный (развёртывание события-пропозиции во времени, его осмысление в аспекте временных, причинно-следственных и иных отношений). В проекции на язык такие концепты эксплицируются **ассоциативно-семантическим полем (АСП)**, которое предстаёт как лексическое множество, объединяющее средства номинации одной **реалии во всём многообразии её свойств и типовых связей** (в данной главе в иллюстративных целях используются онтологически разные образы коня-лошади, огня, воды и некоторые другие в их разном структурном развёртывании).

Применительно к концептам предметного типа (образы животных, растений, человека, строений, механизма и других), пропозиционального и сценарного типов (образы строительства и разрушения строения, приручения и поведения животных, войны и мн. др.) можно сказать, что их лексические границы очерчиваются составом соответствующих ассоциативно-семантических полей.

Ассоциативно-семантическое поле (АСП) как парадигма, представляющая когнитивную категорию образа в семасиологическом измерении, оказывается органичной лексической макроединицей при изучении метафорики, поскольку **позволяет объединить семасиологический и когнитивный аспекты видения объекта – концепта (метафорического образа) как основной единицы** членения метафорического массива, образной языковой картины мира, открывает возможности системного анализа этой единицы: её языковых границ, структуры и закономерностей функционирования в речи.

Отдельно взятое ассоциативно-семантическое поле включает слова разных частей речи, разных тематических областей. Так, основными компонентами разнообразных ситуаций, в которых фигурирует *конь*, являются наряду с конём, *человек* (в разной роли по отношению к коню), *упряжь* в широком понимании и типичное *место содержания*. Соотношения между ними и определяют типовые ситуации и принципы их номинации. АСП «конь – лошадь» объединяет названия этого животного и его разновидностей, групп животных (*конь, лошадь, иноходец, рысак, жеребец, скакун, тяжеловоз, жеребёнок, кляча, табун, тройка* и т.д.), названия человека (*всадник, наездник, извозчик* и т.д.), артефактов (*узда, вожжи, хомут, шоры, пролётка, конюшня* и т.д.), свойств, действий и отношений коня и связанных с конём (*вороной, гнедой, карий, скаковой, упряжный; скакать, галопировать, ржать, вставать на дыбы, закусывать удила; обуздать, запрячь, расшорить* и мн. др.), мест содержания (*конюшня, стойло*), – т.е. все слова, способные прямо или метонимически (по смежности) воплощать образ коня¹.

Образ *водной стихии* прямо либо косвенно эксплицируют слова разных частей речи, лексико-семантических и тематических групп, среди них, в частности – *река, море, ручей, течь, текущий, волна, шторм, плот, пловец, литься, глубокий, плыть* и мн. др.

Средствами репрезентации образа *огня* являются лексемы *огонь, искра, пламя, пожар, костёр, жгучий, гореть, пылать, тлеть, обжигать, гасить, согреть, спичка, угли, дым, поджигатель* и мн. др.

Образ *дороги* (в другой терминологии – образ *перемещения в пространстве*) воплощается лексемами *дорога, путь, стезя, шоссе, тропа, идти, шагать, возвращаться, верста, километр, веха, светофор, компас, путеводная звезда, путник, спутник, попутчик, заблудиться, отступить, поворот* и мн. др.

При таком подходе лексические границы метафорического образа в его функционировании никак **не ограничены** в структурном, стилистическом, функциональном и других отношениях, что обеспечивает

¹ О единстве столь разнородных денотатов в рамках одного концепта как фрагмента языковой картины мира свидетельствуют лексемы, называющие коня в его связях с человеком, артефактами: *оседлать, запрячь, понукать, цукать, прищипорить, гарцевать* и др.

возможность исследовать картину функционирования образа в полном виде. Следовательно, **взгляд на концепт (метафорический образ) в границах АСП дает представление о семантическом потенциале и функционировании метафорического образа как элемента многих метафорических моделей** (таких, как *человек – конь, время – конь, морской прибой – конь, страсть – конь* и мн. др.; *человек – огонь, чувства – огонь, социальные процессы – огонь, время – огонь* и мн. др.), открывает смысловое содержание концепта и картину его бытования в языке и культуре в их полноте.

Концепт в когнитивной науке признан основной единицей хранения и воспроизведения знания, т.е. естественным для человека способом членения денотативного и ментального пространства, отражающих результаты познания действительности. Это дает основания полагать, что совокупность средств вербализации концепта (образа) связана психологически реальными для человека отношениями. Сила интегральных связей внутри АСП обусловлена несколькими факторами:

1) денотативным – внеязыковой общностью обозначаемых словами реалий, их отнесённостью к одной денотативной области (сфере воды, дома, коня и др.);

2) когнитивным – отнесённостью слов к одной области знания, к одной ячейке когнитивного пространства (к знанию о воде, огне, доме и т.д.); в когнитивном плане АСП эксплицирует не реалию, а её отражение в сознании – образ (концепт);

3) семантическим – наличием в значении слов одного АСП интегрального семантического компонента ('конь', 'огонь', 'вода' и др.).

Если денотативные и когнитивные основания общности лексических и фразеологических средств воплощения одного концепта очевидны, то вопрос о семантических критериях их общности, т.е. о **квалификации ассоциативно-семантического поля как объединения семантического типа**, нуждается в аргументации.

Названия натурфактов, артефактов, человека, их свойств и отношений, служащие прямыми или косвенными средствами воплощения одной реалии и её образа в сознании человека, объединяются в единую систему на основе входящего в их значение **общего семантического компонента**. По отношению к средствам выражения названных выше

концептов это соответственно семантические компоненты ‘конь’, ‘вода’, ‘огонь’, ‘дорога’ (вариант – ‘перемещение по дороге’), аккумулирующие знания о соответствующей реалии.

Интегральный компонент, отражающий основную для образа реалию, в значении разных слов внутри АСП представлен в разном статусе – иерархическом и функциональном. В одних случаях он предстаёт в виде комплекса сем и практически исчерпывает семантику слова, это касается базовых имён соответствующих концептов – лексем *огонь, пламя; конь, скакун, лошадь; путь, дорога*. В других случаях интегральный компонент выступает в свёрнутом виде – как микроэлемент значения слова (как сема):

- лексема *гореть* включает, в частности, семы ‘процесс’ + ‘уничтожение’ + ‘огнём’; лексема *обжигать* (ср. *колоть*) – семы ‘воздействовать’ + ‘температурой’ + ‘высокой’ (=‘огнём’);
- лексема *табун* (ср. лексемы *стадо, отара*) – семы ‘совокупность’ + ‘животные’ + ‘конь’; лексема *вороной* – семы ‘чёрный’ + ‘конь’; лексема *галопировать* – семы ‘двигаться’ + ‘быстро’ + ‘определённым аллюром’ + ‘конь’; лексема *всадник* (ср. лексемы *пассажир, рулевой*) – семы ‘лицо’ + ‘управляющее транспортным средством’ + ‘тягловым животным’ + ‘конём’.

В значении большинства слов АСП в семной иерархии **интегральный признак имеет статус не категориальной, а дифференциальной семы**: *поджигатель* – лицо, осуществляющее каузацию появления **огня**; *пожарный* – лицо, осуществляющее уничтожение **огня**; *ржать* (ср. другие глаголы звучания: *мяукать, лаять, хрюкать*) – ‘звук’ + ‘чей – коня’, *вороной* – ‘цвет’ + ‘чёрный’ + ‘чей – коня’ (ср. другие колоративные прилагательные: *чёрный, жёлтый, красный*); *конюшня* (ср. другие названия помещений для содержания животных: *овчарня, свиарник, коровник*) – ‘помещение’ + ‘для содержания животных’ + ‘каких – коня’; *узда* (ср. *намордник*) – ‘приспособление для управления животным’ + ‘каким – конём’; *телега* (ср. *баржа*) – ‘средство транспорта’ + ‘характер тягловой силы – конь’, *наездник* (ср. *водитель, лётчик*) – ‘лицо’ + ‘управляющее транспортным средством’ + ‘тягловым животным’ + ‘каким – конём’.

Кроме того, в значении ряда слов АСП этот признак может иметь статус потенциальной семы: *согреть* (сема ‘огонь’, конкретизирующая средство согревания, является потенциальной), *ехать*, *везти* (потенциальная сема ‘конь’, конкретизирующая средство передвижения, имеет также статус потенциальной), *серый* (сема ‘конь’, обозначающая носителя цветового признака, – потенциальная). Подтверждением наличия потенциальной семы ‘конь’ в словах *ехать* и *везти* является то, что в следующих выражениях, не содержащих прямых номинаций коня, речь идёт именно о нём: *Вали на серого – серый всё свежёт* (Пословица); *Умных много, а ездить не на ком* (Черномырдин).

Функциональный статус интегрального компонента наиболее разнообразен в значении глагольной части АСП, указывающей на реалию (в данном случае – на коня) как на тип актанта: интегральная сема может выступать в статусе ‘субъект’, ‘объект’, ‘инструмент’/ ‘средство’, ‘среда’ и т.д.: семы ‘конь’ и ‘огонь’ имеют статус **субъектной семы** – в словах *ржать*, *разнуздаться*; *вспыхнуть*, *погаснуть*, статус **объектной семы** – в словах *запрячь*, *пришпорить*; *погасить*, *зажечь*, статус ‘инструмент’/ ‘средство’ – в словах *гарцевать*, *ехать*; *варить*, *печь*, *выжигать* (узоры/рисунок). Прокомментируем это на примере глаголов АСП «конь-лошадь», содержащих сему ‘конь’ в разных функциональных статусах:

а) ‘субъект’: *ржать* (‘издавать голосовой звук’ + ‘конь как источник звука’) – ср. другие глаголы звучания: *мяукать*, *лаять*, *хрюкать* и другие глаголы движения: *рысить*, *галопировать* (‘двигаться’ + ‘быстро’ + ‘определённым аллюром’ + ‘конь’) – ср.: *бежать*;

б) ‘объект’ (*запрячь*, *понукать*, *стреножить*, *пришпорить*, *поднять на дыбы*),

в) ‘инструмент’ (*гарцевать*).¹

В статусе широко понимаемого атрибутивного признака этот компонент присутствует в семантике существительных – в значении слов, именующих части тела животного, совокупность животных, а

¹ Типологию сем в функциональном аспекте разработала, в частности, Р.М. Гайсина, которая выделяет в семантической структуре глагольной лексики семы, «отображающие типовые функциональные признаки предметов – участников ситуаций»: ‘субъект’, ‘объект’, ‘каузатор’, ‘контрагент’, ‘инструмент’, ‘средство’, ‘мотив’, ‘локатив’ и др. (Гайсина 1981:16, 52)

также человека, упряжь и помещения в их связи с данным животным: *табун* ('совокупность' + 'конь') – ср. лексему *отара* (включающую альтернативную сему 'овца'); *наездник* (ср.: *водитель, лётчик, рулевой*); *узда* ('приспособление для управления животным' + 'конём') – ср. *намордник* (альтернативная сема 'собака'); *телега* ('средство транспорта' + 'конь как тягловая сила') – ср. *баржа*; *конюшня* ('помещение' + 'для содержания животных' + 'коней») – ср. *овчарня, коровник, конура*.

В статусе предметной семы компонент 'конь' входит в значение прилагательных: *вороной* ('цвет' + 'чёрный цвет' + 'присущий коню'), *норовистый, тягловый* и других.

Проиллюстрируем разный функциональный статус компонента 'вода' в семантике слов одноимённого АСП: *литься, течь* ('субъект'); *выливать* ('объект'); *купаться* ('среда'); *мыть* (не дифференцированные статусы 'средство' – 'среда').

Интегральный семантический компонент обеспечивает любой лексеме АСП независимо от ее категориальной семантики способность **в условиях метафорической реализации** воспроизводить базовый образ (в работах Складаревская 1993, Денисов 1993 и некоторых других подчёркивается, что эта способность обеспечивает предметную целостность языковой метафоры).

Следует отметить явное **своеобразие АСП на фоне иных типов парадигм, заключающееся в ином характере семантических связей между лексемами внутри парадигмы**. В отличие от классических лексико-семантической и тематической групп АСП включает слова разной частеречной принадлежности и в этом отношении сближается с объединениями широкого типа, среди них – *лексико-семантические поля*, включающие лексемы процессуальной и признаковой семантики, которые имеют общую категориально-лексическую сему при разных категориально-грамматических семах; *деривационно-семантические поля* (словообразовательные гнезда, интерпретируемые с точки зрения семантической общности); предикатно-актантные объединения, центрированные глаголом и существительным. АСП объединяет фрагменты всех названных типов парадигм и интегрирует их (как и названия натурфактов, артефактов, человека, свойств, действий и ситуативных

отношений базовой реалии с другими реалиями, не имеющие единой категориальной грамматической и лексической семантики) на специфической основе – на основе единого обобщённого знания-представления о реалии¹.

Не случайно АСП как парадигма выделена в практике исследований в другой логике – за рамками семасиологии с её приоритетным вниманием к лексике как системе. Выделение данного лексического множества (называемого нами АСП) произошло эмпирическим путём в рамках изучения логики функционирования метафоры – сначала в работах по лингвопоэтике (в отечественной науке в трудах Н.А. Кожевниковой и мн. др.), затем (вслед за работами Дж. Лакоффа и других) в русле поисков закономерностей регулярной многозначности метафорического типа, т.е. в обратной логике – от психологически реальной ментальной единицы к её семасиологическому измерению.

Ключ к разностороннему крупноплановому анализу метафоры, оценки её состояния и специфики в рамках образоцентрического подхода даёт понятие варьирование.

Функционирование метафорического образа характеризуется **разносторонним варьированием**, т.е. образ обнаруживает свойство, являющееся **универсальным** для языковых единиц всех уровней.

Варьирование в сфере метафоры представлено чрезвычайно широко и многообразно, более того – **оно адекватно интерпретирует саму сущность метафоры, её креативный механизм, механизм смыслопроизводства**. Креативностью как своим имманентным свойством метафора как раз и обязана многостороннему варьированию когнитивного образа и его языковых коррелятов. При этом метафорообразование представляет собой воспроизведение многообразно варьирующегося образа – его разновидностей (ср. образы пожара, костра, тлеющих углей, искры, спички и т.д.), с актуализацией тех или иных смыслов, их вариантов и комбинаций, в той или иной лексической экспликации и в соотношении с различными ассоциатами (*чувство – огонь, время – огонь, восстание – огонь* и т.д.).

¹ По словам П.Н. Денисова, «...образ выступает как активная сила, стягивающая в один узел все слова, необходимые для его реализации» (Денисов 1993: 90).

Наиболее репрезентативны **три аспекта варьирования** метафорического **образа**: лексическое варьирование, семантическое варьирование и варьирование его ассоциативных связей.

1. В процессе воспроизведения метафорического образа в речи наблюдается его широкое **лексическое варьирование**. Ср. лексически разнообразное воплощение метафоры дома при интерпретации общества: *строить новое общество; в фундаменте социализма; архитектор перестройки; рухнули капитальные стены империи*; и мн. др.

2. Функционирование метафорического образа сопровождается **семантическим варьированием** – актуализацией разных, в том числе противоположных, значений (заметим, что часто лексическое и семантическое варьирование осуществляются одновременно). В многочисленных метафорических словоупотреблениях образ дома воплощает аспекты ‘строительство’, ‘разрушение’, ‘перестраивание’, ‘конструктивные особенности’, ‘жилище для человека’, ‘уют, удобство’, ‘состояние бездомности’ и мн. др. См., например: *Ещё любили говорить, что он [Ельцин] умеет ломать, а не строить. Интересное обвинение в пору эпохальной ломки* (Новое время); ... *несущий каркас будущего Союза Суверенных Государств* (Комсом. правда); *Дом – это вся наша планета. Ощущать себя в этом большом доме комфортно можно, только общаясь друг с другом...* (Студенческий меридиан).

3. Закономерным для функционирования метафорического образа является **варьирование его ассоциативных связей** – характеризуемых им сфер действительности и конкретных ассоциатов. Метафорический образ не закреплён за одним типом денотата (референта), имеет тенденцию интерпретировать самые разные сферы действительности, определять все возможные типы референтов. См. типовые ассоциаты метафорического образа «дом, здание»: *фундамент демократии, социализма; обновить фасад государственности; строить новую Россию* (здание – государство, общество, политико-экономическая система), *закладывать фундамент новой экономики, строить рыночные отношения, ломка экономической системы* (здание – экономика), *строить культуру на новых принципах, кирпичики в здании отечественной науки* (здание – культура, наука), *строить, разрушать, укреплять семью* (здание – межличностные отношения, семья), стро-

ить планы, выстраивать концепцию (здание – интеллектуальный феномен) и т.д.

Показанные аспекты варьирования отдельно взятого метафорического образа определяют основные параметры метафорообразования.

Указанные направления варьирования, характеризующие метафорическое функционирование любого образа, определяются соотношением **двух противоположных тенденций – центробежной и центростремительной**: с одной стороны, широтой разностороннего варьирования, с другой стороны, очевидными проявлениями регулярности.

Центробежная тенденция обеспечивает лингвокреативный потенциал метафорообразования. Она выражается

А) в вовлечении в экспликацию метафорического образа **всех лексических и фразеологических единиц ассоциативно-семантического поля**, – в виде стёртых и живых метафор, в том числе в нестереотипных воплощениях, в форме одного слова и развёрнутых текстов;

Б) в вовлечении в процесс актуализации **всех компонентов содержательной структуры концепта**, отражённых в знаниях человека, в актуализации многообразных признаков соответствующей реалии, в **прихотливом комбинировании этих признаков**¹;

В) в **широком варьировании ассоциатов** (денотатов и денотативных областей) этого метафорического образа.

Центростремительная тенденция выражается в предрасположенности функционирующего образа к актуализации **немногих типовых, преимущественно доминантных для данного образа смыслов**.

¹ Многообразие признаков, составляющих семантический потенциал макрообраза, в практике лингвокогнитивных исследований описывается через понятия *слоты, домены, слои, когнитивные признаки, аспекты*. Так, концептуальное содержание образа коня в наших работах описывается шестью аспектами: материально-физическим, биологическим, психофизиологическим, функциональным, утилитарным, психологическим (последний относится к микрообразу человека – всадника и т.п.) (см. Илюхина 1998; 2010). Ср. актуализацию свойств коня, относящихся к разным аспектам: материально-физическому – *У вас в фигуре ... есть что-то лошадиное* (Чехов); *Большие волны вздымались на дыбы* (Арсеньев); биологическому – *А ведь были когда-то и мы рысаками* (Комсом. правда); биологическому и функциональному – *Клячу истории загоним* (Маяковский); психофизиологическому – *Блестит на солнце вода норовистого дикого Ерината* (Песков); *Степного коня на конюшне не удержишь* (Пословица).

На фоне богатого семантического потенциала образа в процессе его метафорического функционирования происходит своеобразная «кристаллизация» – размежевание смыслов по степени коммуникативной релевантности и частотности актуализации. В результате этого процесса формируется «остов» структуры, который представлен **доминантными** для данного образа смыслами. По отношению к образу коня это смыслы ‘несвободный’, ‘свободный’, ‘сильный’, ‘быстрый’, ‘выполняющий работу’. Эти смыслы, наиболее частотные при воспроизведении образа, воплощающиеся широким кругом лексических средств, имеют системообразующий статус, т.е. пронизывают разные лексические группы в составе АСП. (Можно наблюдать процесс изменения состава актуализируемых смыслов в разные периоды функционирования образа. В частности, красноречивым примером может служить образ дома-здания в публицистике советского периода – с актуализацией преимущественно созидательного аспекта применительно к обществу, общественно-экономическому строю и в публицистике перестроечного и постперестроечного периода – с преобладанием деструктивного аспекта и аспекта изменения (слом, перестройка) – см. подробнее в статье Илюхина 2007).

Наличие системообразующих смыслов объясняет принципиально важный факт **семантической соотносительности всех микрообразов в составе макрообраза**. При очевидном различии образа животного, образов артефактов и образа человека обращает на себя внимание их соотносительность по значительному числу признаков, прежде всего доминантным. В структуре метафорического образа огня к числу доминантных относятся смыслы ‘стихийность’, ‘опасность’, ‘уничтожение’, ‘красный цвет’ (о доминантных смыслах образа коня см. выше).

Связь такого рода между компонентами метафорического образа органично интерпретируется понятиями **ситуативных** (в когнитивных терминах – **пропозициональных**) и **партитивных отношений**: микрообразы выступают компонентами стандартных ситуаций либо частями некоего целого.

Так, органичной для структуры макрообраза коня является обобщённо понимаемая ситуация каузации. Доминантные смыслы, входящие в состав всех трёх микрообразов, предстают в разных категориях,

отражающих их пропозициональные роли в типовых ситуациях. Так, при экспликации смыслов 'свобода' / 'несвобода' в семантике воплощающих их средств

- конь выступает как носитель состояния (свободное – несвободное существо: *необузданный, норовистый конь – запряжённый конь*);
- человек – как каузатор состояния коня (*запряг, обуздал – расшорил*: «привёл в несвободное – свободное состояние»);
- упряжь – как средство каузации свободы / несвободы (*снять узду с прессы – надеть узду на прессу*).

См. примеры актуализации признаков 'свобода' – 'несвобода' разными лексическими средствами (преобладающими среди них являются именованная упряжи) – как правило, в комбинации с другими признаками: *Я думаю, что Вам и Грузинскому следует ежедневно и подолгу гонять себя в корде. Вы оба мало работаете* (Чехов – Ежову); *И, сняв служебные гужи...* (Маяковский); *Возвратятся на свои на круги ураганы поздно или рано, И, как сыромятные подпруги, Лёды затянут брюхо океану* (Высоцкий); *...И Горбачёв вопреки сопротивлению партаппарата решил отпустить вожжи, приоткрыть крышку, выпустить пар* (Ковельман); *...Если лингвисты чётко различают позиции говорящего и слушающего и признают «научное право» той и другой позиции, не прикрываясь шорами только своей* (Гайсина).

Разное соотношение центробежной и центростремительной тенденций может служить показателем состояния метафорики в тот или иной период: так, для публицистической сферы функционирования метафорических образов имеет значение преобладание динамического либо стабильного начала в состоянии общества в определённый исторический период, для художественного дискурса – тип литературного направления и особенности идиостиля писателя. Две названные тенденции могут находиться в относительном равновесии либо одна из них устойчиво доминирует над другой. Вследствие этого наблюдается разностороннее варьирование, иррадиация образа или его воплощение в преимущественно типовых вариантах – лексических, семантических, применительно к типовым ассоциатам. Преобладание центробежной тенденции приводит к появлению живых, нестандартных, индиви-

дуально-авторских метафор. При доминировании центростремительной тенденции образ воспроизводится в виде стереотипных, полустёртых и стёртых метафор, фразеологизмов¹.

Каждая коммуникативно значимая сфера действительности концептуализируется посредством большого числа метафорических образов, список которых является принципиально открытым.

Показательны и наиболее информативны с точки зрения изучения системных отношений в сфере единиц метафорики и закономерностей функционирования метафорических единиц метафорические образы, **ключевые для данной сферы**, обслуживающие её на регулярной основе. Критериями ключевого статуса метафорического образа являются следующие:

а) относительная частотность среди других образов в этой денотативной сфере;

б) воспроизведение в форме не только живых, но и стёртых (стереотипных и генетических) метафор, а также в виде устойчивых выражений (фразеологизмов);

в) активное лексическое и семантическое варьирование, варьирование ассоциативных связей, следствием которого является образование частных ассоциативных связей и конструкций-конверсивов и в целом экспансия метафорического образа в данной денотативной сфере.

¹ Показательно с этой точки зрения сопоставление метафорики в публицистике советского и постсоветского периодов. Язык политической публицистики советского периода, если говорить о ней в целом, отличается выраженной стереотипностью, даже формульностью, элементами ритуальности. Для дискурса этого периода характерны сравнительно узкий диапазон лексического варьирования метафорического образа (преимущественно стереотипные лексические метафоры, в том числе полустёртые), минимальное семантическое варьирование (в том числе устойчивые коннотативные оценки), устойчивые ассоциативные связи любого метафорического образа.

В постсоветской публицистике, начиная с периода перестройки, доминирует другая – центробежная – тенденция, которая выражается в резкой активизации варьирования традиционных метафорических образов в трёх указанных аспектах. (Илюхина 2007)

ГЛАВА 2
ВАРЬИРОВАНИЕ ОБРАЗА КАК МЕХАНИЗМ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕНОТАТА
(на примере образов, моделирующих речевую ситуацию)
(Н.О. Кириллова)

В русской языковой картине мира и в научной (лингвистической) картине мира речевая ситуация предстаёт как сложная подсистема концептосферы «человек»¹.

Первым этапом изучения её отражения в лексической семантике было структурно-семантическое исследование основного репрезентанта речевой ситуации – лексико-семантической группы глаголов речи и шире – лексико-семантического поля речи. Однако стремление описать значение лексем исчерпывающим числом дифференциальных сем в рамках этого подхода не учитывает сложные отношения между значением слова и знанием о реалии.

Поиск иной модели описания привел лингвистов к когнитивному подходу, преимущество которого, по словам А.Н. Баранова, заключается в сознательном игнорировании «довольно зыбкой разницы между лингвистическим и экстралингвистическим» (Баранов, Караулов 1991: 187).

К тому же большая роль в концептуализации знания о речевой ситуации принадлежит метафоре, для изучения которой наиболее продуктивны именно когнитивные принципы.

Как показал проведённый нами анализ, метафорические номинации интерпретируют те же аспекты речевой ситуации, которые марки-

¹Обзор лингвистической литературы показывает многомерность структурирования речевой ситуации в науке – каждое научное направление «вычленяет» один из аспектов этого объекта: риторика и культура речи связаны с изучением способов построения правильной и искусной речи; психолингвистика обращается к механизму порождения и восприятия речи; прагматика основным объектом анализа считает субъекта речи; теория речевых жанров обращается к речевому жанру как типизированной модели общения, включающей субъекта и адресата речи; теория диалога исследует разные типы взаимодействия как основной формы организации речевого общения и т.д.

руются специализированными глаголами речи и отражены в составе дифференциальных сем глаголов речи: характеристики внешней стороны речи, содержания высказывания, коммуникативной стороны речи – способа передачи информации; указание на речевое взаимодействие участников речи, на речевое побуждение, на эмоциональное отношение говорящего к собеседнику и оценку. Продемонстрируем опыт дифференциации зафиксированных нами глагольных метафор с опорой на семантическую классификацию глаголов речи Л.М. Васильева (Васильев 1981):

- характеристика внешней стороны речи, ее акустико-физиологических особенностей (*барабанить, ворковать, стрекотать, строчить, выпалить, тянуть, мычать, гудеть, чеканить, скулить* и др.);
- характеристика содержания высказывания (*городить, сбрехнуть, отколоть, отмочить, сморозить, скулить* и др.);
- характеристика коммуникативной стороны речи – способа передачи информации (*выложить, вымолоть, закинуть, запустить, раззвонить, развивать, развертывать, раскрывать, разжевать, растрепать* и др.);
- указание на речевое взаимодействие и контакт участников речи (*перекинуться, пересыпать речь чем-либо, схлестнуться, торговаться; бомбардировать, нападать, налетать, обрушиваться, накидываться, отцепляться, отлипнуть, отмахиваться, отметать, отлаиваться, отрезать, поддевать, подкалывать, подковыривать, подцеплять, задевать, лягать, уязвлять, пилить, точить, грызть, разбирать, разнести, отделить* и др.);
- указание на речевое побуждение (*баламутить, вкручивать, кланяться, накачать, натравить, подбить, сбить, подхлестывать, теревить, уламывать, обламывать* и др.);
- указание на эмоциональное отношение говорящего к собеседнику и эмоциональную оценку (*лягать, проехаться, уязвлять, ущемлять, уедать, поддевать, подкалывать, подковыривать, подцеплять, задевать; бичевать, громить, казнить, клеймить, колоть, лаять, собачить, крыть, обкладывать, пилить,*

точить, грызть, пришивать, припаять, приписывать, протягивать, протаскивать, накручивать, разнести, отделать, развенчать, склонять, чернить, оплёвывать, обливать грязью, разбирать, схлестнуться, нападать, налетать, обрушиваться, накидываться, отбривать, отмахиваться, отлаиваться, отрезать и многие др.).

Вместе с тем атомарное рассмотрение метафорических языковых средств на основе интегральных сем, на наш взгляд, не позволяет проанализировать образную картину моделирования речевой деятельности в её полноте, то есть выявить не только общность метафорических и специализированных лексических номинаций речевой ситуации, но и специфику функций и возможностей собственно метафоры.

К тому же, с другой стороны, и в сфере изучения метафорики в целом в последние десятилетия сложилось убеждение в необходимости иного принципа структурирования метафорического массива. На смену *лексемоцентрическому* и *полецентрическому* подходам в поисках системности метафорообразования пришёл *концептоцентрический* (*образоцентрический*) подход, в основе которого лежит лингвокогнитивный принцип. Единицей метафорики в этом случае признаётся метафорический образ (концепт). Эта единица коррелирует с семасиологическим понятием семантического поля, в типичных случаях – с ассоциативно-семантическим полем.

Когнитивный подход даёт ключ к крупноплановому структурированию метафорического массива на психологически реальные единицы – метафорические образы, коррелирующие с денотатом в реальной действительности и, с другой стороны, с языковыми единицами, являющимися средствами их экспликации. Достоинство использования категорий денотативная сфера (в данном случае – речевая ситуация) и метафорический образ (денотативной основой которого также является соответствующая реальная ситуация) в качестве единицы анализа заключается в том, что в этом случае исследователь использует соотносительные категории членения действительности и, с другой стороны, членения ментального пространства и метафорического речевого массива.

Логика образной концептуализации действительности выражается, в частности, в **закономерном лексическом и семантическом варьировании метафорического образа¹**, следствием которого оказывается не жёсткое закрепление этого образа за интерпретацией одного признака ситуации, а **тенденция к экспансии образа, направленная на комплексное отражение ситуации речи.**

В числе метафорических средств моделирования речевой ситуации зафиксирован широкий (по сути дела – не ограниченный) состав образов, отражающих и концептуализирующих разные аспекты речевой ситуации. Среди них образы «перемещение человека в пространстве», «физическое воздействие и взаимодействие», «предмет», «манипулирование предметом», «отчуждение предмета», «приём пищи», «ремесло», «игра», «театр», «музыкальный инструмент», «животное», «вместилище», «строение», «жидкость», «температурное состояние тел» и многие другие.

Изучение метафоры показывает, что она не следует какой-либо одной логике отражения и интерпретации объекта: **в метафорической картине** интерпретации речевой ситуации наблюдается **многообразие ракурсов восприятия** этой ситуации и, соответственно, **множественное, разноаспектное её структурирование сознанием.** Избирательность зависит от угла зрения говорящего, от коммуникативной ценности определённого аспекта ситуации. Р. Стернберг справедливо отмечает, что при описании сложного объекта не может быть какой-то одной «правильной» метафоры: каждая из них акцентирует внимание на том или ином аспекте такого объекта. Автор подчеркивает, что за каждой метафорой лежит та или иная (эксплицитно выраженная или имплицитная) теория (Sternberg 1996: 82).

Выявленная нами **картина образной концептуализации ситуации речи – внутренне цельная система множественного и в каждом конкретном случае избирательного структурирования объекта, система, адекватно отражающая и интерпретирующая структуру этой ситуации в широком спектре коммуникативно значимых её**

¹ Функционирование концептов, в том числе метафорических образов, на основе понятия варьирования исследуется в работах Н.А. Илюхиной, Н.О. Кирилловой, И.А. Долговой, В.В. Викуловой, Н.Г. Мещановой, Е.В. Резниковой и других.

параметров. В типичных случаях речевая ситуация представлена **тремя компонентами: субъектом речи** (говорящим), **вторым участником речи** (адресатом, собеседником, контрагентом) и её **продуктом** (высказыванием). Будучи репрезентирована средствами разных метафорических образов, она предстаёт во множестве вариантов своего развертывания и структурирования даже применительно к названным базовым её компонентам.

Сфера субъекта объединяет наибольший комплекс прагматически релевантных аспектов (Арутюнова, Падучева 1985: 8–42), отражающихся в процессе и в результатах речевой деятельности: широкий спектр акустических свойств речи, физическое и психическое состояние говорящего, процесс порождения речи, логико-композиционная организация высказывания.

Сфера адресата представляет, главным образом, процесс восприятия речи: понимание – непонимание, считывание скрытых смыслов и реакцию на воздействие.

Смещение фокуса метафоры на **речь** (высказывание) как отдельно осмысляемый **компонент ситуации** открывает возможности для интерпретации иных аспектов: смыслового содержания речи, способов оформления (от акустических до риторических параметров), соотношение содержания и формы его выражения, качеств хорошей речи – истинности, искусности, логичности и др. Кроме того, этот компонент способен косвенно характеризовать как говорящего, так и воспринимающего речь: в первом случае как результат речевой деятельности говорящего, во втором – как объект восприятия, постижения, оценки со стороны реципиента.

Целый комплекс образов, являющихся ключевыми для сферы речевой деятельности, функционально закреплённых за разными аспектами речевой ситуации, базируется на **опредмечивании речевой субстанции**.

Центральным в системе метафорических моделей представляется **образ материального предмета**, конкретизирующийся в разных направлениях и, в свою очередь, порождающий ряд более конкретных метафорических моделей: «манипуляция предметом» (*передать – получить информацию, обменялись мнениями, перекидывались словами, по-*

делился *соображениями*); «оружие» в рамках метафорической модели физического противодействия (*разгромить доводами, прижал к стенке аргументами*); «пища» в составе метафоры кормления (*кормить обещаниями, глотал каждое слово выступавшего*); «вместилище» (*выражение полно иронии, в словах скрывалась усмешка*); «локальный ориентир» в составе метафоры перемещения в пространстве (*подошёл к теме, вступил в разговор*).

Пожалуй, наиболее важным, создающим условия для креативной деятельности сознания в процессе метафорической концептуализации речевой деятельности, является **уподобление речи** («речевой субстанции») **материальному предмету**. Этот предмет может конкретизироваться в разных направлениях и аспектах, порождая разные метафорические образы:

- манипуляция предметом в процессе физического взаимодействия (наиболее значимая модель, отразившаяся и в научном дискурсе): *передать – получить информацию; обменялись мнениями, перекидывались словами, поделился* соображениями;
- осмысление речи-предмета как оружия в рамках метафорической модели физического противодействия: *разгромить доводами, прижал к стенке аргументами*;
- предмет-речь осмысливается в аспекте формы и содержания: *выражение полно иронии, в словах скрывалась усмешка*;
- предмет-речь осознается как пища в составе метафоры кормления: *кормить обещаниями, глотал каждое слово выступавшего*;
- предмет-речь осознается как создаваемый продукт в составе метафор *плетения, шитья, ювелирной обработки* и т.п.: *нить разговора; ...Как жемчуг, сплетаю созвучья влюблённые...* (Бальмонт).

Каждый из рассматриваемых далее образов является в русской языковой картине мира средством метафорической концептуализации многих сфер действительности, имеет **широкий спектр ассоциативных связей**, т.е. входит в состав многих метафорических моделей.

Так, образ физического противоборства (в том числе образ войны) является компонентом многих метафорических моделей:

- соотношение элементов внутреннего мира человека – физическое противоборство (*чувство одержало верх над разумом*),
- межличностные симпатии-антипатии – физическое противоборство (*он не устоял перед её чарами; она пленила его*),
- спортивное соревнование – физическое противоборство (*хоккеисты в пух и прах разбили противника*),
- идеологические отношения – физическое противоборство (*наука – оружие против мракобесия*),
- спор, ссора, дискуссия – физическое противоборство (*словесная дуэль; теория рухнула под огнём критики противников*) и других.

При этом в составе каждой метафорической модели образ обнаруживает широкое лексическое и семантическое варьирование – разностороннее развертывание, имеющее целью адекватно и детализированно концептуализировать денотат.

Принято считать (это подтверждается также итогами нашего исследования), что метафорические образы закреплены за отдельными аспектами ситуации речи в качестве ключевых средств их категоризации.

Так, аспект **взаимодействия** участников ситуации речи органично отражается *образом передачи – приёма объекта* в функции интерпретации порождения – восприятия речи. Данный образ представляет речевое общение как передачу некоего материального предмета от говорящего к слушающему, и в целом процесс общения концептуализируется как *обмен* высказываниями либо идеями, информацией. Например: *Сидели верхом на стульях, но при этом перекидывались фразами...* (Гранин); *Обменявшись приветствиями, соседи заговорили о деле, занимавшем весь Старгород* (Ильф, Петров); – *Хочешь – стреляй, – хладнокровно бросил Эстерсон* (Зорич); – *Ради интересов дела, – подхватил Возницын* (Гранин).

Логико-композиционная и тематическая структура речи интерпретируется прежде всего посредством метафорического образа *перемещения субъекта-говорящего в пространстве*, см. типовые вы-

ражения: *начать издали, перейти к вопросу; вплотную подойти к основной теме; обойти тему; остановиться на вопросе; вернуться к начатой теме; подойти к теме с неожиданной стороны; забежав вперёд, сказать; найти интересный поворот в разговоре; перескакивать с одной темы на другую; перевести разговор в другую плоскость* и т.д.

Акцентирование внимания на **содержании речи** осуществляется посредством представлений о *вместилище – вместимом*. Форма, репрезентируемая словами *речь, слова, выражения, призывы* и т.п., предстает как *вместилище* для выражаемой идеи, смысла, чувства: *Может быть здесь, в этом, вами сейчас выраженном изъяснении скрыто другое* (Гоголь); *Из этой фразы можно извлечь разные смыслы* (устная речь); *Эти кажущиеся на первый взгляд излишними конкретные подробности на самом деле являются «упаковочным материалом» ваших идей...* (Стернин); *В речах его и в интонации довольно пронзительного голоса слышался какой-то юродливый юмор, то злой, то робеющий...* (Достоевский). Ср. указание на бессодержательность речи посредством данного образа: *пустой разговор*.

Искусность, эстетическая сторона речи интерпретируется образами *рукоделия, плетения, ткачества*, см. выражение *плетение словес*, а также контексты: *Я тонкую нить разговора привычно сную...* (Брагина); *Мы будем вести беседы неторопливые. Мы будем плести разговоры из венских кружев...* (Приклонский). Использование этого образа для экспликации неистинной речи связано с акцентом на искусности вымысла: *Это про вас-то плетут всякие были и небылицы...* (Симонов).

Если организующее начало речи предстает в образе *нити*, то отсутствие логики в речевой организации коммуникативного акта, разрушение смыслового пространства, общего для субъектов речи, передается выражениями *оборвать речь на полуслове, прервать собеседника*, см. текстовый пример: *...в десять минут уже успел потерять нитку разговора со своим больным* (Достоевский).

Соразмерность элементов в составе речевого целого эксплицируется *метафорой строения* в аспектах *созидания – разрушения*, актуализирующей замысел сложного в структурном отношении высказыва-

ния, разговора: *разговор строится на обиде, диалог построен необычно*. См. текстовые примеры: ... *она зазывала его к себе, и начинался головокружительный разговор, весь построенный на остриях и безднах...* (А.Н.Толстой); *Вдохновение помогало ему найти безошибочный тон и точные слова. Стоило где-то сфальшивить, выбрать чересчур восторженное выражение – и вся постройка рухнула бы. Но Тулин уверенно скреплял её безразличием человека объективного* (Гранин). Как показывает последний пример, отсутствие внутреннего единства, основанного на общности интенций, передаётся образом разрушения, см. также: *Ни разу Лужин не обратился к ней с вопросом, ни разу не попытался поддержать разваливавшуюся беседу* (Набоков).

Для интерпретации **интеракции коммуникантов** регулярно используются (наряду с образом передачи – приёма предмета) *образы игры, физического противоборства*. Так, *образ игры* представляет действия говорящих как ролевую игру или мену коммуникативных ролей, «партий» – при номинации речевых актов (*роли, партии*), при характеристике видов речевого поведения (*репертуар коммуникативных ролей, речевая маска*), результата (*обыграть – проиграть*), речевого взаимодействия (*контакт масок*). Приведём примеры: *Данная ситуация наглядно показывает, как разворачивается мена коммуникативных ролей...* (Аристов); *Не позволяет ему разыгрывать роль гостя во время беседы* (Казарцева); *В ходе социального взаимодействия каждому человеку приходится «проигрывать» более или менее широкий репертуар социальных ролей и вступать в различные ролевые отношения, требующие определённого речевого поведения* (Казарцева); *«Контакт масок» – формальное общение... В городе контакт масок даже необходим, чтобы люди «не задевали» друг друга без надобности...* (Столяренко).

В качестве средства интерпретации **конфликтного речевого взаимодействия** закрепился метафорический *образ физического противоборства*: *Одним словом, из-за Мальвинских островов начались у нас с ней скандалы. Всю зиму мы так с Анной провоевали. Придем с работы и за старое* (Пьецух); – *Не хотите ли кофе?* – спросил я, снимая паузу. *В боксе это называется держать удар. Он держал удар. – Не откажусь* (Гранин); *В этой словесной драке, которую мы для приличия*

именуем «полемикой»... (Горький); *Эта словесная дуэль могла продолжаться до бесконечности...* (Комсом. правда).

Особый ракурс образного моделирования представляет **цельное представление ситуации речи** в *образе вместилища*, в пределы которого вступают или пределы которого покидают участники речи-перемещения: *Иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор* (Булгаков); *Прежде чем вступить в беседу, нужно продемонстрировать вашу готовность к общению* (Кравцов); *Я просто высказал свое мнение, вот и все, и в дискуссию вступать не собираюсь, ибо она все равно ни к чему не приведет* (Интернет-форум); ср.: *достойно выйти из ситуации спора*.

Итак, метафорические образы, концептуализирующие речевую ситуацию, функционально дифференцированы.

Вместе с тем **образ в процессе варьирования обнаруживает тенденцию к расширению состава аспектов речевой ситуации, который он способен интерпретировать**. Следовательно, функциональная закреплённость метафорического образа распространяется не только на определенный аспект ситуации или отдельное речевое действие в рамках жанрового сценария, но нередко на речевой жанр в целом. Даже образы, квалифицированные выше как закрепленные за определенным аспектом ситуации, при специальном наблюдении обнаруживают **тенденцию к охвату нескольких аспектов ситуации либо к охвату речевого жанра**.

Так, образ перемещения в пространстве, рассмотренный выше как закрепленный за логико-композиционным аспектом речевой ситуации, тесно связан в качестве ключевого образа с повествовательными жанрами: рассказом, лекцией, экскурсией и т.п. Образ физического противоборства органично коррелирует с жанрами конфликтного речевого поведения. Образ животного при развёртывании в аспекте отношений с особями того же или других классов тяготеет к моделированию жанра бытовой ссоры.

Тенденция метафорического образа к экспансии – к охвату не только одного аспекта ситуации либо нескольких взаимосвязанных аспектов этой ситуации, но и к охвату речевого жанра в целом – обеспечивается способностью образа к варьированию и реализует-

ся в процессе его лексического и семантического варьирования. Эта тенденция в разной степени реализуется разными образами, поскольку условием корреляции метафорического образа и речевого жанра является структурное сходство двух ситуаций: речевого события определённого жанра и ситуации, которая его образно моделирует, – в их восприятии сознанием.

К.Ф. Седов и В.В. Дементьев отмечают: «Мы определяем [речевой] жанр как вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» (Дементьев, Седов 1998: 6). Категория речевого жанра позволяет сопоставить жанр и речевой акт, статические и динамические стороны речевой ситуации, разные варианты организации речи.

Наше обращение к речевому жанру в рамках исследования метафорического моделирования речевой ситуации мотивировано логикой языкового материала, которая показывает, что метафорическому моделированию обычно подвергается не отдельный аспект ситуации, а вся ситуация либо один из ее компонентов в связи с другими.

Прежде всего речевые жанры представлены маркирующими их глаголами-метафорами: **просьба** – *привязываться, липнуть, прицепляться, теревить, уламывать*; **спор** – *схлестнуться, сцепиться, отметать, отразить*; **ссора** – *схлестнуться, сцепиться, лаяться, собачиться, отлаиваться, крыть, лягать, уязвлять*; **угроза** – *нападать, наскокивать, налетать, обрушиваться, накидываться*; **комплимент** – *рассыпаться, превозносить*; **хвастовство** – *возноситься, козырять*; **жалоба** – *открываться, изливать, скулить, выть*; **объяснение** – *проливать свет, освещать, развертывать, разжевывать, раскрывать, вколачивать, вдалбливать*.

О важности жанрового маркирования речевой ситуации при её описании или оценке говорит, в частности, М.М. Бахтин. Рассуждая об интерпретации предложения с позиций теории речевых жанров, он пишет: «Предложение, как и слово, — значащая единица языка. Поэтому каждое отдельно взятое предложение, например, “Солнце взошло”, совершенно понятно, то есть мы понимаем его языковое значение, его возможную роль в высказывании. Но занять в отношении этого отдельного предложения ответную позицию никак нельзя, если только мы не знаем, что говорящий сказал этим предложением всё, что он хотел ска-

зять, что этому предложению не предшествуют и за ним не следуют другие предложения того же говорящего... Но если это предложение окружено контекстом, то оно обретает полноту своего *смысла* только в этом контексте, то есть только в целом высказывании, и ответить можно только на это целое высказывание, значащим элементом которого является данное предложение» (Бахтин 2007: 220).

Проиллюстрируем маркирующую способность метафорических номинаций в разграничении соответствующих речевых жанров:

- Солнце взошло, – *отрезал* он.
- Солнце взошло, – *накинулся* он.
- Солнце взошло, – *бухнул* он.
- Солнце взошло, – *скулил* он.
- Солнце взошло, – *липнул* он.

Глагольные метафоры в составе текстовых фрагментов (как и приведённые выше списком) маркируют речевой жанр через **экспликацию аспектов соответствующей жанровой модели**: типа отношений, цели, структуры коммуникации. В частности, лексемы, представляющие жанр **ссоры**, различают отношения между субъектами, количество и характер участников, их эмоции, серьезность повода для конфликта и др. – в рамках *метафорического образа собаки*:

1) характер отношений между субъектами (достаточно близкие – в случае обозначения лексемами *лаяться, собачиться*);

2) роли субъектов (равноправные в случае обозначения лексемами *лаяться, собачиться* – неравноправные в случае обозначения лексемами *отлаиваться, отбрёхиваться*);

3) серьезность повода для конфликта (*схлестнуться, сцепиться* – серьезный повод; *лаяться, собачиться* – рядовой бытовой повод);

4) характер эмоций участников (*браниться, лаяться, рычать, рвать* – в состоянии раздражения, злобы, гнева);

5) пол говорящего (*рвать, рычать* – обычно о мужчинах).

Иначе говоря, метафорические образы являются метаречевым средством, стихийно «исследующим» специфику многообразных форм, в которые «отливается» наша речь, а кроме того, дифференцирующим «специфические условия и намерения говорящих через тему сообщения или высказывания, языковой стиль (языковые средства), композицию»

(Ирбакаева 2006: 110), то есть через компоненты, определяющие речевой жанр.

Аспекты структуры речевых жанров получили отражение не только в системе их нейтрального метафорического осмысления, но и в системе внелитературной лексики: по наблюдению Л.В. Балашовой, в сленге встречаются специфические для данной сферы наименования «гипержанров» (которые, на наш взгляд, реализуют общую тенденцию к отражению метафорическими номинациями речевых жанров): «‘судебное разбирательство’ – *венчание, кухня, экзамен, эшафот*; ‘судебные прения’ – *грызня*; ‘допрос; разговор со следователем’ – *интервью, исповедь, ломка, мотня, раскол...*» (Балашова 2007: 22). Исследователь отмечает, что внелитературные метафорические наименования речевых жанров составляют около 700 единиц, что также свидетельствует об органичной связи метафорической номинации и речевого жанра.

Новые принципы структурирования картины метафорического отражения ситуации мы связываем с **образоцентрическим подходом**, который дает ключ к анализу возможностей метафорического моделирования действительности, **позволяет исследовать механизм образной концептуализации денотата в процессе разностороннего варьирования образа.**

Понятие **варьирования**¹ является одним из ключевых понятий, определяющих закономерности функционирования метафорического образа. Воспроизведение образа представлено тремя типами его варьирования:

- **лексическое варьирование** – воспроизведение образа в многочисленных речевых актах в разном лексическом обличье,
- **семантическое варьирование** – воспроизведение образа в многочисленных речевых актах с актуализацией разных семантических признаков,
- **варьирование ассоциативных связей образа** – воспроизведение образа в качестве средства моделирования разных денотативных ситуаций или разных компонентов одной ситуации.

¹ Варьирование является универсальным свойством языковых единиц, определяет функционирование языковых единиц и в этом качестве предстаёт как закономерное явление.

Механизм варьирования содержательной структуры концепта (образа) определяет **интерпретационные возможности метафоры** применительно к разным типам денотатов: процесс варьирования демонстрирует саму сущность метафоры, а аспекты варьирования образа определяют основные параметры метафорообразования.

Органичность метафорического образа для определённого речевого жанра, условием которого является сходство структуры и логики развития двух ситуаций, способствует разностороннему развёртыванию этого образа в результате его лексического и семантического варьирования в процессе моделирования ситуаций, представляющих этот жанр.

Предметом анализа в данной главе является лексическое и семантическое варьирование двух образов, моделирующих речевую ситуацию, которые в условиях своего широкого лексического и семантического варьирования обнаруживают не одинаковые тенденции.

Образ манипулирования предметом демонстрирует разнонаправленное варьирование, связанное со способностью концептуализировать широкий спектр речевых ситуаций и жанров. В отличие от него *образ физического противоборства* обнаруживает тенденцию к охвату определённого речевого жанра – конфликта.

Центральное положение метафорического **образа «манипулирование предметом в процессе физического взаимодействия»** в системе образов, концептуализирующих речевую ситуацию, определяется тем, что в фокусе внимания метафоры оказываются все элементы структуры речевой ситуации: говорящий, второй участник речи, речь (*бросил фразу – ловил слова*). Это обстоятельство обеспечивает образу широкие интерпретационные возможности. Показательно, что эта метафора используется для определения коммуникативной функции языка: *Язык является основным средством человеческого общения (коммуникативная функция), средством передачи информации от говорящего к слушающему (адресату)* (Языкознание 1998: 604).

Кроме того, одна из линейных теоретических моделей коммуникации включает термины, эксплицирующие данный образ: термины «отправитель» – «получатель» информации используются для обозначения субъектов общения: *При наличии обратной связи отправитель и получатель* меняются коммуникативными ролями. *Изначальный полу-*

чател становится *отправителем* и проходит через все этапы процесса обмена (Основы менеджмента); Совместная деятельность людей предполагает контакты между ними и **обмен** необходимой **информацией**. Для осуществления любой коммуникации необходимы как минимум два человека — **отправитель** информации (коммуникатор) и её **получатель** (коммуникант или реципиент) (Морозов).

Этот образ широко используется в научной, художественной и обыденной речи для характеристики речевого взаимодействия. Приведём примеры: *Дискуссия – устное коммуникативное взаимодействие группы учащихся... которое организуется для обмена мнениями, связанными с изучаемыми предметами* (Казарцева); *Цирле обменялся с мичманом парой фраз на русском* (Зорич); *При этом оба учёные перебрасывались оживлёнными, но непонятными простым смертным словами* (Булгаков).

Картина функционирования данного образа характеризуется широким диапазоном его лексического и семантического варьирования. При этом варьирование характеризуется тенденцией не к однонаправленному развёртыванию образа, которое способствовало бы его смыканию с тем или иным конкретным речевым жанром, а к разнонаправленному развёртыванию – к концептуализации разных аспектов речевой ситуации вообще и различных речевых действий и жанров в том числе.

В результате лексического и семантического варьирования данный образ в одних случаях моделирует фрагменты речевой ситуации, её отдельные акты – с вниманием как к отдельному участнику речи, так и к взаимодействию нескольких участников. Ср.: с одной стороны, *бросить реплику, принять обвинение*, то есть обозначение отдельных речевых действий одного участника ситуации – либо говорящего, либо слушающего; с другой стороны, *обменяться – перекинуться фразами*, то есть обозначение речевого взаимодействия нескольких участников ситуации.

В иных случаях варьирующийся образ нерасчленённо обозначает всю речевую ситуацию, при этом – ситуации разных речевых жанров, ср.: *отдать приказ, дать совет, принести извинения, дать интервью*. Эти возможности реализуются в условиях **разного лекси-**

ческого наполнения объектной позиции при глаголе со значением передачи.

Показательно и то, что средства этого образа позволяют интерпретировать высказывания любого целевого назначения:

- сообщение (*передал сведения*),
- вопрос (*дал запрос, подбросил вопрос*),
- побуждение (*отдал приказ*).

Ср. более широкий спектр коммуникативных актов, моделируемых центральными глагольными средствами воплощения образа: *дать сведения / показания / совет / поручение / обещание / ответ / урок / оценку* и т.п., коррелирующие с глагольными сочетаниями *получить сведения / показания / совет / поручение / обещание / ответ / урок / возражения / выговор / поздравления / извинения* и т.п.

При этом часто наблюдается прямая корреляция конструкций, ср.: *дать информацию – получить информацию, дать сведения – получить сведения, дать показания – получить показания, дать совет – получить совет, дать поручение – получить поручение, дать приказ – получить приказ, дать ответ – получить ответ, дать урок – получить урок.*

Данный образ располагает возможностью концептуализировать ситуацию **опосредованной коммуникации** посредством глагола *передать* и его дериватов: *передать привет / поздравления / приказ / ответ* и т.п.

За счет лексического и сопряжённого с ним семантического варьирования образа происходит акцентирование частных аспектов ситуации речи: наряду со словами *дать – получить* регулярно употребляются лексемы *бросить – ловить*, эксплицирующие порождение и восприятие речи: – *Доброе утро! – бросил ему я (Зорич); Роза, не отрывая бинокля от глаз, жадно ловит каждое слово из длинного монолога Акосты (Ш.-Алейхем).*

Фатическое речевое взаимодействие в его неформальной разновидности репрезентируется лексемой *делиться* и её дериватами, актуализирующими сему доверительности: в той или иной степени интимную ситуацию, специфическое (не для всех) содержание сообщения: *Здесь собираются все желающие, чтобы в дружеской обстановке по-*

делиться впечатлениями (Реклама арт-кафе); *Хочу поделиться самым сокровенным...* (Интернет-форум).

Аспект **отношения говорящего к адресату**, его состояние репрезентируется глаголами *передал / бросил / кинул / швырнул* (фразу). Так, глагол *бросить* актуализирует внешнюю сторону речи – «сказать быстро, коротко»; оценку – «небрежно или сдержанно»; неравноправие коммуникантов: субъект занимает более высокое положение в социальной иерархии либо осознаёт свое превосходство в рамках ситуации. Названные характеристики объединяются смыслом «сказать, не заботясь о реакции собеседника в силу её неважности или очевидности». Указанные особенности ситуации нередко прямо эксплицированы в контексте: ***Бросив** свой вопрос Степану Трофимовичу при входе, он как бы забыл о нём тотчас же* (Достоевский); – *Чайку, на всех, – **бросил** капитан вестовому* (Зорич); *Ваши близкие будут первыми, кто ощутит на себе последствия ваших недоработок... – У меня нет близких, – победительно **бросил** ему Роланд...* (Зорич); *...не успевают даже **бросить** вдове или врачу небрежную обязательную фразу: – Так ему (или ей) лучше будет!* (Аверченко).

Восприятие информации вторым участником речи передается образом приема предмета (ср.: *поймал – принял – ловил – подхватывал слова*), который связан с характеристикой адресата. Показательно, что эти глаголы в данном случае функционально соотносятся с глаголом *понимать* (этимологически *поимати*), поскольку восприятие предполагает понимание речи. Например: *Командир Валентин Олегович: – **Доклад принял*** (Зорич).

Образ может эксплицировать факт восприятия речи – того, что адресат слышит речь, без указания на целенаправленность слушающего: *Из всего сказанного я **уловил** только слово «сарван» – капитан* (Зорич). Ср. акцентирование целенаправленности воспринимающего субъекта, понимание неочевидных смыслов: *Роза, не отрывая бинокля от глаз, жадно **ловит** каждое слово из длинного монолога Акосты* (Ш.-Алейхем); – *Нет, знаешь, – **схватив** его слова на лету и встряхнув голову, заговорила женщина ломким голосом* (Горький).

Метафорический образ подхватывания падающего предмета актуализирует **согласованность действий адресата и говорящего, готов-**

ность адресата к продолжению коммуникации, принятию предложенной темы, оценки, тональности речи, к развитию предложенной мысли: – *Ни тебе груздя мочёного, ни зелена вина. – И ни одного орешка, – подхватил Егор (Зорич); – Да, да, разумеется, – подхватил Пьер, обрадованный выступавшею ему подмогой (Л. Толстой); – Да, мы всё время с графиней говорили..., – сказала Каренина... – Вероятно, это вам очень наскучило, – сказал он..., на лету подхватывая этот мяч кокетства, который она бросила ему (Л. Толстой).*

Если в предыдущих примерах передаётся эффективная коммуникация, то следующие контексты репрезентируют **отказ от продолжения речи в предложенной форме**: – *Он сказал, что Садовников наверняка обращался и к Боголюбову тоже, но что-то у них не... – Не срослось, – подсказал Константинов. – Не сложилось, – не приняла подачу Лера, не любившая жаргон (Устинова); Учительница прижимала обе руки к груди, бегала от одного к другому, кричала, волновалась, описывала все прелести городской безопасной жизни, но все её слова отбрасывались упруго и ловко, как мячик. Оба лагеря совершенно не понимали друг друга (Аверченко).*

Метафорический образ «Физическое противоборство» закрепился в русской языковой картине мира в качестве средства концептуализации **конфликтного речевого взаимодействия** во всех его разновидностях.

Метафора *речевое взаимодействие – борьба* принадлежит к числу моделей, которые исследователи оценивают как ключевые в этой денотативной области: «Многое из того, что мы делаем в спорах, частично осмысливается в понятийных терминах войны. В споре нет физического сражения, зато происходит словесная битва, и это отражается в структуре спора: атака, защита, контратака и т. п.» (Лакофф, Джонсон 1990: 389).

Важным показателем органической взаимосвязи двух ситуаций (физического противодействия и речевого конфликта) в сознании и в отражающей его языковой картине мира являются материалы этимологических и толковых словарей.

Слова *бранить, браниться* в современном русском языке используются только применительно к речи: *бранить* – 1) «порицать, выра-

жать своё недовольство бранными словами»; 2) «подвергать осуждающей критике»; *браниться* – 1) «бранить друг друга, ссориться»; 2) «выражать своё недовольство в грубых, резких словах» (Ожегов, Шведова 1994: 55); см.: *Брат и сестра Сидоровы в детстве очень дружили, были близки друг другу, а, повзрослев, постоянно бранились* (БТСРГ).

Вместе с тем показательно, что эти слова, как и слово *брань*, применительно к ситуации речи представляют собой стёртую метафору и этимологически связаны с лексемами *бороться, борьба*¹. В словаре В.И. Даля в толковании слова *брань* наряду с лексемами, обозначающими речь, приводятся слова, называющие физическое противоборство: «Брань – ж. ссора, перекоры, свара, раздор, несогласие, разлад, вражда, враждование; ругня, ругательство; бранные, ругательные, поносные слова; драка, колотня, свалка, рукопашная, побоище; война, сражение, бой, битва» (Даль 1989: 302). Ср., с одной стороны, лексемы, называющие речевую ситуацию: *ссора, свара, ругня, бранные, ругательные, поносные слова* и под., а с другой стороны, лексемы *драка, рукопашная, побоище, война, сражение, бой, битва* и под., именующие ситуацию физического противоборства.

Основой **регулярности воспроизведения данного образа в сфере интерпретации речевой ситуации** является, в первую очередь, сходство структуры ситуации физического противоборства с речевой деятельностью, реализующей конфликтный сценарий взаимодействия коммуникантов.

Структура конфликтного речевого взаимодействия (спора, ссоры и т.п.), как и структура физического противоборства (войны, борьбы, драки, дуэли и т.п.), включает **следующие компоненты**: участники противоборства; противоречия (во взглядах, интересах, мнениях, оценках, ценностных представлениях, целях и т. п.); причина-повод;

¹ Слово *брань* восходит к церковнославянскому *боронь* – «борьба, препятствие». Ср. реализацию в родственных языках: *бороться* – в.-луж. wobróćso, н.-луж. wobrojs – "защищаться", лит. bárti, barù "бранить", возвр. "ругаться" лтш. bārt, bači, др.-исл. beria "бить", berias "бороться", д.-в.-н. berjan, ср.-в.-н. bern "бить, стучать, наступать", лат. ferō, --re "бить, рубить, колоть"; бóронь "борьба, препятствие", стар. (о)боронить, оборона, укр. боронити "защищать", ст.-слав. брань ж. "битва, бой", болг. брания "защищаю, препятствую", сербохорв. бранити, бран ж. "бой", словен. brân ж. "защита", чеш. braň "оружие", польск. broń, диал. bróń "оружие", в.-луж. brón "оборона", н.-луж. broń "оружие" (Фасмер 1964: 197).

ущерб; временная протяженность и пространственная локализация. Сходными оказываются и стадии развития конфликта: зарождение, созревание, пик, спад и разрешение.

Кроме того, отношения между ситуациями физического противоборства и речевого конфликта можно рассматривать не только с точки зрения сходства, но и с точки зрения смежности – как между разными формами выражения конфликта. Собственно языковой причиной использования образа физического противоборства для моделирования речевой ситуации можно считать факт детальной лексической структурированности в языке сферы физического противоборства, то есть богатые ресурсы её словесного представления.

Сказанное обеспечивает условия для **широкого лексического и семантического варьирования образа физического противоборства в качестве средства концептуализации жанра конфликта**, возможности его разнонаправленного развёртывания в разных стилях: художественном, публицистическом, разговорном: *Теперь готов ходить в открытую, бить* любое ваше сомнение (Тендряков); *Но с тех пор, как меня в тюремных спорах били и били...* (Солженицын); *Надо, чтобы в каждой такой словесной схватке вы, а не ваш противник оказался победителем. И притом чтобы вы «взяли» не «горлом», а спокойствием...; чтобы вы победили не в «кулачном», а в «фехтовальном» поединке. Если он [ребёнок] будет наблюдать, как вы в споре владеете оружием речи* (Успенский); *Господа, я выхожу на эту трибуну, весь покрытый стрелами, пущенными в меня искусной и всё ещё молодой рукой. Я не буду пытаться вырывать их и бросать обратно моему грозному противнику* (Ханин).

Рассматриваемый образ проникает и в учебно-научный дискурс, связанный с культурой речи и риторикой. Приведём некоторые примеры из вузовских учебников и учебных пособий: *Опережающее обсуждение возражений позволяет избегать резкого противоборства* (Стернин); *Как завоевать слушателей?* (Львов); *Ораторы знают, что внимание и доверие аудитории необходимо завоевать* (Стернин); *Доводы такого рода называют «убийственными»* (Максимов); *... полемику можно определить как борьбу принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу, публичный спор с целью защитить,*

отстоять свою точку зрения и опровергнуть мнение оппонента (Введенская, Павлова); Выделяются три способа такой «**борьбы**» слушателей с речевым воздействием оратора: стратегия избегания, стратегия подрыва авторитета, стратегия непонимания (Стернин).

В процессе лексического и семантического варьирования метафора физического противодействия тяготеет к концептуализации всего комплекса речевых жанров конфликтного взаимодействия: жанров публичного официального дискурса (спора, дискуссии, критики) и жанров бытового дискурса (ссоры, скандала).

Закономерности развёртывания образа, то есть закономерности его лексического и семантического варьирования, заданы логикой не только лежащего в его основе денотата (драки, войны, дуэли и т.д.), **но и структурой, сценарием соответствующих речевых жанров**, средством концептуализации которых выступает образ.

Органичность образа физического противоборства в разных его вариантах для концептуализации жанров конфликтной речевой ситуации выражается в том, что в рамках широкого лексического и семантического варьирования образ обеспечивает возможности моделировать речевой жанр в его развёртывании в разных направлениях, актуализируя все коммуникативно важные аспекты речевого жанра. При этом в развёртывании образа можно наблюдать и **пропозициональную, и сценарную логику**.

Прежде чем рассматривать картину варьирования образа на основе текстовых материалов, обратим внимание на отражение пропозициональной логики в толковых словарях современного русского языка и в этимологических словарях русского языка.

В толковании лексемы с предметным грамматическим значением обнаруживаются следы пропозициональной логики осмысления ситуации, а при толковании глагольной лексемы – следы как пропозициональной, так и, видимо, сценарной логики её осмысления. Так, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (Ожегов, Шведова: 55) и в словаре Д.Н. Ушакова (Ушаков 1935: 181) значения слов-омонимов *брань1* и *брань2* квалифицируются как названия всей ситуации физического противоборства (*Брань2* «война, битва»), и как название одного компонента ситуации словесного противоборства (*Брань1* «обидные

слова, сквернословие, ругательство» – то есть своеобразное «оружие» в ссоре).

В словаре В.И.Даля обнаруживаем ту же картину: толкования значений слова *брань* применительно к ситуации физического противоборства включают лишь названия всей ситуации в целом (*драка, колотня, свалка, рукопашная, побоище, война, сражение, бой, битва*), а применительно к ситуации речевого конфликта, наряду с названиями всей ситуации в целом (*ссора, свара, раздор, разлад, вражда*), содержатся названия орудия воздействия – слов, выражений (*бранные, ругательные, поносные слова*). (Даль 1989: 123)

Данные этимологического словаря М.Фасмера подтверждают вывод об отражении пропозициональных аспектов осмысления ситуации, на этот раз – на уровне межъязыковой многозначности. Значения слов с корнем *бран-* (*борон-*) в разных родственных языках и их диалектах именуют:

А) ситуацию физического противоборства в целом («битва, бой» – ср. ст.-слав. *брань* "битва, бой", сербохорв. *брáнити, бра̀н* "бой");

Б) оборону как определенный ракурс (со стороны лица, отражающего нападение) или определённый этап ситуации противоборства (рус. *(о)боронить, оборона*, укр. *борони́ти* "защищать", болг. *бра̀ня* "защищаю, препятствую", словен. *brãn* "защита", в.-луж. *bróń* "оборона");

В) один из компонентов этой ситуации – оружие: чеш. *braň* "оружие", польск. *broń*, диал. *bróń* "оружие", н.-луж. *broń* "оружие". (Фасмер 1964: 197)

Таким образом, исходно общая лексема со значением физического противоборства в разных языках получила деривационную трансформацию и семантическое развитие по метонимической логике, отражающей структуру исходной ситуации (то есть пропозицию).

Рассмотрим варьирование образа физического противоборства в качестве средства концептуализации конфликтного речевого жанра с вниманием к **пропозициональной логике** развёртывания образа. Развёртывание ситуации по пропозициональной логике означает расширение состава компонентов речевой ситуации, которое выражается в том, что в контекст, наряду с метафорическим глаголом (ключевым для данной модели) и противодействующими субъектами, вводится позиция с

инструментальным значением, которая представляет оружие: *И Богдановский, ухватившись за этот тезис, ловко фехтовал им против Лагунова и всех, кто ещё сопротивлялся* (Гранин); *Путин разгромил критикой судовой фи* (Newsinfo. Ru).

Введение позиции оружия для интерпретации словесных аргументов способствует более полному отражению речевого конфликта при его метафорической концептуализации. Орудийная позиция в контекстах, образно моделирующих речевую ситуацию, заполняется лексическими средствами, обозначающими компоненты обеих ситуаций – исходной ситуации борьбы и моделируемой ситуации речи:

1) с одной стороны, лексемами, обозначающими орудия физического противоборства: *стрелы, рапира, огнестрельное оружие, тяжёлая артиллерия*: – *Какие способы провокаций использовала Собчак в ходе интервью? – Это были множественные «личные выпады», интерпретации, или оценки, в адрес Гордон. Катя на каждую из них «ловила» без исключения* (АиФ online); *Стрелы твоего красноречия выпущены нетвёрдой рукой и затуманенным рассудком. Расскажи лучше о последних дворцовых интригах* (Копти); – *Ах, вот даже как! – увидев уязвимое рапире место, нанёс Сологдин моментальный звонкий удар* (Солженицын);

2) с другой стороны, лексемами, обозначающими компоненты ситуации речи; так, нами отмечены:

а) слова, именующие речь: *слово, речь, фраза* и т.д.: ...*Но Нержин заметал её словами...* (Солженицын); *Как научиться подбирать нужные слова, чтобы победить словом (имплицитно – не кулаками)?* (Интернет-форум); *Они уходили, меча друг в друга словами* (Солженицын); *Райс подвергла Россию словесному разгрому. Государственный секретарь США Кондолиза Райс выступила с пламенной речью, посвящённой российско-американским отношениям* (Правая. Ru);

б) лексемы, именующие содержание словесного высказывания или его роль в споре: *резкость, вопрос, требование, критика, аргументы, доводы*: *Макарыгин напряжённо маневрировал, чтобы Радович не выпалил какой-нибудь резкости* (Солженицын); *Почему? – Трезвый Толя Зыбков стреляет в меня очередным вопросом* (Тендряков); *Всегда он наталкивался на твёрдое сопротивление Лены, и с годами идея*

[о проживании со свекровью] стала являться всё реже... в минуты раздражения. Она превратилась в **портативное и удобное**, всегда при себе **оружие для мелких семейных стычек** (Трифонов); Эх, был огромнейший соблазн сделать с твоим постом то же, что и ты с моим (т.е. отрезать одно предложение, проигнорировав всё остальное, вывернуть его смысл наизнанку и **разгромить доводами** то, что никто и не собирался оспаривать), ну да ладно, на этот раз отвечу на пост полностью (Интернет-форум); Я воевал с Буксгевденом его собственным оружием – его **резонами** (слова графа), противу предложенного им перемирия... (Булгарин);

в) лексемы, именующие психологические качества и поведение оппонента: **интеллект, спокойствие, молчание** и т.д.: Пришлось заседание вести, так мне всё время казалось, что все смотрят на меня и смеются... – Наплюй, – сказал Крылов. – ... Чуть что, **бей по морде интеллектом** (Гранин); **Надо, чтобы в каждой такой словесной схватке вы, а не ваш противник оказался победителем. И притом чтобы вы «взяли» не «горлом», а спокойствием...** (Успенский); **Мать ей с детства внушила, что лучшее оружие в семейных ссорах – молчание. Так вот всегда и молчала...** (Покрасс);

г) лексемы, именующие лиц, используемых в качестве помощников с учётом их коммуникативных, интеллектуальных, статусных качеств: **Конфликт** между издательским домом «Коммерсант» и «Альфа-групп» не закончился с решением Московского арбитражного суда. Продолжился он у Владимира Соловьева в передаче «К барьеру». Ассистировали дуэлянтам люди известные и уважаемые. Спину гендиректора «Коммерсанта» прикрывали адвокат **Павел Астахов** и **Виктор Геращенко** – «бывший сотрудник Центробанка». Против такой **тяжёлой артиллерии** Михаил Фридман выставил **Юрия Башмета** и **Андрея Макаревича** (Рос. газета).

Развёртывание метафорического образа по пропозициональной логике можно усмотреть и в случае концептуализации **одной и той же ситуации в разных ракурсах** – с точки зрения действий той либо иной стороны в акте противоборства: действия одной из сторон квалифицируются как нападение, а действия другой – как защита, оборона: **Теперь он наступал, и Тулин понимал: стоит начать защищаться, как всё**

пойдёт прахом (Гранин); *Он не пробовал защищаться, он покорно принимал удары Тулина, но всякий раз, как ванька-встанька, поднимался, словно извиняясь за то, что Тулину приходится снова бить его...* (Гранин).

Аспект нападения регулярно используется для передачи **агрессивного типа речевого взаимодействия**, однако варьирование образа обеспечивает и другую его функцию – **актуализацию активности субъекта речи**. См. наиболее типичное воплощение нападения субъекта на лицо-объект с актуализацией агрессивного воздействия: *Досталось порядком и актёрам: он набросился на них, ко всем придирался, сердито покрикивал, бранился и осыпал их такими проклятьями, что мог бы составить из них целый словарь* (Ш.-Алейхем); – *Сами требуем дорогу молодым... – А когда предлагают, то в кусты! Наперебой они наседали на него...* (Ш.-Алейхем). При этом варьирующийся образ может актуализировать **причинение боли**, то есть перевести внимание на иной аспект ситуации – **ощущения лица-объекта** воздействия: *Когда Дмитриеву хотелось за что-то уколоть Лену, обвинить её в эгоизме или в чёрствости, он говорил: «Вот поэтому ты и с матерью моей не хочешь жить»* (Трифонов); *Найти бы такое место, куда побольнее ударить* (Солженицын).

Вместе с тем при актуализации того же аспекта нападения может быть нейтрализован признак агрессивного воздействия и подчёркнуто **активное и инициативное речевое поведение говорящего**: *Вам нехорошо, Владимир Ипатьич? – набросились со всех сторон встревоженные голоса* (Булгаков); *А Симка навалилась: – Володенька, Володенька, свези бочкотару в Коряжск* (Аксенов).

Развёртывание образа физического противоборства **по сценарной логике** концептуализирует развитие конфликта в его временной протяжённости с акцентированием отдельных этапов или их взаимосвязи в рамках речевого жанра конфликта. Это предполагает последовательную актуализацию следующих этапов: мотивации необходимости столкновения; подготовки к нему; планирования процесса самого противоборства с разными стадиями; исхода; последствий: либо одного отдельно взятого этапа, либо всех этапов в развёрнутой текстовой метафоре. Приведём примеры, в которых идёт речь о нескольких этапах в разви-

тии речевого жанра конфликта: *Это классический приём возвратного удара, не позволяющего противнику втянуть вас в дискуссию, в которой он выиграет* (Стернин); *В последнее время Голицын наконец решился выступить против академика Денисова, и тут Крылов и Бочкарёв были целиком на стороне своего шефа, и, может быть, зная это, он хотел укрепить тылы* (Гранин).

Этап конфликта, обозначаемый словами *разведка, разведывать*, связан с выявлением слабого места противника с целью нанесения удара по уязвимым местам: *Лидия Ивановна через своих знакомых разведывала о том, что намерены делать эти отвратительные люди...* (Л. Толстой).

Идею начала активных враждебных действий в отношении коммуниканта, выражающего другое мнение, передают глаголы *нападать, наступать*, существительные и сочетания с тем же значением: *Чем я пособлю?.. – со сдержанным бешенством начал наступление Пантелей Прокофьевич. – Ты мне скажи толком. Я-то аль рад тому, что сын с базу ушёл?* (Шолохов); *А вот женщины, на которых вы так нападаете, – те, по крайней мере, не употребляют громких слов* (Тургенев); *Лучше бы опять Порфирий... или Свидригайлов... Поскорей бы опять какой-нибудь вызов, чье-нибудь нападение...* (Достоевский); *Чем яростней он напал, тем благодуще улыбался Агатов* (Гранин); – *Вы, – она ещё соизмеряла удар, – умрёте!* (Солженицын).

Слова *оборонять, обороняться, защищать, защищаться, отбивать, отбиваться, парировать, отпарировать* реализуют идею защиты от речи оппонента: *На мои атакующие вопросы она отвечала всё более сдержанно, продолжая защищать «порядочного» мужа-деспота и ругать сноху...* (Покрасс); *Если муж приходит домой под утро, жена устраивает ему последний день Помпеи. Защищаться и оправдываться тут бесполезно* (Cosmopolitan); *Калмык да татарин первые люди в степи, ты, тётушка, не шути! – уходя, отбивался Федот* (Шолохов); *Ты... не кончи сумасшествием! – пытался обороняться Нержин* (Солженицын); – *А я что говорю? – с достоинством отпарировал Афанасий* (Окуджава).

Защиту в ситуации противоборства можно рассматривать как аспект пропозиционального развёртывания образа – когда нападение и

оборона представляют собой один и тот же момент развития ситуации (взаимное противоборство двух сторон). В таких случаях акцентируется внимание лишь на действиях одной стороны, положение второй (нападающей) стороны характеризуется имплицитно (примеры см. выше).

Вместе с тем оборона в ситуации относительно длительного военного противоборства может рассматриваться как *этап в развитии военных действий* с точки зрения определённой стороны. В этом случае варьирование образа физического противоборства логично квалифицировать в терминах сценарного развёртывания. В целом следует подчеркнуть, что **в процессе варьирования образа физического противоборства при концептуализации речевого жанра конфликта обычно совмещаются пропозициональная и сценарная логика развёртывания.**

Конечной целью любого противоборства является полное подчинение противника: в результате участники спора предстают в роли победителя и побеждённого. При этом эксплицитная квалификация статуса одной стороны в то же время имплицитно характеризует статус другой стороны: называя какую-либо сторону победившей, говорящий считает вторую сторону побеждённой. Поражение заключается в том, что оппонент исчерпал аргументы либо согласился с точкой зрения противника.

Результат противоборства обозначают выражения *победить, одержать победу, отвоевать, завоевать, отбить, поразить, пленить* и, с другой стороны, выражения *потерпеть поражение, сдаться (в плен), быть разбитым* и под. Ср. характеристику результата с помощью конверсивов:

Так и отбилась от свекрови, завоевала себе вольный кредит (Можаев);

И тогда я ...старался говорить как можно резче и обиднее, точно хотел отомстить за поражение, которое только что потерпел. Клэр насмешливо соглашалась с моими доводами; и оттого, что она так легко уступала мне в этом, моё поражение становилось ещё более очевидным (Газданов).

Ср. другие лексические средства выражения этого аспекта: *...Изварин легко разбивал его в словесных боях* (Шолохов); *...Генерал*

Банок разбил меня в пух и прах по всем пунктам (Симонов); *Браво, браво, разбит Пигасов, разбит* (Тургенев).

Идею прекращения действий и признания своего поражения выражает лексема *сдаться* (в плен), при этом актуализируется одна из противоположных сем: сема 'добровольно' либо сема 'вынужденно' – в зависимости от осознания субъектом целесообразности такого шага в сложившихся условиях: *Да что, думаю, упёрся мой лауреат! Нет, думаю, не пойдёшь со мною на Бриттена, стану безжалостной. Он сдался, предчувствуя полный провал, была я неумолима, а он без меня жить совсем разучился. Бодрится: ну, ладно, пошли!* (В. Ерофеев).

Нередко исход спора интерпретируется как попытка уйти от противоборства, что ассоциативно приравнивается к бегству: – *Ага! обратился в бегство!* – заговорила *Дарья Михайловна* (Тургенев); *После нескольких реплик с соседней койки он обратился в бегство...* (Солженицын).

Развёрнутая текстовая метафора часто актуализирует несколько аспектов ситуации противоборства: – *А почему ты думаешь, что у тебя есть право голоса? – Кроткая и вовсе не мстительная, она нанесла удар сокрушительный...* – *Ты ведь Тане не отец. Это была низкая месть... Удар пришёлся в цель. Это был тот редкий случай, когда оба дуэлянта проиграли – живых не было* (Улицкая). В данном случае в метафорическом контексте актуализирован результат деятельности и косвенно, через характеристику субъектов (*дуэлянты*), – тип взаимодействия, его основания, т.е. наблюдается сценарное развёртывание образа для категоризации ситуации спора в такой же логике.

Таким образом, наблюдение за функционированием даже отдельно взятых образов даёт основание утверждать, что **метафорическая концептуализация представляет не фрагментарное отражение речевой ситуации, а цельную картину моделирования и оценки этой ситуации, обеспечиваемую механизмом варьирования того или иного образа.**

С учётом этого следует сказать, что семантико-когнитивные ресурсы образа в качестве средства концептуализации иной (в данном случае – речевой) ситуации являются потенциально не ограниченными и определяются уровнем знаний носителя языка о реалии.

С точки зрения оценки природы метафоры можно сказать, что **механизм лексического и семантического варьирования образа выступает, с одной стороны, основным показателем лингвокреативного потенциала метафоры, а с другой стороны, показателем системности метафорообразования.** При этом в констатации несовместимых, на первый взгляд, свойств метафорообразования – а именно характеризующих его лингвокреативности и системности – нет противоречия.

В заключение подчеркнём: в данной главе речь шла о двух разновидностях варьирования метафорического образа – лексическом и семантическом варьировании, при этом без их дифференциации. Иначе говоря, наблюдения за функционированием рассмотренных образов ограничивалось их использованием в рамках одной метафорической модели (*речевая деятельность – манипулирование предметом* и *речевая деятельность – физическое противоборство*), т.е. в условиях абстрагирования от картины варьирования ассоциативных связей названных метафорических образов. В этом случае, как было показано, взгляду исследователя открывается картина широкого лексического и семантического варьирования образа, появляются условия для прослеживания закономерностей его развёртывания, т.е. на передний план выходит действие **центробежной тенденции** в реализации смыслопорождающего потенциала образа.

В следующей главе рассматривается не менее важная сторона механизма варьирования метафорического образа в процессе его использования в качестве средства образной концептуализации знаний о мире – **варьирование его ассоциативных связей.**

ГЛАВА 3
ВАРЬИРОВАНИЕ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ОБРАЗА
КАК МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕНОТАТА
(на материале метафорической модели
деятельность человека – перемещение в пространстве
(И.А. Долгова)

Варьирование ассоциативных связей метафорического образа выступает как одно из **проявлений лингвокреативного потенциала метафоры** и на первый взгляд производит впечатление слабо прогнозируемого процесса. Тем показательнее результаты его анализа с точки зрения **системных характеристик метафорообразования**.

* * *

Жизнь и деятельность человека являются ключевыми феноменами в любой лингвокультуре. Исследования Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой, Е.В. Рахилиной, Г.Г. Молчановой, И.М. Кобозевой, А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, Ю.С. Степанова, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Н.А. Илюхиной и др. показывают, что в функции интерпретации жизнедеятельности человека на регулярной основе используется большое количество метафорических образов, среди них особое место занимает образ «перемещение в пространстве». Этот универсальный по своим возможностям образ сформировался в глубокой древности и уже в начале исторического периода развития русского языка (XI – начало XV в.) представлял собой метафорическую макросистему, репрезентирующую «непредметную» сферу (внутренний мир человека, эмоции, психику, интеллектуальную деятельность, социальные отношения) (Балашова 1998; Калимуллина 2006).

Метафора пути является одним из ключевых средств интерпретации человеческой жизни¹, в ней органично объединены пространствен-

¹ Многие религиозные и философские учения строятся как изложение пути, т.е. «в виде динамической модели последовательного движения, восхождения ду-

ный и соматический (наиболее древний (Красных 2003: 298)) коды культуры.

По итогам исследования пространственной метафоры в работах В.Г. Гака, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, О.П. Ермаковой, Н.Б. Мечковской, Н.А. Сабуровой, А.М. Мухачевой сделаны выводы о том, что в ней отражаются важнейшие фрагменты языковой картины мира: жизнь,

ха, т.е. пути, могущего содержать в себе такие отрезки, в отношении которых не существует готовых рекомендаций» (Топоров 2005: 85). В русском языковом сознании модель пути, сформировавшаяся под влиянием языческих и христианских представлений о пространстве, приобретает статус мифологемы – мифологического мотива, ищущего в себе архаическую полноту знания о мире (Бетенькова 2006: 4). Первоначально метафора пути была специализирована для интерпретации нравственной сферы. «Движение в географическом пространстве принадлежит к одной из форм пространственного перемещения по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, – пишет Ю.М. Лотман, – верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя в аду» (Лотман 2000: 297). В Библии человек всегда находится в пути, начиная с патриарха Авраама, и всегда стоит перед выбором. Путь праведный – следование пути слова Бога (Бетенькова 2006: 73). Библейские пространственные представления легли в основу критериев оценки жизни человека в христианских культурах. Так, наименования нравственной сферы связаны с образом истинного и ложного, правого и левого направлений движения, ср.: *направлять на путь истинный – совращать с пути истинного, наше дело правое – левая работа*. Способность к подобной интерпретации у единиц лексико-семантического поля пространства формируется в ранний период развития языка (Яковлева 2000; Сабурова 2005).

Путь и выбор дороги являются ключевыми образами в русской литературе, а тема пространственной беспредельности – один из структурообразующих элементов русской культуры. Она является общим местом всех представлений о России и русском национальном характере (Левонтина, Шмелев 2000: 339; Шмелев 2002: 69-70). Одной из констант русской культуры, по мнению Ю.С. Степанова, является мотив странничества – вечный образ русской жизни, так как «русские просторы как нельзя этому способствуют» (Степанов 2004: 183). Герой художественного произведения всегда в дороге, в поиске: «тучки небесные, вечные странники», «дубовый листок», оторвавшийся «от ветки родимой» М.Ю. Лермонтова, «Алеко» А.С. Пушкина, стремление к путешествию в произведениях А.П. Чехова, «Хождение по мукам» А.Н. Толстого и мн. др. К концу XIX века в России мотив странничества из вынужденного становится целью – активным социальным действием, «скитальчество превращается в путь по родной земле» (Степанов 2004: 199). Каждый стоит перед выбором пути – в нем совмещается выбор духовного и эмпирического путей. Например: *Средь мира дольного / Для сердца вольного / Есть два пути. <...> Каким идти?* (Некрасов). Ср. в Евангелии от Матфея слова Иисуса Христа о трудностях на пути праведника: *«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»* (Евангелие 1976: Мф., VII, 13, 14).

смерть, судьба, общество с его социальной иерархией, нравственные понятия, качественные и количественные характеристики, она моделирует социальные отношения, внутренний мир человека, сферы этики, научных знаний и т.д. «Лексическое поле пространства в русском языке безгранично», – отмечает В.Г. Гак (Гак 2000: 130). Это обстоятельство обеспечивает практически безграничные возможности метафорической интерпретации новой понятийной области (сферы-мишени) посредством лексического и семантического варьирования элементов сферы-источника.

Продуктивность метафорического образа перемещения в пространстве отмечается при интерпретации динамики различных сфер существования человека: «...способ миромоделирования через образ пути является универсальным в силу базовости феномена пространства в когнитивных механизмах восприятия» (Гынгазова 2005: 74). Н.А. Сабурова на материале фразеологизмов русского языка выделяет 10 семантических сфер, в которых переосмыслиется концепт пути: сфера интересов и занятий, социальных отношений, времени, физического состояния, поведения, нравственности, общения, морально-этическая, эмоционально-душевная, ментальная (Сабурова 2005).

О.О. Ипполитовым описаны лексико-фразеологические составляющие концепта «дорога» в русском языке, построена модель концепта, включающая статические, динамические и психологические компоненты. Автор констатирует, что «в русском когнитивном сознании концепт «дорога» центрирован относительно категории «я» как субъект дороги» (Ипполитов 2003: 5). В нашем исследовании представлен именно такой «фокус актуализации» концепта «дорога» – перемещение субъекта, включающее движение, субъекта, дорогу (трассу), пространственные ориентиры.

Наибольшее внимание в лингвистических исследованиях уделяется возможностям развертывания метафорического образа, его лексическому и семантическому варьированию. Иначе говоря, изучается преимущественно центробежная тенденция его варьирования в процессе функционирования – лингвокреативные потенции метафоры, обеспечиваемые богатым кругом средств её воплощения в языке, и со-

ответственно широкий диапазон лексического и семантического варьирования.

Дж. Лакофф и М.Джонсон (Лакофф, Джонсон 2004) отмечают, в частности, использование метафоры перемещения для параметризации (концептуализации) динамики любовных отношений. Модель ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, по их мнению, параметризует становление, динамику и бытие этих отношений: любовники уподобляются путешественникам, отношения между ними – движению, а реалии дороги (ухабы, ямы, развилки) метафорически представляют трудности любовных отношений (Лакофф, Джонсон 2004:72-73), например: *This relationship is a dead-end street.* (Эти отношения заведут нас в тупик.) *This relationship is foundering.* (Эти отношения терпят крах (букв. идут ко дну)). *Our marriage is on the rocks.* (Наш брак разбился о скалы) (Лакофф, Джонсон 2004:72). Однако, как справедливо указывает Ю.Д.Апресян, ценность этой метафоры как описания любви уменьшается, так как «с таким же успехом путешествию или средству передвижения могут быть уподоблены многие другие виды человеческой деятельности (споры, переговоры, решения, критика, похвалы и т.п.)...» (Апресян 1995а: 456).

В наших работах рассматриваются **возможности образа перемещения в пространстве при концептуализации** трех принципиально разных макроситуаций, связанных с жизнедеятельностью человека – **деятельности, состояния и отношения** (Долгова 2007). Функцией этого образа является выражение **динамики процесса** деятельности, состояния и отношения, обеспечиваемое актуализацией доминантного для данного образа смысла.

В целом функционирование образа определяется широким диапазоном варьирования разных его сторон: **лексического** (границы варьирования очерчиваются комплексом средств номинации перемещения человека в пространстве в ракурсе всех его свойств и ситуативных связей), **семантического** (актуализируется весь комплекс знаний о данном процессе) и **варьирования ассоциативных связей**, так как метафорический образ имеет тенденцию к расширению интерпретируемых сфер действительности.

Ю.Н. Караулов, А.Н. Баранов, А.П. Чудинов констатируют прямую зависимость креативных возможностей метафоры от богатства ассоциативно-семантического поля сферы-источника: чем больше «денотативное разнообразие» сферы-источника, тем больше потенциал метафорической модели (ММ) (Баранов 2004: 12-13, Чудинов 2001). На материале современных российских политических текстов А.П. Чудинов разработал методику анализа ММ, продолжающую логику анализа ММ, предложенную А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым в «Словаре русских политических метафор». Эта методика направлена на изучение возможностей метафорической модели при ее развертывании – лексическом и семантическом варьировании для разносторонней интерпретации сферы-мишени.

В нашей работе выбран другой ракурс исследования. Функционирование метафорического образа рассматривается в условиях его минимального лексического и семантического варьирования, когда он воспроизводится в виде стереотипных воплощений с актуализацией лишь того смысла, который имеет для него статус доминантного, – динамики процесса (т.е. в ракурсе центростремительной тенденции в реализации его лексического и семантического варьирования). Такую реализацию образа в речи осуществляют устойчивые глагольно-именные сочетания типа *прийти к заключению, перейти с одной работы на другую, вступить в дискуссию* и под.¹ (лишь в редких случаях нами привлекаются для иллюстрации менее употребительные глаголы движения).

В этом случае в поле зрения исследователя, наблюдающего за картиной функционирования образа, оказываются **стёртые метафоры** – фразеологизованные глагольно-именные сочетания, включающие наиболее употребительные глаголы движения, т.е. **стереотипные в**

¹ Языковой механизм создания когнитивной метафоры Н.Д. Арутюнова описывает как сдвиг в сочетаемости предикатных слов. Снятие ограничения по сочетаемости ведёт к созданию обобщенных, обесцвеченных предикатов, способных соединяться с разнотипными субъектами, что позволяет метафоре, состоящей в переносе признака от предмета к событию, идее, мысли, факту, обозначать последовательность, причинность, выводимость, ср.: *следовать, наступать, выводить, вести, предшествовать*. Метафора становится источником лексики, обслуживающей мир идей, событий, процессов, абстрактных понятий, создаваемых человеком (Арутюнова 1999: 362-364).

лексическом и семантическом отношениях выражения. Данный ракурс наблюдения за функционированием образа обнажает масштабное действие центробежной тенденции, направляющей варьирование ассоциативных связей образа с денотативными областями, по отношению к которым он служит средством образной концептуализации. Наблюдается экспансия образа как средства метафорической концептуализации, которая имеет две стороны своего проявления:

1) **варьирование денотатов образа – распространение образа в сферу любых видов деятельности человека, а также любых видов его состояния и отношений с другими людьми – при концептуализации динамики этих ситуаций;**

2) **варьирование ассоциативных связей между компонентами ситуации перемещения в пространстве и компонентами концептуализируемых ситуаций.**

Таким способом механизм варьирования ассоциативных связей образа обеспечивает метафоре перемещения статус универсальной: она характеризует динамику практически любой сферы за счёт структурной корреляции компонентов двух ситуаций. Ср.: *пришёл из истории в филологию – пришёл к теории – пришёл к признанию* (концептуализируется ситуация деятельности лица); *пришёл в ужас* (концептуализируется ситуация состояния лица); *пришёл к конфликту с коллегами* (концептуализируется ситуация отношений лица)¹.

Суть варьирования ассоциативных связей компонентов ситуации перемещения в пространстве с компонентами интерпретируемых ситуаций выражается в варьировании лексического

¹«Достаточно переосмыслить один из компонентов структуры, – замечает В.Г. Гак, – как она начинает выражать иное, непространственное значение» (Гак 2000: 133). Так, если в позиции локализатора появляется слово, называющее нечто, не представляемое в виде физического двух- или трехмерного объекта, то высказывание переосмысливается и существует уже с новым значением, которое не является собственно пространственным. Ср.: *Он попал в яму* и *Он попал в беду*. В первом случае реализуется прямое значение, а во втором переносное – изменение состояния субъекта. На важность локального ориентира как в прямом, так и в метафорическом употреблении таких конструкций указывает Е.В. Рахилина (Рахилина 2000). В метафорическом использовании локальные ориентиры называют этапы, пункты, периоды, кванты, шаги, точки, отрезки, фазы и т.п. ситуации, интерпретирующие ту или иную сферу деятельности.

наполнения локальной и субъектной позиций при глаголе движения. В результате варьирования ассоциативных связей **компонентов структуры двух ситуаций** (перемещения и деятельности; перемещения и состояния; перемещения и отношения) происходит переосмысление функций субъектной и локальной позиции применительно к разным сферам человеческой жизни (деятельности, состоянию, отношению) с учётом особенностей их природы и структуры соответствующих ситуаций.

В этом случае **креативный потенциал метафоры** (стёртой метафоры!) **определяется** не лексическим и семантическим варьированием образа (он воплощается минимальным числом лексем поля перемещения), а **варьированием ассоциативных связей компонентов образа** – компонентов сферы-источника и сферы-цели.

«Глагол называет ситуацию и вводит её обязательных участников с помощью тех синтаксических отношений, которые закреплены в его модели управления» (Рахилина 2000: 10). Минимальная структура ситуации перемещения в пространстве включает три компонента: субъекта (перемещающееся лицо), движение, которое репрезентируется глаголами перемещения, и локус. Каждый из компонентов пропозиции СУБЪЕКТ – ДВИЖЕНИЕ – ЛОКУС выполняет определённые функции при реализации образа: глагол движения интерпретирует характер и направление динамики, позиции субъекта и локуса, заполняемые лексемами сферы-цели, указывают на характеризующую сферу и элементы структуры соответствующей ситуации.

Основным компонентом пропозиции перемещения является глагол движения¹, который **актуализирует динамический аспект ситуации**, ср.: *прийти в профессию – войти в профессию – уйти из профессии, прийти в отчаяние – впасть в отчаяние – дойти до отчаяния – отойти от отчаяния, пойти в люди – выйти в люди, прийти к решению – дойти до решения – отойти от решения –*

¹ Исследователи отмечают, что глагол движения в составе метафорического выражения десемантизируется (Бережан 1983; Апресян 2004; Розина 2002; Дмитриева 1971) и используется в функции выражения способа протекания процесса (*впасть в ярость – прийти в ярость*), фазисных характеристик действия (*вступать в спор – выйти из спора*), значения каузации (*приходить в изумление – приводить в изумление*).

исходить из решения; войти в подчинение – попасть в подчинение – выйти из подчинения, войти под покровительство – выйти из-под покровительства.

Локус как компонент ситуации перемещения представлен несколькими семантическими позициями: **пространственный ориентир** (который в составе разных конструкций выступает как *начальный, промежуточный, конечный*; как *точечный* и как *вместилище*), **трасса** и **пространство перемещения**. Ср.: *начальный и конечный пространственный ориентиры (уйти из филологии в историю)*, *промежуточный и конечный ориентиры (через преподавание прийти к науке)*, *пространственный ориентир-вместилище (войти в должность)*, *конечный пространственный ориентир и трасса перемещения (прийти к открытию путём эксперимента)*, *сфера перемещения (пройти в своей профессии все должностные ступени)*.

В большинстве случаев **локальная позиция воплощается предложно-падежной формой** с исходным пространственным значением, которая **заполняется специализированной субстантивной лексикой характеризуемого поля** – с семантикой деятельности, состояния или отношения: *войти в деятельность, в конфликт, в дружбу; прийти в профессию, в восторг, в негодование, в изумление; прийти к результату, к признанию, к славе, к заключению; приступить к исполнению, к преподаванию, к объяснению, к работе; вступить в разговор, в конфликт, в дружбу, в противоречие* и т.д.

Позиция **трассы** реализуется **предложно-падежной формой слова интерпретируемого поля** (*дойти умом, идти по жизни*) **либо лексемами *путь, дорога*** (*прийти к результату путём проб и ошибок*) и др.

Типовые ситуации деятельности, состояния, отношения, интерпретируемые метафорой пути, принципиально различаются структурой и составом компонентов не только между собой, но с ситуацией перемещения. **В процессе их образной концептуализации происходит своеобразная корреляция между двумя ситуациями (перемещением и деятельностью, перемещением и состоянием, перемещением и отношением) и установление ассоциативных связей между компонентами двух ситуаций.**

Раздел 1. Образная концептуализация деятельности

Подробнее остановимся на втором из названных выше проявлений варьирования ассоциативных связей образа – **продемонстрируем картину варьирования ассоциативных связей между компонентами ситуации перемещения в пространстве и компонентами концептуализируемой ситуации на примере образной концептуализации деятельности.**

Деятельность – специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет его целесообразное изменение и преобразование (НФЭ 2000: 633; РСЭ 1998: 119). В процессуальном аспекте компонентом структуры деятельности является действие. Действие, по мнению Н.Д. Арутюновой, является одним из центральных понятий, которые отражают мировоззрение народа, формируют его когнитивную картину мира (Арутюнова 1992а: 3). Через действие человек вступает в активные отношения с реальностью, т.е. осуществляет деятельность.

Е.С. Кубрякова в составе деятельности выделяет следующие элементы: 1) субъект, 2) объект, 3) процесс деятельности, 4) цель, 5) результат, 6) средства (инструмент) (Кубрякова 1992: 87). Специфику деятельности на фоне состояния и отношения отражает её структура, в частности, цель и результат: цель побуждает к действию и придаёт ему смысл (Арутюнова 1992б: 14). Достигнутая цель оценивается как результат. Инструмент и средство обозначают предмет, с помощью которого субъект осуществляет действие¹.

Средства лексической экспликации деятельности / действия «образуют функциональное поле, в центре которого находится глагол» (Гак 1992: 79), выражающий значение «действие субъекта (деятеля), направленное на объект и вызывающее в нём определённые изменения» (Кильдибекова 1980: 186).

Другим средством номинации деятельности являются существительные, обозначающие актанты и сирконстанты, в данном случае наименования деятеля, объекта, средства / инструмента и цели / резуль-

¹ Инструмент сохраняется в ходе этого действия, а средство расходуется (НОССРЯ 1997: 20, 31).

тата. Среди сфер деятельности выделяются: 1) движение; 2) физическое воздействие; 3) ментальная деятельность; 4) речевая деятельность; 5) социальная деятельность; 6) профессиональная (трудовая) деятельность, включающая творческую деятельность в области культуры, искусства, литературы; научную; педагогическую; учебную; производственную; спортивную; политическую и идеологическую; административно-правовую; экономическую и торговую; военную.

Наряду со специализированными глаголами, называющими конкретные виды деятельности (*сочинять, торговать, учительствовать*), эту сферу обозначают и концептуализируют метафоры.

Анализируемый образ перемещения в пространстве, как уже говорилось, является одной из наиболее продуктивных метафор, концептуализирующих деятельность, так как «прототипическим образцом для всех сложных видов действий и процессов оказывается, несомненно, простое перемещение объектов...» (Кубрякова 1992: 87). Специфическая функция этого метафорического образа – характеристика **динамического аспекта деятельности** – отмечается в работах: Чудинов 2001; Апресян 1995; Арутюнова 1999; Шмелёв 2005; Левонтина 2005; Булыгина 2005; Зализняк 2005; Яковлева 1994; Илюхина 1998; Сабурова 2005.

Ограниченный состав элементов пропозиции СУБЪЕКТ – ДВИЖЕНИЕ – ЛОКУС обеспечивает тем не менее многостороннюю метафорическую интерпретацию деятельности в её динамическом аспекте.

При этом **собственно динамический аспект интерпретируют глаголы движения** (*идти, прийти, уйти* и др.), а **субъектная и локальная позиции обозначают остальные элементы структуры: субъект, действие, объект, цель, результат, инструмент или средство.**

Несмотря на различия структуры двух пропозиций (сферы-источника – перемещения человека в пространстве и сферы-мишени – деятельности человека), образ перемещения в пространстве органично коррелирует со структурой деятельности: компоненты ситуации перемещения (субъект, исходный и конечный локальные ориентиры, трасса) метафорически характеризуют ситуацию деятельности со всей её структурой, включающей субъект, действие, объект, цель, результат, инструмент / средство. Корреляция исходной и характеризуемой сфер представлена на схеме 1.

Схема 1

Корреляция обеспечивается ассоциативными связями компонентов двух ситуаций: путник (перемещающийся субъект) в типичных случаях ассоциативно соотносится с деятелем; пространственные определители движения соотносятся с другими компонентами ситуации деятельности:

- **исходный пункт движения** (*из, с, от + сущ. в Род.п.*) основной функцией имеет обозначение прежнего этапа / места / объекта / вида деятельности;
- **конечный пункт** обозначает цель / результат / вид / сферу деятельности;
- **трасса** обозначает вид / сферу / способ / инструмент / средство деятельности;
- **пространство перемещения** обозначает вид / сферу деятельности.

Таким образом, корреляция компонентов двух ситуаций обеспечивается прежде всего за счёт соотнесённости пространственного определителя (локуса) с разными компонентами ситуации деятельности – с объектом, либо результатом, либо целью, либо методом (инструментом деятельности), т.е. благодаря механизму варьирования взаимных ассоциативных связей компонентов двух ситуаций.

Отдельно взятое выражение представляет структуру деятельности редуцированно¹ – обычно коммуникативно важным является обозначение двух-трех компонентов ситуации. Назовем типичные варианты характеристики деятельности посредством метафоры перемещения:

¹ Этот вывод совпадает с оценками В.Г. Гака: «практически нет возможности вывести в поверхностную структуру высказывания все компоненты ситуации действия», «многие элементы ситуации действия включаются в пресуппозицию, становятся ясными из ситуации, другие же не нуждаются в эксплицировании» (Гак 1992: 80).

1) субъект и вид деятельности (*кто-либо перешёл из одной профессиональной сферы в другую / с одной работы на другую/ из одного учреждения в другое*);

2) субъект и действие (*кто-либо приступил к работе / пошёл на убийство*);

3) субъект и объект (*кто-либо перешёл от одной темы к другой / с одного предмета мысли на другой / от оперы к симфонии / от сочинения к уравнениям*);

4) субъект и цель (*кто-либо стремится к успеху*);

5) субъект и результат (*кто-либо достиг славы / пришёл к выводу*);

6) субъект, метод и результат (*кто-либо пришёл к выводу путём анализа*).

Состав компонентов характеризуемой деятельности определяется коммуникативными потребностями. Названный в локальной позиции элемент ситуации часто косвенно указывает и на вид деятельности: ментальной (*прийти к мысли / к выводу / к заключению*), речевой (*прийти к соглашению*), организационно-административной (*прийти к руководству университетом*) и т.д.

Концептуализирующие возможности образа увеличиваются благодаря варьированию ассоциативных связей субъектного компонента ситуации перемещения. Как и локальный компонент, эта позиция в результате варьирования ассоциативных связей замещается обозначениями не только субъекта деятельности (как было показано выше), но и обозначениями других компонентов деятельности: **действия, объекта, цели, результата, инструмента или средства.** Корреляция исходной и характеризуемой сфер представлена на схеме 2.

Например: *Следствие* (процесс) *движется в верном направлении*; *Правильная тактика* (инструмент) *приводит к победе*; *Мысль* (объект) *пришла в голову*; *Цель* (цель) *была достигнута*; *К артисту пришла слава* (результат). Выдвижение в субъектную позицию того или иного компонента означает его коммуникативно-семантическую актуализацию и, соответственно, нейтрализацию роли субъекта деятельности, который в этом случае редуцируется или оказывается в локальной позиции.

Схема 2

Семантические функции и лексическое наполнение субъектной и локальной позиций при глаголе движения взаимно коррелируют, что в условиях свободного варьирования ассоциативных связей двух ситуаций обеспечивает широкие возможности концептуализации деятельности средствами данного метафорического образа.

Представим функции каждого члена пропозиции перемещения применительно к характеристике деятельности.

Функции глагола движения. Ключевым компонентом пропозиции перемещения в пространстве является глагол движения, в прямом значении обозначающий механическое движение, а в переносном – динамический аспект той или иной ситуации.

В стереотипных воплощениях образа используются глагол *идти* и его дериваты (*пойти, подойти, прийти, дойти, перейти, отойти, выйти, войти, уйти*). Другие глаголы встречаются реже. Так, глагол *стремиться* указывает на цель, глагол *достигать* интерпретирует результативную ситуацию, глагол *подниматься* – положительную динамику деятельности, *спускаться (опускаться)* – отрицательную.

Наряду с глаголами движения на динамический аспект деятельности указывают отглагольные существительные в составе конструкций типа *ход рассуждений, ход мыслей, ход лекции, ход работы, ход беседы, ход строительства, ход игры, ход борьбы, шаг к чему-либо, стремление к чему-либо*¹.

¹ Иногда отглагольные дериваты выступают в роли обстоятельственных уточнителей со значением образа действия: *Жизнь она себе прокладывала какими-то порывистыми скачками – помогала в операциях ведущему хирургу, метнулась от него на какие-то медицинские курсы, не задержалась там, сдала в медицинский областной институт, через год перебросилась в Ленинград...* (Тендряков).

Функции локальной позиции. Каждый тип локальной позиции многообразно метафорически переосмысливается применительно к характеристике деятельности. При разном лексическом наполнении локальная позиция указывает на сферу деятельности, на действие, объект, цель, средство, результат и даже на деятеля. С учётом исходного значения локальной позиции и её функций в составе образа перемещения в пространстве материал в нашем изложении дифференцируется на две группы:

А) с актуализацией трассы перемещения (словами типа *путь*, предложно-падежными формами с семантикой трассы); в разных контекстуальных условиях эта позиция интерпретирует сферу деятельности (*пойти по пути литератора*), её характер (*идти преступным путём*) и методику действий (*нестандартный подход к решению вопроса, решить проблему путём обсуждения*);

Б) с актуализацией локального ориентира с семантикой направления; в разном лексическом наполнении эта позиция называет сферу (*вступить в область мысли*), действие (*приступить к заданию*) либо объект (*вникнуть в проблему*), цель (*стремиться к соглашению*), результат (*прийти к заключению*) и деятеля (*идея пришла к нему*).

Разновидности позиции локуса отражают многообразие и системность ассоциативных корреляций сферы-источника (перемещения в пространстве) и сферы-цели (деятельности человека). Ср. примеры, в которых в составе развёрнутой метафоры одновременно воплощаются все разновидности локуса: трасса, исходный, промежуточный и конечный ориентиры: *Очень может статься, что жизнь задумана, как дорога к вершине... Дойду ли я до своей вершины или устану и вернусь, чтобы лечь на диван? А может быть, я слишком медленно плетусь и помру где-то на полпути... А вдруг моя вершина уже была? А я не заметил и теперь иду без цели?* (Токарева); *Добравшись до самого верха и полностью реализовав свои притязания, они [Цезарь и Наполеон] впадают (синдром достигнутой цели) в некоторую растерянность: а что теперь? ...А поскольку с вершины все тропы ведут вниз – они начинают стремиться к поражению* (Веллер).

Представим функции названных вариантов локальной позиции.

Значение **трассы перемещения** репрезентируется лексемами *путь, дорога* (реже *стезя, тропа, колея*), характеризующими сферу и способ (инструмент) деятельности. Дифференциация функций осуществляется за счёт лексического наполнения и грамматического оформления локальной позиции.

Самыми частотными являются слова *путь* и *дорога*: *Любая человеческая жизнь сложна... А все мы идём не по проторённому пути* (Тендряков). Указание на сферу осуществляется определениями при этих лексемах, называющими сферу, профессию, социальный статус деятеля: *Что повлияло на выбор профессионального пути?* (Голубков); *...боевой путь Александра Покрышкина...* (Байдуков); *...Любка служила... у страхового агента, который ...толкнул её на путь проституции* (Куприн); *...у девочки случилась сильнейшая ангина, а потом осложнение на сердце. Дорога в большой спорт для Вали закрылась* (Комсом. правда).

Локальный ориентир в разном лексическом наполнении обозначает сферу деятельности (*пойти в науку*), её этапы (*путь от дворника до директора предприятия*), действие (*приступить к обязанностям*), объект действия (*перейти от темы к теме*), цель (*стремиться к цели*), результат (*достичь результата*). Приведём текстовые примеры: **В бизнес он стал входить с первых лет обучения в вузе** (Сергеев); *...мы не мешкая перешли к заданиям и контрольным работам* (Комсом. правда); *Каждый из них должен взглянуть по-своему, со своей сноровкой приступить к поискам* (Тендряков); *Один большой писатель... подошёл однажды к этой теме...* (Куприн); *...московские армейцы вплотную приблизились к завоеванию «золота» чемпионата России по футболу* (Комсом. правда); **Штокман** *...упрямо двигался к одному ему известной цели* (Шолохов).

Функции субъектной позиции. Деятельность – это активность деятеля по достижению цели, поэтому в большинстве случаев позиция грамматического субъекта заполняется именем субъекта деятельности – человека действующего, работающего, мыслящего, говорящего: *Когда человек пускается в рискованные авантюры, заведомо идя на лишения и страдания, «сменив уют на риск и непомерный труд», – зачем ему [это]... надо?...* (Веллер).

От них функционально отличаются конструкции-конверсивы, в которых позиция грамматического субъекта заполнена обозначением других компонентов деятельности: процесса, объекта, результата, инструмента, цели. Эти конструкции возникают в результате регулярного варьирования ассоциативных связей между компонентами двух ситуаций – ситуации перемещения и ситуации деятельности. Конструкции-конверсивы в позиции субъекта актуализируют коммуникативно важный компонент деятельности, ср.: *мы подходим к концу работы – работа подходит к концу; мы дошли до сочинения – сочинение неумолимо надвигалось; я пришёл к мысли – мысль пришла ко мне; они решили проблему аналитическим путем – анализ привёл их к решению; я стремился к цели – цель достигнута*. См. в тексте: *...в голове его жил шум листьев, и свет луны... и любовь к тыквенным семечкам. И вот из этой каши вышла теория...* (Гроссман); *...мои песни должны пройти бескомпромиссный путь начинающего композитора* (Ставицкая).

В этой же позиции эксплицируется результат общественного признания (*лидерство, успех, популярность, слава, известность*): *...пришла она, эта возжеланная для любого актера популярность – с многочисленными толпами поклонниц* (Пульс Поволжья); *Известность пришла к ней совсем недавно...* (Пархомовский); *Успех в бою приходит* (Гроссман). Цель в позиции субъекта выражается в пассивных конструкциях типа *Цель была достигнута*.

Показанные закономерности функционирования метафорического образа перемещения в пространстве реализуются при характеристике любого вида деятельности. Продемонстрируем механизм концептуализации деятельности посредством данного метафорического образа сначала на примере разных видов деятельности, преимущественно профессиональной, а затем остановимся на одном из частных видов деятельности – речевой деятельности.

Деятельность (прежде всего профессиональная) именуется глаголами *работать, делать, создавать, мастерить, строить, писать, продавать, руководить, служить* и т.д.).

Разнообразие видов деятельности отражается в составе названий её сфер (*медицина, образование, наука, учёба, станкостроение, управ-*

ление, бизнес, торговля), учреждений (милиция, школа, университет, магазин, церковь, завод, библиотека), «орудий» (у станка, за штурвалом, за кафедрой, за прилавком, за партией).

На деятельность указывают названия лица по профессии (директор, учитель, продавец, бизнесмен, врач), иногда по фамилии (Есенин, Блок, Пирогов, Фидель Кастро, Ельцин, Эдит Пиаф, Мадонна).

На вид деятельности могут указывать её результаты: изделие, здание, книга, опера, продукция, товар и др.

При использовании образа перемещения в пространстве **именно субстантивные слова становятся маркерами вида деятельности** в позициях локальных ориентиров, трассы, в субъектной позиции либо как элемент более широкого контекста.

Механизм ассоциативного варьирования компонентов ситуации перемещения и ситуации профессиональной деятельности позволяет многосторонне концептуализировать динамику профессиональной деятельности: её начало и окончание, этапы деятельности, изменение профессии, изменение объекта приложения сил, стремление к цели, достижение результата, способ её осуществления (метод), **а также дать оценку**, которая передаётся через выбор дороги, через движение вперёд и назад, вверх и вниз. При этом шаг вперед характеризует «успех в какой-либо деятельности», а шаг назад – «отступление, неудачи» (Ожегов 1999), успешность обычно оценивается через движение вверх, неудача – через движение вниз. Ср. примеры, представляющие оценку разных аспектов профессиональной деятельности:

а) оценка правильности выбранного направления: *Мне кажется, тридцать пять лет назад вы, к сожалению, сделали первый шаг не по той дороге. Разумеется, вам после такого **долгого пути** трудно **сворачивать** куда-то **в сторону**, искать **новый путь*** (Тендряков);

б) оценка успешности: *... художник ... в начале поприща усвоив новейшее в искусстве и временно поразив оригинальностью приемов, вдруг замечает, что незаметно произошла перемена вокруг него, что другие, неведомо откуда взявшись, **оставили его позади** в тех приёмах, в которых он недавно был первым, и тогда он чувствует себя обокраденным, видит в **обогнавших** его смельчаках только неблагодарных*

подражателей и редко понимает, что он сам виноват, он, застывший в своём искусстве, бывшем новым когда-то, но с тех пор не пошедшем вперёд (Набоков).

Далее в нашем изложении метафорические выражения дифференцированы на две группы конструкций: в первой группе грамматический субъект называет деятеля (субъектные конструкции), а во второй – иные компоненты ситуации деятельности (конверсивные конструкции). Отдельно представлены каузативные конструкции, дополняющие базовую структуру деятельности ещё одним компонентом – каузатором.

Среди субъектных конструкций (СУБЪЕКТ-деятель – ДВИЖЕНИЕ – ЛОКУС) для удобства описания противопоставим два блока, в первом из которых актуализируется трасса перемещения, во втором – локальный ориентир.

Позиция трассы перемещения указывает на виды деятельности через определения (*актерский / поэтический путь, путь учителя / учёного*). Например:

- *должность: Трудовой путь старшего лаборанта кафедры экономики (Самарский университет); Я прошла определённый путь организатора, администратора...* (Симатова);
- *профессия: Изменение настроения художника в процессе известной работы ... вся биография в целом ... это суммируется и закрепляется в произведении как некий путь художника* (Флоренский);
- *сфера деятельности: Он помог ...найти свою дорогу в науке многим десяткам людей...* (Мельник); *Полёт с В.П. Чкаловым открыл мне дорогу в большую авиацию* (Байдуков).

Указание на вид деятельности может осуществляться через имена известных людей, связанных с этим видом деятельности: *...картина «Жизнь в розовом свете»... прослеживает этапы большого творческого пути Эдит Пиаф* (Комсом. правда); *Свой творческий путь Сергей Есенин начал с того, что «опробовал» все силлабо-тонические метры и остановил свой выбор на хорее* (Бельская).

Чаще деятельность характеризуется через слово *путь*¹. Ориентиром в выборе профессии (кем-то ранее «проложенной дороги») часто служит деятельность родителей или учителей: **В том же политическом направлении, похоже, движется и единственная дочь премьера Наташа Касьянова** (Комсом. правда); ...не мог смириться с мыслью, что дочь пойдёт не по его стопам, что семейная традиция заглохнет (Райкин); Предки Иконникова со времён Петра Великого были из рода в род священниками. Лишь последнее поколение **Иконниковых пошло другой дорогой**... (Гроссман).

При характеристике способа (инструмента) деятельности трасса (выражаемая словом *путь* в сочетании с определениями) реализует широкое орудийное значение – значение метода, способа: **Самый благодатный путь исследования: наибольшее внешнее сопротивление при наименьшем внутреннем** (Солженицын); **Путь Чехова – это путь русской свободы. Мы-то пошли другим путём** (Гроссман); **Путь автономного изучения синтаксических членов предложений и семантических компонентов предложений, которым идут многие синтаксисты**... (Золотова); ...очевидцы не могли поверить, что это достигнуто **путём столь простого приспособления** (Иванов)²; Приняв определение науки и научности, сформировавшееся в недрах точных наук, «человековедение» само себя поставило в неприятное двусмысленное положение... **Если идти по первому пути [опираться на методологию точных наук], из поля зрения выпадают многочисленные социальные, психологические и коммуникативные явления реальной жизни. Если же следовать вторым путём [отказаться от этой методоло-**

¹ Слова *тропа*, *тропинка* подчеркивают индивидуальность, нестереотипность деятельности: **Сама или с помощью Никиты Толстого (не важно, поэт берет свое везде), она [О.Седакова] набрела на едва-едва различимую, но, к счастью, не заглохшую вовсе, а также и не вытоптанную в пыль тропинку** (Славецкий). Лексема *стезя* вносит высокую либо ироническую оценку деятельности: [Туркменбаши] **Пошел по научной стезе**: защитил кандидатскую диссертацию, а потом стал и деканом своего факультета (Комсом. правда); ...младший Варов также выбрал **милицейскую стезю** (Комсом. правда); **Гордая Пирожкова, младший отпрыск знаменитой цирковой семьи, давно уже запущенная в стезю акробатики**... (Улицкая).

² При интерпретации интеллектуальной деятельности эта позиция часто замещается лексемой ментального поля: **Вы же все знаете, до всего умом доходите** (Чехов); **Я головой-то дошёл, но все равно не понимаю** (Из разг. речи).

гии], то гуманитарные знания лишаются столь желанного ореола достоверности... (Макаров).

Конкретизация способа / метода деятельности и его оценка осуществляется также за счёт семантики определений при слове *путь*. См. примеры выше, а также следующие: *Врачи хотели сделать добро Демидову официальным путём* (Шаламов); *Блумфилд ...страшился значения и был склонен избавиться от него путём отнесения его исследования к ведению других дисциплин, таких как социология и психология* (Вежбицкая); *...они ... путём обмана и составления фиктивных документов похитили акции дочерних организаций...* (Комсом. правда); *...[дефекты] устранили путём повышенной теплоизоляции масляных баков...* (Байдуков); ср. также: *путём эксперимента – исследовательским путём¹; Он никогда не считал, что Бухарин, Рыков, Зиновьев и Каменев шли ленинским путём* (Гроссман).

Значение способа эксплицируется и отглагольным существительным *подход*, чаще характеризующим научную деятельность: *По мере углубления и развития исследовательских подходов к слову...* (Шведова); *При таком широком подходе в поле зрения исследователей попадают...* (Кузнецова). Это слово обозначает как метод, принципы (*исследовательский, широкий, творческий*), так и начальную стадию. Ср. пример, в котором эти значения разводятся: *...обмен мнениями по поводу самых первых шагов и подходов к построению Ассоциативного тезауруса...* (Караулов).

В позиции **локального ориентира** выступают

- обозначения сферы деятельности (*пойти в педагогику / в религию / в армию, уйти в искусство / науку, уйти из спорта / бизнеса*),
- названия лиц по профессии и должности в форме мн. ч. (*уйти из режиссёров в грузчики, пойти в начальники*),
- обозначения цели (*стремиться к успеху*),
- обозначения результата (*дойти до общественного признания*),
- обозначения объекта (*подойти к теме*),

¹ В этой функции используется и иноязычная по происхождению метафора *метод* (греч. «путь следования»): *...все, что другие психологи осуществляют путём общения с подсознанием, можно достичь методом аффирмаций* (Радио России).

- обозначения инструмента (*перейти к другой методике*),
- обозначения действия (*приступить к поискам*).

Метафора в данном случае интерпретирует изменение рода деятельности и социального статуса, смену места работы, её направления, стремление к цели, достижение результата, смену объекта, инструмента, способа, метода, начало и окончание конкретного действия.

Выражения, включающие имена со значением сферы деятельности, синонимически соотносятся с конструкциями, содержащими в локальной позиции названия учреждений этой сферы (*казарма, редакция, театр, больница, школа, храм, университет* и т.д.), а также профессии, социального статуса (*военный, писатель, грузчик, учёный, врач, чиновник, политик* и т.д.):

- *...прийти в армию по извилистым путям карьерного роста* (КП) – *...другой [сын] пошёл в солдаты* (Андреев) – *Ты мечтаешь пойти в казарму?* (Из разг. речи);
- *...в наше время возможно прийти в писательство из truck-drivers [водителей грузовиков]...* (Лимонов) (ср.: *в писатели / в литературу*) – *... ушёл из режиссёров в грузчики* (Тендряков);
- *...идти в большую политику большого желания нет* (Звягин) – *Он ушёл из писателей в политики* (Из разг. речи) – *Роль публичного политика была уготована ему сразу же после того, как он принял приглашение прийти в Белый дом* (Рос. газета).

В качестве указаний на сферу деятельности выступают и названия частей помещения, ассоциирующихся с определённой профессией: *...Стриженов ... вернулся на сцену в труппу МХАТа* (Комсом. правда) – ср.: *вернулся в театр / в актёрскую профессию*. Ср.: *ушёл в университет – за кафедру – в учёные, в преподаватели*.

Изменение рода деятельности и социального статуса образно интерпретируется перемещением деятеля из одного локуса в другой или от одного ориентира к другому: *...священник решил перейти из религии в эстраду* (Токарева); *Из ночи я был переведён в день – явное повышение, удача на опасном, но спасительном пути санитара из больных* (Шаламов); *...ушёл из режиссёров в грузчики* (Тендряков).

В речевой практике чаще встречаются выражения с одним локальным ориентиром, обозначающим более актуальное направление куда. В этом случае лексическое наполнение локуса характеризует сферу деятельности прямо (а) или метонимически: через указание на профессию, должность, социальный статус (б), учреждение, атрибуты профессии или должности (в):

А) Они **приходят в искусство**, имея другую профессию... (Райкин); *Как стать генералом? Есть два основных способа. ...Второй (современно-прагматический): **прийти в армию** по извилистым путям карьерного роста (Комсом. правда); ...статус почетного чемпиона давал ему право... **вернуться в спорт** (Комсом. правда);*

Б) *...в профессию станут **приходить** талантливые люди (Пульс Поволжья); ...не захотела [быть вместе], пока был зауряд-майором... а решила, когда я **пошёл в начальство**, в генеральши захотела... (Гроссман); Я только в **режиссуру не пошла** (Робски); ...другой [сын] **пошёл в солдаты** (Андреев); ...в старости сидит человек и думает: ...не пойти ли в монахи... (Веллер); А что Бекхэм? Может, ... он **торит себе путь в премьеры** матушки Англии (Комсом. правда);*

В) *Двадцать с лишним лет назад они **пришли в школу** – трое педагогов со студенческой скамьи... (Тендряков); ...я так просто, с покорно опущенной головой **из школы не уйду**, буду сопротивляться, бунтовать, требовать справедливости (Тендряков); ...когда Вертинская **пришла** со всем своим багажом роскошных киноролей **в театр**, она почувствовала, что совершенно не востребована со своей внешностью... (Комсом. правда); ...после инфаркта Павлов **вернулся в театр** (Комсом. правда); Я **вошёл в институт** с копной густых волос и с растерянностью в душе. **Вышел из него**, когда волосы чуть поредели, у глаз и на лбу легли первые морщины... (Тендряков).* В этом случае локальный ориентир в составе высказывания одновременно реализует прямое значение (учреждение) и более широкое значение сферы деятельности.

Значение выражений, представляющих этот метафорический перенос, как и в предыдущих случаях, зависит от лексического наполнения глагольного ряда: *войти / прийти в учреждение* – концептуализирует начало деятельности, *выйти из учреждения* – её окончание, *уйти*

из учреждения, перейти из учреждения в учреждение – изменение места работы, вернуться в учреждение – возвращение к деятельности после перерыва¹.

Указание на сферу деятельности, статус субъекта в этом случае осуществляется через название элементов локуса, с которыми связана та или иная деятельность. В частности, *сцена, подмостки* ассоциируются с артистической деятельностью, *старт, пьедестал* – со спортом, *престол* – с деятельностью царя. Приведём примеры: *Планирую **вернуться на сцену** уже через два месяца после родов* (Волочкова); *...с этого фестиваля началось её [Пугачёвой] **победное шествие по эстрадным подмосткам** нашей страны* (Василинина); *...российские биатлонисты могут **не выйти на старт** из-за конфликта с руководством...* (Комсом. правда); *Победное **продвижение** нашей теннисной звезды **на пьедестал** Уимблдонского турнира попытался прервать голый хулиган..., **выбежавший на корт*** (Комсом. правда); *Иван IV Грозный... **вступил на престол** в Успенском соборе Московского кремля...* (Пульс Поволжья).

Регулярность метонимической замены названия сферы деятельности названием её компонентов (учреждения, профессии, занятия, цели, результата) **обеспечивает синонимию соответствующих конструкций**, в том числе использование в ряду однородных членов: *Если Интернет сможет стимулировать наших ребят и девчонок к тому, чтобы они снова **пошли в музыку**, а не **в рекламу, банки, бизнес, бандитизм**, ситуация изменится* (Пульс Поволжья). См., с одной стороны, названия сфер деятельности: *в музыку, в бизнес*, с другой – названия учреждения: *в банки*.

Прекращение данного вида деятельности обычно обозначается конструкциями с актуализацией направления *откуда*: *Он был одним из тех великих людей, которые **ушли из кино**, но сумели найти себя в другом* (Малахов); *...выиграю кубок и **уйду из тенниса*** (Комсом. правда).

Оценка успешности метафорически интерпретируется как перемещение деятеля вперед или вверх – к той цели, достижение которой

¹ Однако при сходном наполнении локальной позиции может выражаться и лишь прямое значение – указание на работу в данном учреждении: *А математику пришлось **уйти в другую школу*** (Тендряков).

характеризует его как профессионально состоявшегося человека: *Им с детства пророчат блестящие карьеры в разных сферах, они берутся за дело – и **идут вверх** с чарующей легкостью* (Веллер); *Школа, армия, госпиталь, работа преподавателем – ни особых **взлётов**, ни особых **падений*** (Тендряков).

Наиболее продуктивны среди образов, интерпретирующих успешную профессиональную деятельность, – восхождение *в гору* и движение *вверх по лестнице*: ...***Петро** быстро и гладко **шёл в гору**, получил под осень **шестнадцатого** года **вахмистра**, заработал... два **креста** и уже поговаривал в письмах о том, чтобы послали его **подучиться в офицерскую школу*** (Шолохов); *Предстоящий развод несколько **тормозил** его **продвижение по престижной лестнице*** (Токарева). Ступеньки лестницы характеризуют этапы профессиональной деятельности, повышение или понижение в должности, карьеру, ср.: *Следующей **ступенькой** была должность начальника транспорта* (Звягин). Метафора перемещения вниз характеризует отрицательную динамику профессиональной деятельности, отсутствие активности, что оценивается скорее как состояние: *Бабка ... **скатилась до должности продавщицы** в пивном ларьке* (Лимонов).

Результат профессиональной деятельности чаще всего образно представлен как самая высокая точка *горы* – *вершина, высота*: *Один из примеров гениальных учёных с плохой памятью – Эйнштейн. ...его волновали абстрактные идеи – на них он был сосредоточен, в этом и **достиг вершин*** (Веллер); *Он **постигал вершины** своего ремесла в Лондоне* (Иванов).

По метонимическому принципу локальный ориентир, называющий цель или результат, часто получает лексическую экспликацию через буквальное обозначение, например: ...*путь к **вершинам славы*** (Берзиньш) – ...*своё **восхождение к славе*** (Колосов). Ср. пример, в котором цель или результат как компоненты деятельности представлены дифференцированно: ...*именно потому, что он [художник] **стремится к недостижимому идеалу, доходит до вершин**, явных другим* (Веллер).

Субъект оценивает успешность своей деятельности, соотносясь не только с внутренними представлениями о ней, но и сравнивая с дости-

жениями других людей в данной сфере. Лексическое наполнение локального ориентира именами этих людей представляет метонимию человек – его достижения: *До Баха так никто и не допрыгнул. Он по-прежнему остается недостижимой вершиной* (Ростропович) = не достиг профессионализма Баха; *Троцкий при всем блеске своего ума и революционного темперамента ...не поднялся до ленинских высот* (Гроссман) = не достиг его уровня.

Главными компонентами профессиональной деятельности, позволяющими оценивать её именно как деятельность, являются цель и результат, которые в субъектных конструкциях выражаются в локальной позиции: *Абсолютно всё исследовать нельзя, и в наше время... зачастую более важным бывает ответ на вопрос «для чего это?» Тогда исходным пунктом становится не достигнутый уже уровень знаний, не полученный ранее результат, а общественная и научная необходимость конкретного решения данной проблемы, – т.е. будущий результат – и как будущий результат – и как отправной момент и как конечная цель исследования* (Караулов); *...режиссёр сознательно шёл к тому, чтобы зрители не улавливали, о чём вообще идёт речь в фильме* (Комсом. правда).

Семантика цели выражается разнообразно: через развёрнутое обозначение (см. последний пример в предыдущем абзаце), через использование лексемы *цель*, через обозначение предмета, которым субъект стремится обладать, и т.д.: *Он всегда знал, чего хочет, и решительно шёл к своей цели* (Ерофеев); *...Ипполит Матвеевич, чувствуя неожиданную зависимость от разговорчивого молодого человека, ставшего на его дороге к бриллиантам, – честное слово, я подданный РСФСР* (Ильф, Петров).

В другом случае образ характеризует логический результат деятельности, который маркируется выражениями *дойти / пройти до результата, подойти / идти к результату*: *К интуитивному пониманию семантической связанности слов друг с другом подошли уже учёные древности* (Ибрагимова); *Но до такого ритмо-образа Есенину пришлось пройти долгий путь...* (Бельская); *...учёные приходят к осознанию того, что глаголы являются не единственным изосемическим классом слов с эмотивной семантикой* (Калимуллина).

Чаще подобные выражения интерпретируют достижение результата, который до этого мог быть или не быть сознательно поставленной целью (т.е. не дифференцируя сознательно поставленной цели и объективно достигнутого результата), через указание на общественное признание результатов деятельности: положение в обществе, славу, успех, должность, власть, награду, ср.: *Достигнув в тридцать лет успеха и славы, всю жизнь страдал этим комплексом Хемингуэй* (Веллер); *Как вы пришли к успеху и международному признанию?* (Молодежь Эстонии); *...он достиг своего высшего научного успеха в ту пору, когда был подавлен горем...* (Гроссман); *...десятилетний путь к триумфу* (Василинина); *...заговори Касьянов – путь в известность ему гарантирован* (АиФ); *...путь к рекордному в истории женского тенниса призу Амели проложила «по телам» россиянок...* (Комсом. правда).

Во многих случаях указание на динамику результатов профессиональной деятельности осуществляется через соотношение исходного и конечного локального ориентиров – этапов деятельности. При этом исходный и конечный локальные ориентиры могут обозначать:

а) динамику развития деятельности от замысла к результату: *Говорят, у вас вообще поначалу был жуткий скепсис по отношению к экранизации «Волкодава». – Это потому, что от идеи до воплощения путь оказался долгим и тернистым* (Комсом. правда);

б) динамику статуса лица в обществе: *В конце первой мировой войны он попал на фронт, пошёл дорогой, которую судьба прокладывала для него. Казалось, судьба определила ему движение из деревенских в солдаты, от окопов к охране штаба, от канцелярии к адъютантству, от работы в центральном управлении Имперской безопасности к работе в управлении лагерей, наконец, переход к должности начальника зондеркоманды в лагере уничтожения* (Гроссман);

в) динамику характера объекта (продукта) деятельности: в профессиональной деятельности – темы творчества, предмета исследования, создаваемого предмета; в ментальной деятельности – мыслей и их содержания; в речевой деятельности – темы разговора; и т.п.: *Поэт пришёл к ней [теме Родины] от простеньких пейзажных зарисовок,*

от колоритных бытовых сценок... (Бельская); *Группа «Любэ» из подмосковных Люберец во главе с харизматичным Николаем Расторгуевым прошла долгий путь – от «Дуси-агрегата» до «Батяни-комбата»...* (Комсом. правда); *Я ещё меняюсь – от чего-то ухожу [в творчестве]... к чему-то прихожу* (Пугачёва); *Он говорил просто, свободно переходя от предмета к предмету, всегда знал обо всём, что делается в мире, в свете и в городе...* (Гончаров).

Обычно при экспликации позиции конечного пространственного ориентира *куда?* имплицитно присутствует и исходный пространственный ориентир, обеспечивая концептуализацию динамики деятельности в аспекте любых её компонентов, например:

- с точки зрения смены её этапов – отдельных действий в рамках общей деятельности (этап обычно обозначается отглагольным существительным): *...мы не мешкая перешли к заданиям и контрольным работам* (Комсом. правда); *Каждый из них должен взглянуть по-своему, со своей сноровкой приступить к поискам* (Тендряков); *...он приступил к испытаниям [самолета]* (Байдуков);
- с точки зрения смены объекта деятельности: *Когда мы дошли до единиц, значение которых нельзя истолковать посредством формул, ...мы уже не располагали инструментом, который позволил бы эксплицировать различия между ними в виде толкований* (Шмелёв);
- с точки зрения смены инструментария, методики деятельности: *Изменение настроения художника в процессе известной работы; его углубление в изображаемый предмет; его духовный рост; переход к новой манере ... – таковы... существенные изменения художника...* (Флоренский); *Философы заговорили о необходимости перехода от этики добродетели к этике институциональной* (Хоружий).

Заметим, что локальный ориентир-вместилище при поддержке контекста наряду с динамикой способен актуализировать поглощённость деятеля действием или его объектом:

Решено было ...разузнуть всё на деле, вникнуть лично и, если возможно, войти в новую деятельность всецело и нераздельно (Достоев-

ский); *Чкалов с головой ушёл в совершенно новое для него дело* (Байдукков); ...*Рамзес весь ушел в изучение всевозможных гражданских исков и претензий...* (Куприн);

...вы так глубоко в предлоги проникли (Карпухин); Компонентный анализ надо рассматривать как один из важнейших инструментов, с помощью которого мы можем **проникать в тайны** внутренней организации семантической системы языка (Васильев).

В конверсивной конструкции (СУБЪЕКТ-несубъектные компоненты деятельности – ДВИЖЕНИЕ – ЛОКУС) грамматический субъект пропозиции эксплицируется наименованием других компонентов ситуации деятельности: процесса, объекта, инструмента, цели и результата. Указание на деятеля при этом выражается определениями (*его работа, работа Ивана Петровича, работа геологов*) либо отсутствует. Такая конфигурация ассоциативных связей компонентов двух ситуаций – ситуации перемещения и концептуализируемой ситуации деятельности – **обеспечивает особую актуализацию других компонентов ситуации деятельности** (самого процесса, результата, объекта и т.д.) при заметной нейтрализации активной роли субъекта.

Позицию грамматического субъекта во многих случаях занимает название самого процесса деятельности в форме отглагольных существительных *разговор, работа, развитие культуры, следствие, торговля, мысли* и др., в этом случае специально акцентируется динамика процесса либо объекта деятельности и их оценка безотносительно к роли деятеля: ... *съёмки уже идут* (Комсом. правда); *Работа геологов двигалась вперёд* (Шаламов), ... *торговля... шла по новому принципу...* (Токарева); *Дело его тем не менее шло хорошо...* (Улицкая); *Когда шло следствие...* (Гроссман); ...*без его сильных рук дело в лаборатории не пойдёт* (Гроссман); *Строительство подходило к концу* (Ильф, Петров); *Развитие комплекса когнитивных наук подошло к тому пределу, за которым уже было невозможно дать исчерпывающие ответы...* (Макаров).

Во многих случаях эти конструкции синонимически коррелируют с субъектными: ...*дела Петра Лаврентьевича шли в гору* (Гроссман) = Петр Лаврентьевич шёл в гору; *Работа геологов двигалась вперёд*

(Шаламов) = геологи в своей работе двигались вперёд; ...*следствие ли-бо неосознанно, либо управляемо идёт по ложному пути* (Комсом. правда) = следователи идут по ложному пути.

Однако в большинстве случаев в позиции грамматического субъекта фигурирует результат деятельности, её продукт (*песня, роман, опера, теория*) или знак общественного признания (*лидерство, удача, слава, успех, популярность, гонорары*). При этом он характеризуется через соответствующее лексическое наполнение позиции трассы перемещения, которая называет сферу деятельности, её этапы (*такой путь, путь композитора*), деятель выражается определением (*мои песни, есенинские дольники*): ...*мои песни должны пройти бескомпромиссный путь начинающего композитора* (Пугачева); *Таков путь, пройденный есенинскими дольниками...* (Бельская); ср. *Я прошёл путь начинающего композитора, путь поэта.*

Если в позиции грамматического субъекта обозначается результат общественного признания, то локальный ориентир нередко называет деятеля – с подчёркиванием его пассивной роли, ср.: *Но ведь популярность пришла к Вам за успехи в совсем ином жанре* (Пархомовский); *Первые удачи приходят в предреволюционные годы, когда Есенин ... учится подчинять лирическому переживанию ритмическое движение стиха* (Бельская); ... *официальным признанием, которое пришло к Райкину в конце жизни* (Уварова); ...*здесь впервые к ней по-настоящему пришёл профессионализм* (Вартанян).

Обозначение цели в субъектной позиции осуществляется лишь в составе страдательной конструкции: *Даже если рекламу запрещают, цель всё равно достигнута* (Комсом. правда); *Вскоре цель была достигнута: более 200 млн. пользователей из всех стран мира опустошили прилавки магазинов оргтехники...* (Комсом. правда).

Способ (инструмент) деятельности как формальный субъект пропозиции выражается лексемами типа *анализ, логика*, указывающими на интеллектуальный вид деятельности, лексемами типа *перо, рифмы, хорей*, указывающими на литературный вид деятельности. В этих конструкциях локус перемещения ассоциативно соотносится с этапами деятельности: *Хорей выходят на широкую лирическую и даже эпиче-*

скую дорогу – от стихов Блока до поэмы Твардовского «Василий Тёркин» (Бельская).

Каузативные конструкции (КАУЗАТОР – ОБЪЕКТ / СУБЪЕКТ – ДВИЖЕНИЕ – ЛОКУС) при концептуализации динамики профессиональной деятельности встречаются реже. Это объясняется онтологической спецификой деятельности, предполагающей самостоятельность деятеля, в противном случае – при актуализации каузируемости и инактивности субъекта – деятельность оценивается как социальное состояние.

Использование каузативных конструкций увеличивает состав конфигураций ассоциативных связей компонентов двух ситуаций и соответственно – концептуализирующие потенции рассматриваемого метафорического образа. **Позицию каузатора может занимать обозначение иного лица, не являющегося компонентом ситуации деятельности, обозначение субъекта деятельности (деятеля) и обозначение любого другого компонента ситуации деятельности.**

При использовании в позиции грамматического субъекта (каузатора) обозначений других лиц (при характеристике профессиональной деятельности имеются в виду административные инстанции, должностные лица, управляющие деятельностью коллектива или отдельно взятого лица-деятеля) интерпретируется прежде всего смена должности/ сферы / объекта деятельности субъекта по воле этих лиц / инстанций (деятель обозначается специфической для каузативных конструкций позицией прямого объекта). Локальный ориентир в данном случае называет новую сферу приложения сил деятеля (субъекта деятельности): *...политуправление перевело его на лекторскую работу* (Гроссман); *...один высокий чиновник сказал мне после «Тюля», что наверху уже принято решение: мы тебя тихо-тихо переводим в оперетту, пиши заявление* (Комсом. правда).

В других случаях при использовании обозначения деятеля в позиции каузатора в результате варьирования ассоциативных связей других компонентов двух ситуаций каузативные конструкции получают возможность акцентировать активную роль деятеля в динамике различных сторон деятельности, в частности:

- в динамике самого процесса деятельности: ...*подводя к концу свою многосложную математическую работу...* (Гроссман) = заканчивая; ...*он сам в себе чувствовал желание скорее как можно привести дело к концу...* (Гоголь);
- в динамике статуса объекта как результата деятельности субъекта: *Диссертантке удалось вывести из синтаксического заголовка одну из интереснейших конструкций русского языка – предложения с союзом «или»* (Ильенко); и т.д.

Использование в позиции субъекта-каузатора обозначений результата или инструмента (способа) деятельности позволяет интерпретировать результат или метод деятельности **в аспекте причинно-следственных связей – с точки зрения его следствий**: *Системность языка – его собственное, онтологическое свойство. Результаты познания учёными этого свойства приводят к научным описаниям системы языка* (Попова, Стернин); *Не приведут ли они [эксперименты] к разброду, не упрётся ли школа в тупик, не наломаем ли дров?* (Тендряков). При этом наблюдается формальная деактуализация роли субъекта деятельности.

Обратимся к рассмотрению репрезентации **динамики конкретного вида деятельности – речевой**. Основным выразителем речевого действия являются глаголы речи: *говорить / разговаривать, спорить, беседовать* и др., а также имена существительные типа *монолог, объяснение, диалог, разговор, беседа, брань, хвала*. При метафорической интерпретации речевой ситуации, в том числе посредством образа перемещения в пространстве, обычно используются существительные речи: *вступить в разговор, выйти из спора, дойти до оскорблений, перейти от просьбы к требованию*.

Метафорический образ перемещения в пространстве концептуализирует прежде всего **логику-композиционное развитие речи**: речевая деятельность соотносится с перемещением по определённому маршруту. Метафорическая репрезентация монологической и диалогической речи характеризуется общими тенденциями: «...в ассоциативной связи находятся компоненты *говорящий – перемещающееся лицо; повествование – перемещение в пространстве; тема, объект повествования – пространственный ориентир*, относительно которого осу-

ществляется перемещение» (Илюхина 1994: 145-146); ср. *перейти от темы к теме, пройти мимо темы, сойтись на каком-либо убеждении, лабиринт спешащей речи* и под.¹

Структура речевой деятельности соответствует общей модели деятельности: говорящий (агенс), слушающий (адресат, объект воздействия), акт общения (действие), инструмент создания речи (органы речи, а также языковые единицы), объект (тема, предмет речи), намерение (цель) и результат.

Механизм варьирования ассоциативных взаимосвязей компонентов ситуации перемещения и компонентов речевой деятельности обеспечивает акцентировку динамики разных сторон ситуации речи: изменение тематики речи (*перейти с одного предмета речи на другой / от темы к теме*), стадии разговора (*вступить в спор – выйти из спора*), изменение языка или его разновидности, на которых происходит общение (*перейти / перевести с одного языка на другой*), а также процессуальный характер общения (*разговор идет, вести беседу*), его результативность (*сойтись на чем-либо*), соотношение участников ситуации в аспекте порождения и восприятия речи (*слух до него дошёл от сокурсника*) и нек. др.

Грамматический субъект эксплицируется не только наименованием говорящего, но и – в результате варьирования ассоциативных связей компонентов двух ситуаций – названиями продукта речевой деятельности (*слова, сведения, слухи, вести дошли до кого-либо*), речевого действия и жанра (*речь шла о чем-либо, рассказ подошел к грустному месту, беседа вышла из границ благопристойности, препирательство перешло в брань*).

Помимо локальных предложно-падежных форм, противопоставленных по линии «откуда» – «куда», метафорическое переосмысление выражений с исходной пространственной семантикой получает локальная позиция «где», обозначая при этом область распространения информации и канал её распространения (*слухи ходили в городе, дискуссия шла в журнале*).

¹ Заметим, что параллель *говорящий – перемещающееся лицо* лексически реализуется редко, например: *...он был неутомимый собеседник, то есть тот же ходонок по дорогам мысли и слова* (М. Цветаева).

Функционирование образа перемещения в пространстве в качестве средства концептуализации речевой ситуации представлено в виде субъектных и конверсивных конструкций, используются также каузативные конструкции.

Обратимся к **субъектной конструкции** (СУБЪЕКТ-говорящий – ДВИЖЕНИЕ – ЛОКУС). С учетом пространственного значения локальной позиции описываемый материал дифференцируется на две группы, в первой из которых актуализируется локальный ориентир, по направлению к которому происходит перемещение (*подойти к теме, вступить в разговор*), а во второй группе – трасса перемещения (*пуститься на дорожку разноса и погрома*).

подавляющее большинство конструкций, интерпретирующих динамику речевой деятельности, метафорически представляют динамику логического развертывания высказывания, тематика которого выражается позицией локального ориентира. Чаще всего изменение темы репрезентируется конструкциями *перейти от чего к чему* и *перейти на что*: ...как истинный импровизатор он мог часами тянуть свое витиеватое слово, оправдывая **переходы от темы к теме** как бы только самой непрерывностью и протяженностью высказывания (Райкин); *Очень интересный вопрос. Я потом перейду к нему* (Пастернак); ...охотно и легко **перешёл к разговорам** о текущих делах (Гроссман).

В результате эллипсиса высказывания тема разговора нередко обозначается через метонимически соотносительные выражения *перейти к разговору о текущих делах – перейти к текущим делам*. Ср.: *Распалившийся Гаврилин нехорошо отозвался о румынских боярах и перешел на Муссолини* (Ильф, Петров); *Мать его и бабушка ...порешили вопрос о приданом, потом перешли к участи детей...* (Гончаров); ...Доктор **выступал там с речами, сильно забирая в сторону культа личности** (Шаламов).

Изменение пространственного ориентира или трассы метафорически характеризует динамику речевого жанра, тональности речи: *Фома Гурьяныч охотнее бы всего пустился на хорошо известную, за годы начальствования разработанную до интонационных подробностей дорожку разноса и погрома* (Солженицын); *Сталин спросил: «Почему у*

тебя нос красный, ты что – пьяница?» Дед Мороз решил двинуться по той же юмористической трассе (Хазанов).

Функционально сходная конструкция *перейти с чего на что* может заполняться лексемами, именующими язык, стиль, на котором происходит общение, тип речи (*шепот, крик, визг*). Ср.:

- переход с одного языка на другой: *...мы самым естественным образом беседовали на русско-американском языке, переходя с одного на другой* (Лимонов);
- переход с одной разновидности языка на другую: *Многие люди хорошо владеют таким «двуязычием» и легко переходят с диалекта на литературный язык* (Скобликова);
- изменение параметров голоса: *А потом [околоточный] ...постепенно повышал голос, сразу, впрочем, переходя на шепот...* (Андреев).

Интерпретация логико-композиционного развертывания речи конструкцией *обойти что-либо* указывает на нежелание говорящего касаться тех или иных вопросов. При разном лексическом наполнении конструкций *уйти от чего-либо, дойти до чего-либо, подойти к чему-либо* характеризуются изменение темы разговора, отказ от коммуникации: *...Симка, рассказывая о своих злоключениях, ...виртуозно обходила подлинные события...* (Улицкая); *...часто оппонент уходит от темы...* (Жириновский); *Не прочь мы были и от городских сплетен, причём доходили иногда до строгих высоконравственных приговоров* (Достоевский).

Выражение *забегать вперёд* характеризует нарушение естественной композиции повествования – мотивированный или неоправданный пропуск части информации: *... знаменитый композитор в детстве учиться музыке вообще не хотел. Впрочем, я забежал вперёд...* (Цитриняк).

Выражения *приступить / подступить к разговору / к объяснению* характеризуют логико-композиционное развитие (начало общения или его этапа), процесс подготовки к общению: *Разговор будет короткий, но ...черт его знает... как к нему приступить* (Куприн); *На затянувшихся педсоветах, по дороге из школы к дому, ночью в постели я*

постоянно обдумывал: с какой стороны подступиться к объяснению каких-нибудь прилагательных, пишущихся через два «н»... (Тендряков).

Тактика раскрытия темы разговора характеризуется как траектория перемещения путника-говорящего по трассе-речи: *...он решил **подойти стороной**: нельзя ли ему самому угадать что-нибудь из её ответов на некоторые прежние свои вопросы... (Гончаров); У него, очевидно, была своя мысль, к которой он и начал подходить **сократовским методом**: – А скажи, господин городовой, какой нынче у нас день? (Андреев).*

Начало и сам факт диалога интерпретируется метафорой перемещения участников общения в пространство-коммуникацию (*вступили в диалог*). Локальный ориентир со значением вместилища выражается наименованием речевого действия и одновременно жанра (*вступить в диалог/ в разговор/ в беседу/ в переговоры/ в спор/ в дискуссию*): *...я оправляю одежды, готовясь **вступить в диалог** с писателем... (Комсом. правда); ... Петька увидал его, бесцеремонно **вступил** с ним **в беседу**... (Андреев); Я считаю бессмысленным **вступать в спор** (Гроссман); ...он должен помочь ей по-рыцарски, **не вступая** ни в какие **объяснения**... (Пастернак); ...они тоже не должны изливать на этих гадов всей ненависти, а в свою очередь выказывать внешнюю любезность – но **не вступать** с ними в неделовые **переговоры**... (Солженицын).*

Конверсивная конструкция (СУБЪЕКТ-продукт речи – ДВИЖЕНИЕ – ЛОКУС) расширяет концептуализирующие возможности образа. В этом случае позицию грамматического субъекта (субъекта перемещения) замещают названия продукта речи (*слова, сведения, слухи, вести*) либо названия речевого действия (а с учётом лексического значения существительных речи – и названия жанра речи: *речь, разговор, рассказ, беседа, спор, препирательство*). При этом последовательно нейтрализуется активная роль говорящего и внимание сосредоточивается на динамической стороне процесса речи с акцентированием тех или иных компонентов и аспектов ситуации.

Определяющей в этом случае становится роль локальной позиции. Семантическая полифункциональность данной позиции обеспечивается лексическим наполнением её разновидностей.

В одних случаях роль конверсивной конструкции связана с интерпретацией **логико-композиционного развития речевой ситуации** в том или ином частном её аспекте. В этих случаях логико-композиционное развертывание речи, как и в субъектных конструкциях, метафорически интерпретируется образом перемещения по «пространству речи», а обозначения темы, жанровых и иных особенностей речи соотносятся с локальными ориентирами.

При использовании в позиции грамматического субъекта названий речевого действия (в том числе конкретного жанра) конструкции типа *перейти с чего на что* и *перейти с чего к чему* интерпретируют динамику темы и/или жанра. Например: *Иногда их беседа с высот философских – в чём цель жизни, есть ли советская власть в звездных мирах... – переходила к обычным житейским отношениям* (Гроссман); *С ковров быстро съехал разговор на соленье огурцов и сушение груш* (Гоголь).

Конструкция типа *дойти до чего-либо* интерпретирует динамику процесса обсуждения, темы либо жанра как результат логического развития речевой ситуации, с подчеркиванием их важности с позиций наблюдателя. Например: *О своём самом хилом воспитаннике... она особенно часто рассказывала ...и начинала плакать каждый раз, когда рассказ доходил до того места, где описывалась смерть этого тихого ребёнка* (Гроссман); *Разговор принимал горячие формы и чёрт знает до чего дошёл бы, если б в конце Осыпной улицы не показался Ипполит Матвеевич* (Ильф, Петров); *Неизвестно, до чего бы дошло взаимное излияние чувств обоих приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушание готово* (Гоголь).

Ср. примеры, в которых содержание разговора интерпретируется без указания на конкретную тему, но с обобщённой характеристикой тематического, логического, морально-этического аспектов речи – также с использованием лексико-грамматических конструкций с обобщённым пространственным значением: *Разговор, кажется, удачно завершился, не вступив в опасную религиозную область* (Улицкая); *Женя ... обрадовалась, что разговор сразу вошёл в практическую плоскость* (Улицкая); *Напрасно возражала она самой себе, что беседа их не выходила из границ благопристойности* (Пушкин).

Конструкции с глаголом *перейти* (*во что*) указывают на динамику жанра, при этом грамматический субъект и локальная позиция обозначают разные жанры и, соответственно, разные этапы коммуникации: *...Цыганок грубо и насмешиливо возражал, и только потому дело кончалось мирно, что препирательство скоро переходило в простую мужицкую брань...* (Андреев).

Логико-композиционное развертывание ситуации речи интерпретируется также конструкцией с локусом-трассой: *Инна внимательно смотрела в его лицо, пытаясь разгадать хотя бы один из вариантов, но беседа шла по какому-то иному логическому ходу* (Токарева); *Она вполне справлялась со своей ролью рассказчицы страшных рассказов, которые шли по боковым тропкам, делали петли и витки, но не изменяли лишь ужасной Беберихе, которая всегда оставалась главной героиней* (Улицкая).

Помимо логико-композиционной динамики речи конверсивная конструкция характеризует **аспект передачи информации** – при непосредственной и при опосредованной коммуникации. При этом в одних случаях один или оба участника коммуникации (адресант и адресат) полностью деактуализируются, в других избирательно актуализируется один из участников коммуникации.

Так, при использовании в позиции грамматического субъекта лексемы *слухи* и её синонимов источник информации, как и её получатели, чаще всего остаётся неизвестным. Важнее в таком случае оказывается сам процесс распространения информации, поэтому в речи продуктивны конструкции без локального ориентира: *Ходят жутковатые рассказы...* (Гроссман); *Об Анастасии... ходит много слухов и сплетен* (Комсом. правда); *О непростом характере Олега Стриженова ходят легенды* (Велигжанина).

При введении в конструкцию локальных позиций осуществляется прямое или косвенное указание на участников коммуникации. При этом локальная позиция «где» обозначает коммуникативную сферу (а нередко и канал распространения) продукта речи (*слухи ходили в институте, обсуждение шло на форумах*), а противопоставленные позиции «откуда» – «куда» интерпретируют соответственно адресанта и адресата (*информация идёт от кого к кому*).

При использовании конструкции с локальным ориентиром «где» общение обычно интерпретируется как формально бессубъектное, обозначается лишь пространство коммуникации, как в следующем примере. Вместе с тем локальная позиция (в данном случае – в *Государственной думе*) косвенно указывает на тип субъектов коммуникации – депутатов: *...отчёты Государственной думы, где [в Государственной думе] или прения по продовольственному вопросу* (А.Н.Толстой).

Однако и в рамках данной конструкции (при актуализации позиции «где») есть возможность обозначить коммуникантов – в форме двух пространственных ориентиров, ограничивающих пространство коммуникации: *...нам стало известно, что по этой проблеме между Москвой и Вашингтоном идёт диалог* (АиФ)¹. Участники коммуникации обозначаются как два локальных ориентира в рамках некоего коммуникативного пространства.

Обычная для этой разновидности локуса функция обозначения сферы распространения информации реализуется в разном лексическом наполнении. Так, позиция «где» может обозначаться лексемами со значением:

- объединения людей: *Много рассказней ходило в народе про батьку Махно* (Толстой); *Первая чеченская кампания подходила к концу, когда среди солдат пошли слухи...* (Комсом. правда); *В столичных кругах упорно ходят слухи...* (Комсом. правда);
- географического пункта (*страна, город, деревня, село, улица*): *И вот тут-то пополз по проулкам и улицам чёрный слушок...* (Шолохов); *По деревням и селам полетел слух, что нашелся батько* (А.Н.Толстой); *Много таких рассказней ходило по городу* (Толстой); *Дюк понял, что слух о нём прошел по всей Руси Великой...* (Токарева);
- учреждения: *По институту гуляют слухи, что к исследователям ... приходили из ФСБ* (Комсом. правда); *Соколов коснул*

¹ Данная конструкция *идти между кем и кем* характерна для концептуализации ситуации другого типа – ситуации отношения. В связи с этим приведённая иллюстрация может расцениваться как малохарактерная для отражения речевой деятельности и обозначающая пограничную зону между деятельностью и отношением.

ся предмета недавнего спора, шедшего в лаборатории (Гроссман).

В ряде случаев локальная позиция выражает не только значение области распространения информации, но и значение средства ее распространения, ср.: *В прессе ходили слухи, будто у Насти и у Жигунова служебный роман...* (Велигжанина); *Теоретическое ...изложение взглядов на категории структуры, элемента, системы языка стало практиковаться с 1953 г., когда в журнале «Вопросы языкознания» прошла дискуссия...* (Попова, Стернин); *На интернет-форумах проходят оживлённые дискуссии на эту тему* (Комсом. правда); т.е. в прессе / в Интернете эта информация обсуждалась и через прессу/ Интернет стала доступна широкой аудитории.

В других случаях в рамках конструкции актуализируются позиции «откуда» и/ или «куда». При этом получает эксплицитное выражение один из коммуникантов – тот, который более актуален. Ср. примеры с актуализацией говорящего как источника информации и с актуализацией её адресата:

– *И вдруг пошёл слух, и шёл этот слух от самой Лиды, она рассказала подруге, а от подруги пошло по полку...* (Гроссман); *Таковы сведения об Елагине, исходившие от лиц, живших с ним в наибольшей близости* (Бунин);

– *Наверняка эти слова дошли до Степана Артёмовича (всё, что ни говорилось в учительской, в самый короткий срок просачивалось в кабинет директора)* (Тендряков); *...слух, естественно, дошёл и до учащихся девушек* (Куприн).

Лексическое наполнение позиции источника информации и адресата могут получать метонимическое расширение до названия населённого пункта или учреждения, в границах которых находится отправитель или получатель информации. Ср. примеры с актуализацией источника и адресата: *Хорошие вести идут из Тархан, тут решено восстановить стоявший при Лермонтове ветряк* (Песков); *...весть об этом дошла и до тюрьмы...* (Андреев).

Каузативные конструкции (КАУЗАТОР – ОБЪЕКТ/СУБЪЕКТ – ДВИЖЕНИЕ – ЛОКУС) специализированы для концептуализации про-

цессуального характера речевой деятельности (*вести речь / разговор / беседу*), логико-композиционного развития монолога и диалога (*перевести разговор на другую тему, довести разговор до конца*), языковой трансформации речи (*перевести с одного языка на другой*), динамики речевого жанра (*довести кого-либо до спора*).

В большинстве случаев каузатор именуется говорящего, а объект перемещения соотносится с другими компонентами речевой сферы.

Обратимся к каузативным конструкциям, интерпретирующим динамический аспект собственно процесса речевой деятельности. Наиболее продуктивными являются выражения типа *вести речь / разговор / беседу / спор*, коррелирующие с глаголами речи *говорить, разговаривать, беседовать, спорить*. Например: *Английский гость вёл речь о списании долгов с беднейших стран Африки* (Комсом. правда) = говорил; *Устав от работы, от сиденья на одном месте, я выхожу в сад и веду беседы с директором дачи...* (Трифонов) = беседую; *...это отнюдь не помешало ему вести жаркие споры с супругой по поводу того, что именно им надо купить* (Комсом. правда) = спорить; *Первые часы заключения Михаил Сидорович ...беспрерывно досадовал на себя: зачем вёл разговоры с Иконниковым...* (Гроссман) = разговаривал. В таких конструкциях глагол каузативного перемещения выступает как компликатор (Г.А.Золотова), усложнитель элементарных моделей, а локальная позиция отсутствует, так как фиксируется только процесс речи.

Локальная позиция при этом может реализовать другие аспекты ситуации: тему, язык общения, его жанр.

При интерпретации **логико-композиционной динамики** речи локальный ориентир ассоциативно соотносится с темой, манерой речи, целью или результатом:

- тема: *...Лена перевела разговор на Наташкины невзгоды...* (Трифонов);
- цель: *...цель моя заключалась вовсе не в том, чтобы их обличить: я вёл совсем к другому, к тому, что мы ...поклонники плутов...* (Бунин);
- результат: *Разговор с Ларой будет доведён до конца, с глубиной и задушевностью, искупающей все страдания* (Пастернак).

Семантика цели в данных примерах выражается словом *цель*, а результата – глаголом *довести* и существительным *конец*, которое в определенном контексте имеет значение логического итога.

Как и в субъектных конструкциях, изменение тематики разговора в каузативных конструкциях интерпретируется движением объекта в сторону локального ориентира-темы: – *А тетя Катя Труфанова от немца даже родила, – сообщила Надя и совсем уж было собралась рассказать всей деревне цветные подробности, но Женя увела разговор в направлении, тоже близком к живой природе, но в аспекте ботаническом* (Улицкая).

При выражении жанровой трансформации речи с локальным ориентиром ассоциируется жанр общения: ...*Радович сдерживался чрезвычайным усилием, не давал себе говорить, не давал вводить себя в фанатическое состояние спора...* (Солженицын); *Однажды он довёл остальных до спора и чуть ли не до ссоры...* (Андреев)¹. Семантические различия в функциях конечной точки движения и вместилища (*до чего* и *во что*) при этом стираются.

Подчеркнём, что употребление в позиции грамматического субъекта-каузатора имени говорящего дополнительно подчёркивает его ведущую роль в управлении процессом коллективной коммуникации – диалога, полилога.

Другой функцией каузативной конструкции является концептуализация такого аспекта ситуации, как языковая трансформация (перевод речи с одного языка на другой), которая осуществляется с использованием каузативного по происхождению глагола *переводить*: *Новичок в очках более или менее правильно переводил отдельные фразы гости из Франции [с французского языка на русский]. Тарасов мне перевёл, что Ахмет велел ей принести что-нибудь съестное для геологов* (ТСРГ под ред. Л.Г. Бабенко). Объект перемещения в данном случае ассоциативно соотносится с языковыми единицами (*словами, фразами*), а локальная позиция – с языком, на котором происходит общение. Дан-

¹ В данном случае строение и семантика модели аналогичны строению и семантике модели, концептуализирующей динамику состояния, ср.: *довести до слёз / до изнеможения / до истерики / до белого каления*. Это позволяет отнести данные конструкции к периферии средств выражения динамики действия, так как они акцентируют признаки, характерные для состояния.

ные конструкции коррелируют с субъектными, ср. *перешёл с одного языка на другой*.

Исследование картины функционирования метафорического образа перемещения в пространстве в аспекте варьирования ассоциативных связей его компонентов показало способность образа приспособляться к ситуациям разных типов деятельности и обеспечивать их интерпретацию в аспекте динамики процесса – т.е. в свете доминантного для данного образа смысла. Данный вид варьирования обеспечивает образу статус универсального средства концептуализации деятельности.

Кратко представим результаты изучения картины функционирования данного образа при концептуализации других ситуаций, кардинально отличающихся от ситуации деятельности, – **ситуации состояния и ситуации отношения**.

Раздел 2. Образная концептуализация состояния

В отличие от деятельности **ситуация состояния** определяется пассивностью субъекта: оно сосредоточено в субъекте, что объясняет двукомпонентность структуры состояния СУБЪЕКТ (пациент) – СОСТОЯНИЕ.

Понимание динамики состояния также отличается от представления о динамическом аспекте деятельности, который подразумевает, что объект подвергается активному воздействию со стороны субъекта. Пациент (субъект состояния), напротив, влияния на состояние не оказывает, а под динамикой понимается процессуальность, непостоянство и эпизодичность состояния, ср.: *идти на поправку, прийти в ярость, впасть в нищету, прийти в равновесие, выйти из терпения*.

В процессе концептуализации состояния наблюдается взаимная корреляция совершенно разных по природе и по структуре (составу компонентов) ситуаций перемещения в пространстве и состояния: глагол движения маркирует динамическую семантику, перемещающийся субъект ассоциативно соотносится с носителем

состояния, а локус – с состоянием. При этом наблюдается расширение состава глаголов: важную роль играет лексема *впасть* (в состояние).

В этих условиях избыточность числа компонентов сферы-источника, прежде всего разновидностей локуса (локальный ориентир, трасса, пространство перемещения) оборачивается их ярко выраженным функциональным сближением при концептуализации двухкомпонентной ситуации состояния – синонимией конструкций.

При концептуализации состояния центральное место среди типов локальной позиции занимает пространственный ориентир, отражающий две базовые семантические оппозиции: «наступление – прекращение состояния» и «улучшение – ухудшение состояния», которые организуют средства выражения динамики состояния. Таким образом, функционально противопоставлены оказываются не разные типы локальной позиции, а разные направления движения:

1) в направлении ориентира и в направлении от ориентира, т.е. *войти в состояние – выйти из состояния*;

2) направление вверх – вниз, представленное ориентационными метафорами (чаще наблюдается направление вниз посредством глаголов *впасть / попасть*, которые актуализируют неконтролируемость состояния и его неожиданность).

Наступление состояния метафорически выражается перемещением к локальному ориентиру, эксплицируемому наименованием состояния, а **прекращение – перемещением от него.** При этом наиболее частотны конструкции *человек пришёл / впал в состояние / дошёл до состояния.* Например: *прийти в ужас / в восторг, упасть в обморок, прийти в жизнь – уйти из жизни, впасть в пьянство / в кому / в сон / в задумчивость / в заблуждение – выйти из комы / из сна / из задумчивости, попасть в беду, попасть в заключение – выйти на свободу* и др.

С обозначением вида состояния связаны и наименования учреждений, которые ассоциируются с тем или иным состоянием (*болезнь – больница, заключение – тюрьма, сумасшествие – сумасшедший дом, обучение – школа, университет, долги – долговая яма*), наименования частей физического пространства (*болезнь – постель; смерть – могила, гроб, кладбище, небо; обучение – парта*), объединения людей (*секта*). При метафорической интерпретации изменений состояния эти суще-

ствительные указывают на характеризруемую сферу. Например: *попасть в больницу, угодить в постель, попасть в президиум, попасть за парту, отправиться на кладбище, попасть в сумасшедший дом, попасть в секту* и др.

Глаголы движения, входящие в состав коррелирующих конструкций (*войти в состояние – выйти из состояния*), в исходном значении являются антонимами, но эта оппозиция может нейтрализоваться за счет лексического наполнения локальной позиции словами-антонимами, когда конструкции *уйти к кому – уйти от кого, уйти куда – уйти откуда, выйти куда – выйти откуда* синонимизируются, характеризуя одну и ту же ситуацию. **Снятие семантических противопоставлений в данной оппозиции объясняется тем, что динамика эмоционального состояния может характеризоваться терминами *возникновение и прекращение* лишь условно, так как окончание одного состояния подразумевает начало другого, ср.:**

- **выйти откуда = выйти куда** ('стать свободным'): ... *в апреле он выйдет из тюрьмы* (Лимонов) – ... *Ходорковский и Лебедев смогут выйти на свободу* (Комсом. правда);
- **выйти куда = входить куда** ('стать взрослым'): *Лена Шорохова кончает школу, я скоро напишу ей характеристику ...И с такой характеристикой она выйдет в жизнь* (Тендряков) – *Бывают люди..., которые, сразу входя в жизнь, надевают на себя хомут и честно работают в нем до конца жизни* (А.Н.Толстой);
- **уйти откуда = уйти куда** ('умереть'): ... *один из них должен погибнуть, ... уйти из жизни навсегда* (Куприн) – *Привидениями становятся те, кто ушёл на тот свет не в своё время...* (Комсом. правда);
- **уйти от кого = уйти к кому** ('умереть'): ...*медицинская сестра Терентьева ... завyla по-деревенски: ... куда ты ушёл от нас?* (Гроссман) – ...*под бугорком ...две сестрёнки... – и мать ушла к ним, оставила меня одного на этом свете...* (Астафьев).

Синонимия конструкций возникает на базе семантического взаимодействия глаголов-антонимов (*войти – выйти, прийти – уйти*) и существительных, называющих противопоставленные состояния (*спокой-*

ствие – возбуждение, жизнь – смерть, детство – взрослая жизнь, девичество – замужество и др.). При этом одна из важных для прямого значения глаголов оппозиций, строящаяся на разных соотношениях с пространственным ориентиром (*подойти к – войти в – прийти в – выйти из*), становится во многих случаях незначимой.

Функциональное распределение лексического наполнения позиции грамматического субъекта и локуса координируется механизмом варьирования ассоциативных связей компонентов ситуации. Так, если в позиции грамматического субъекта выступает носитель состояния, то в локальной позиции эксплицируется состояние, в случае употребления в позиции грамматического субъекта наименования состояния, локальная позиция называет носителя этого состояния. Ср.: *Придя в сознание, она даже не догадалась поблагодарить спасительницу* (Калинина) – *Николай Александрович прожил несколько дней. Сознание возвращалось к нему, и он что-то пытался спросить о московских делах* (Комсом. правда); *Если человек попал в беду, доброе слово не бывает лишним* (Райкин) – *Он позвал к себе горе людское – и горе пришло* (Андреев); *Он замолчал и впал в усыпление* (Пушкин) – *Но сон не приходил, не приходил вместе с ним и покой* (Андреев).

Каузативные конструкции, коррелирующие с представленными выше, концептуализируют ситуацию состояния в причинно-следственном аспекте – с указанием факторов, способствующих возникновению или развитию состояния. Позиция грамматического субъекта (каузатора) в данном случае эксплицируется наименованием другого лица (*кто-либо привёл кого-либо в состояние / довёл до состояния / вогнал в состояние*) или причины состояния (*что-либо привело кого-либо в состояние / повергло в состояние / ввело в состояние / довело до состояния*).

Раздел 3. Образная концептуализация отношения

Рассмотрим концептуализацию отношений посредством модели перемещения в пространстве. **Ситуация межличностных отношений**, в отличие от деятельности и состояния, является трёхкомпо-

нентной, включает двух субъектов или субъекта и объекта отношения: СУБЪЕКТ – ОБЪЕКТ (или ВТОРОЙ СУБЪЕКТ) – ОТНОШЕНИЕ.

При концептуализации отношения расширяется состав глаголов за счёт лексем *сойтись* и *разойтись* и некоторых предложно-падежных форм, которые в разной степени сохраняют семантическую связь с локальной позицией. Речь идёт о конструкциях типа *пойти навстречу кому-либо*, *сойтись – разойтись с кем-либо* (ср. эти конструкции с прямым значением глаголов: *сойтись с кем-либо у колодца*; *поравняться с берёзой*), *войти в конфликт с кем-либо*, *пойти на уступки кому-либо* (ср. *уступить дорогу / место кому-либо*).

Эти конструкции коммуникативно необходимы в том случае, когда в позиции грамматического субъекта обозначен лишь один из участников ситуации – один из двух субъектов отношения либо объект отношения. Для обозначения второго участника ситуации используется одна из вышеназванных конструкций, например: *...не то чтобы мама всегда шла у нас на поводу, но она всегда шла нам навстречу* (Райкин); *Хозяйка заведения ... с охотой пошла навстречу его предложению* (Куприн). Форма *с + Тв.п.* передаёт значение объединённости теми отношениями, которые названы существительным в локальной позиции (*войти в контакт / в конфликт с кем-либо*, *пойти на разрыв с кем-либо*) либо глаголом движения (*сойтись – разойтись с кем-либо*).

Система средств выражения динамики отношения организуется двумя семантическими оппозициями, наиболее абстрактно выражаемыми глагольно-именными сочетаниями *сойтись с кем-либо – разойтись с кем-либо* (*свести кого-либо с кем-либо – развести кого-либо с кем-либо*) и *войти в отношения с кем-либо – выйти из отношений с кем-либо*.

Собственно пространственные отношения «сближение» и «удаление» (*сойтись с кем-либо – разойтись с кем-либо*) в данном случае оказываются базовыми. В этом случае локальный ориентир называет второго субъекта отношения, а метафорическое выражение в целом интерпретирует двусубъектные отношения (дружбу, приятельство, лю-

бовные, семейные, сексуальные отношения). Окружающий контекст уточняет характер отношений, диапазон которых чрезвычайно широк. Приведём примеры: *Мы сходились с тобой на совместную жизнь. ...Надо быть вместе, когда плохо – вот для чего люди сходятся* (Распутин) – *На съёмках мы с Ирочкой и Верой очень дружили! ...Потом мы как-то разошлись* (Рязанова); *Мы ушли друг от друга уже довольно давно – где-то весной приняли решение о том, что расстаёмся* (Комсом. правда).

Ключевым компонентом, указывающим на отношения между субъектами, является расстояние между ними: о налаживании отношений сигнализирует сокращение расстояния, о разобщении – удаление и отталкивание.

При реализации второй базовой оппозиции (*войти в отношение с кем-либо – выйти из отношения с кем-либо*) локус в большинстве случаев ассоциируется с отношением, представленным в абстрактном виде: *конфликт, контакт, дружба, немилость, опала, зависимость, брак, семья, объятия, жизнь* и под., и расширяется за счёт предложно-падежных форм *с + Тв.п., к + Д.п.*, например: *Павел Павлович Решников... с ходу вошёл в конфликт со школой* (Тендряков); *Он ценил в Бергмане ум, готовность пойти на конфликт с начальством...* (Гроссман); *Один из главных членов клана – алюминиевый король Дерипаска, супруг дочери Юмашева Полины – вошёл в Семью [Ельциных] отнюдь не сразу* (Комсом. правда); *Из страха попасть в немилость к Пугачёвой в шоу-бизнесе никто не рискует называться ещё одной Аллой* (Комсом. правда); *На совместных посиделках полузащитник неожиданно-негаданно попал под плотную персональную опеку...* (Комсом. правда); *А Сара выпорхнула из-под его [мужа] опеки* (Комсом. правда); *...уж эта из-под власти не выйдет. Слово, милая свашенька, вспоперёк боится сказать* (Шолохов).

При концептуализации различных типов отношений наблюдается спецификация грамматического оформления локальной позиции. В частности, различия в грамматическом оформлении локуса в конструкциях *впасть в немилость* и *попасть под контроль* указывают на уровень зависимости семантического объекта отношения от се-

мантического субъекта: во втором случае подчеркивается полная зависимость. Эта семантика формируется ориентационной метафорой в конструкции с предлогом *под*, в прямом значении именуя пространственные отношения «ниже чего-нибудь, со стороны нижней части» (Ожегов, Шведова 1999), а в переносном – иерархические. Кроме того, в локальной позиции называются отношения (*опека, контроль*), которые подразумевают доминирующее положение семантического субъекта. В конструкции *впасть в немилость* ту же ориентационную метафору воплощает глагол.

При концептуализации динамики отношения важны пространственные характеристики локуса. С **трассой** могут ассоциироваться тип отношений (любовные, дружеские, семейные, общественные), способ (инструмент) установления отношения (вместе *пройти через брак, через сотрудничество, через конфликт – сойтись характером*). При интерпретации двусубъектных межличностных отношений трасса нередко ассоциативно соотносится с жизнью человека, с жизненным этапом, ср.: *пройти жизнь вместе, пройти войну вместе*, что служит косвенным указанием на тип отношений – брачно-семейных, дружеских и т.д.

В **конверсивных конструкциях** позиция грамматического субъекта может заполняться наименованием отношения (*любовь, распря, унижение, отчужденность, противостояние, расположение* и др.), локальная позиция при этом называет стадию отношения (*отношения зашли в тупик*), объект (*моя любовь летит к тебе*) или субъект отношения (*ко мне пришла любовь*).

Каузативные конструкции образуются на базе первой из названных семантических оппозиций. Выражения *сойтись с кем-либо – разойтись с кем-либо* коррелирует с выражениями *свести кого-либо с кем-либо – развести кого-либо с кем-либо*, например: *Их свели небеса* (Комсом. правда) – ...*судьба развела в разные стороны её и человека, которого она искренне любила* (Комсом. правда).

Описание закономерностей функционирования образа перемещения в пространстве в качестве средства концептуализации действительности следует заключить выводом о **неограниченных интерпретационных возможностях метафоры, обеспечиваемых механизмом**

варьирования ассоциативных связей образа в целом, обнаружившего способности концептуализации практически любой сферы человеческого существования, которые в конечном счёте обусловлены способностью сознания к множественному структурированию объекта. Применительно к метафорическому образу это означает неограниченные возможности приспособления его структуры (избирательной актуализации состава его компонентов) к структуре концептуализируемого объекта, регулярной корреляции компонентов сферы источника и сферы-мишени.

ГЛАВА 4
МЕЖОБРАЗНЫЕ СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
И ИХ ДЕНОТАТИВНО-КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ
(Н.А. Илюхина)

Раздел 1. Семантический аспект межобразных системных отношений в его связи с денотативным и когнитивным

В общем смысле очевидно, что **образная языковая картина мира (картина образной концептуализации действительности) представляет собой систему**, т.е. её элементы связаны между собой устойчивыми отношениями, прежде всего семантического характера. Можно предполагать, что в этой сфере доминируют универсальные парадигматические и синтагматические типы системных отношений, выявленные в системе языка, поскольку установлена непосредственная корреляция языковых и ментальных единиц, языковой семантики и знания о мире.

Рассмотрение этого вопроса важно прежде всего по отношению к когнитивной метафорике, которая играет исключительную роль в концептуализации таких сфер действительности, которые не даны в сенсорном восприятии, не представлены, по Дж. Лакоффу, в когнитивном пространстве собственными «доконцептуальными» (первичными образными) структурами. К ним относятся многие сферы: внутренний мир человека, деятельность, состояние и отношения в социуме, время, социальные феномены (власть, семья и т.п.) и многое другое.

Именно эти фрагменты русской концептосферы в их образной концептуализации и являются предметом исследования в настоящей книге, в том числе в данной главе.

Постановка вопроса о системности в сфере образной языковой картины мира в русистике подготовлена многочисленными работами, в которых создана база для исследования системных отношений между

единицами образной картины мира с учётом их специфики на фоне языковых единиц.

Образная система в своей структуре и принципах функционирования единиц обусловлена и регулируется не только и не столько собственно языковыми, но и когнитивными механизмами и процессами, которые неразрывно связаны с денотативной природой единиц образной картины мира в её восприятии и осмыслении сознанием, как это было отчасти продемонстрировано в двух предыдущих главах. Поэтому ключ к познанию системности в образной картине мира лежит в фокусе совмещения когнитивного и семиологического видения объекта.

Поскольку единицей манипулирования при образовании метафоры является концепт как единица естественной категоризации знания, именно на базе категории образа (концепта) следует прежде всего изучать системные отношения в метафорической картине мира – при этом во многих аспектах: суть и типы связей между единицами; своеобразие межобразных (межконцептных) системных отношений по сравнению с отношениями, существующими между языковыми единицами; истоки и пути формирования отношений между метафорическими образами в статике и динамике, в современной образной языковой картине мира и в истории их становления.

Системные связи метафорических образов как средств концептуализации определённой денотативной сферы и шире – элементов образной языковой картины мира имеют, по крайней мере, три измерения: семантическое (собственно языковое), денотативное и когнитивное. Семантическая корреляция (прежде всего синонимия и антонимия) является прямым языковым выражением системных отношений между образами. В свою очередь, семантическая корреляция – следствие взаимодействия двух важнейших факторов – денотативного (онтологических свойств денотата, его связей с другими денотатами в рамках типовых ситуаций; это в равной мере относится к денотативному своеобразие концептуализируемой области и к сфере реалии, лежащей в основе метафорического образа, то есть к сфере мишени и к сфере источника) и когнитивного (особенностей восприятия и осмыс-

ления свойств денотата и его ситуативных связей с иными денотатами, характеризующих сознание и подсознание человека).

Наиболее рельефны системные связи между метафорическими образами, функционирующими в одной денотативной сфере – в рамках соотносительных метафорических моделей, имеющих общий компонент, например, человек – огонь, человек – жидкость, человек – строение, человек – животное и под.

Когнитивные метафоры, в основе которых лежат **разные образы**, обычно, как это показано во 2-й главе на материале речевой ситуации, **концептуализируют разные аспекты одного и того же денотата** (см. также картину образного моделирования сферы эмоций в книгах Бабенко 1989, Пименова 2007, смеховой ситуации в работе Видулова 2011 и мн. др.). Этот тип межобразных связей можно квалифицировать как отношения **взаимной дополнительности**, характерные для структурирования сложного, многоаспектного денотата посредством образов, которые охватывают **разные стороны этого денотата** и, на первый взгляд, не обнаруживают между собой прямых семантических корреляций.

Вместе с тем отдельно взятый метафорический образ чрезвычайно богат и потенциально способен вступать в системные отношения с необозримым числом образов по линии всех смысловых компонентов, входящих в его структуру. При рассмотрении функционирования образа в конкретной денотативной сфере, т.е. при сужении ракурса исследования, обнаруживается **семантическая корреляция между образами – в том числе межобразная синонимия и антонимия.**

Следовательно, **логично ставить вопрос о системности в сфере образной языковой картины мира применительно не к образу в целом, а к метафорической модели, т.е. к образу, выступающему в составе конкретной метафорической модели – с учётом денотативной специфики характеризуемого объекта.** В этом случае **образ актуализирует не все, а определённые смыслы, на основе которых и формируются системообразующие связи между данным конкретным образом и другими, обслуживающими эту денотативную сферу.**

Семантической основой межобразной синонимии и антонимии как знаков системных отношений в одной денотативной сфере служат **актуальные смыслы**, общие для разных образов, функционирующих в данной сфере.

Среди неограниченного числа смыслов, входящих в структуру концептов, которые лежат в основе соответствующих метафорических образов, особую значимость в качестве **системообразующих** играют **доминантные смыслы** – доминантные для данной денотативной сферы (отражающие её сущностные онтологические характеристики в языковой картине мира) и доминантные для конкретного метафорического образа (отражающие сущностные онтологические характеристики реальности, лежащей в основе метафоры в языковой картине мира).

Итак, **особую значимость** (системообразующую роль) **имеют отношения метафорического образа со смежными по сфере функционирования образами по линии доминантных смыслов.**

В большинстве современных исследований метафорической образности господствует **статический ракурс**, т.е. исследованию подвергается образ в составе конкретной метафорической модели (*общество – здание; чувство – огонь*) как единица современной языковой картины мира. Такой подход позволяет усмотреть механизм формирования образной картины мира, который основывается на сходстве (собственно метафорический механизм), **но не открывает первичной причины переноса и, следовательно, генезиса метафорической модели.** Речь идёт об отношениях смежности, во многих случаях предопределяющих векторы переноса в процессе образования метафорической модели. Внимание к этой стороне метафорообразования становится возможным при оценке **динамической** стороны этого процесса, что позволяет обнаружить **важнейшую роль гештальтного принципа восприятия действительности и концептуализации знаний о ней в процессе формирования метафорических образов, имеющих статус ключевых для конкретной денотативной сферы.**

Названный аспект осмысления метафорообразования в данной главе рассматривается в связи с квалификацией системных отношений между образами, концептуализирующими одну (ту или иную) денотативную область.

Исследование семантических системных связей метафорических образов как единиц языковой картины мира проводится на материале ключевых образов, которые концептуализируют **три принципиально разные денотативные сферы: сферу суточного времени, сферу внутреннего человека (в том числе сферу эмоций) и сферу власти.**

Применительно к каждой денотативной сфере анализируется соотношение нескольких ключевых для этой сферы метафорических образов.

Раздел 2. Межобразные отношения в системе средств концептуализации сферы власти

Сфера власти, государство как система власти и его элементы концептуализируются с помощью многообразных когнитивных метафор, наиболее массово представленных в политической публицистике. В работах, посвящённых анализу политического дискурса, выделяются десятки метафорических образов, в том числе олицетворение, образы здания, механизма, растений, войны, спортивных состязаний, игры (азартной, театральной и т.д.), животных и многие другие (см. об этом Баранов Караулов 1994, Чудинов 2001, Каслова 2002).

Среди них **ключевые позиции занимают образ здания и образ живого существа (олицетворение)**¹, воспроизводимые в виде стереотипных и экспрессивных выражений. Представим и прокомментируем типичные воплощения этих образов в публицистической речи.

Образ здания может разворачиваться с актуализацией разных аспектов – строительного, структурного, деструктивного, функционального (осмысления его как жилища, как вместилища чего-либо): ***строить правовое государство (новую Россию, демократию), сломать***

¹ В книге А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000)» главное место в системе средств концептуализации власти занимают именно метафоры, представляющие разновидности олицетворения: физиологическая метафора, морбиальная метафора (образ больного организма), метафора родства, сексуальная метафора, криминальная метафора, милитарная метафора, театральная метафора, спортивная и игровая метафора. Кроме них – метафора дома, метафора механизма, зооморфная и фитоморфная метафоры (Чудинов 2001).

тоталитарную систему; **фундамент** социализма (демократии); обновить **фасад** государственности; **выстраивать** вертикаль власти; ... **рухнули капитальные стены империи**... (А.Н. Толстой); ... **Демонтировать** архаичную государственную конструкцию и заменить её совершенным демократическим институтом правового общества (Лит. газета). В разные эпохи в семантике образа на роль наиболее актуального может выдвигаться то аспект созидания (в периоды стабильного поступательного развития общества), то аспект разрушения (в эпоху революции), то аспект перестройки (подробнее об этом см.: Илюхина 2007).

Олицетворение в этой денотативной сфере воплощается также с актуализацией самых разных аспектов жизнедеятельности живого существа, прежде всего человека: *Новой «оранжевой» власти на Украине не исполнилось и месяца, а номеров она выкинула уже столько, что соседние страны хватаются за голову, а сами украинцы – за животы* (Комсом. правда); *Система, почувствовав для себя опасность в радикальных демократических реформах...* (Босхолов)¹; *Государство не администрирует, но своей волей создает определённые условия экономической жизни, то есть определяет правила игры, в которую и само вступает в качестве непривизированного игрока* (Кальчинаскас); *Если Минфин не задушит предприятия и не съест этот фонд развития...* (В. Бунич); *Всё чаще появляются пессимистические и даже апокалипсические, оценки состояния здоровья и перспектив развития КНР* (Утро.ру. Новости).

Несмотря на то, что в ряде аспектов воплощения образа здания – в аспекте строительства, разрушения, в функциональном аспекте (дом строится и может разрушаться человеком; дом – жилище человека или место его работы) этот образ непосредственно смыкается с олицетворением, не вызывает сомнения разница их смыслового содержания в целом. Между тем, как показывает исследование, эти два метафорических образа находятся в системных отношениях, которые можно квалифицировать как отношения дискурсивной синонимии.

¹ В единичных случаях иллюстративный материал, используемый в данном разделе, заимствован из работ Баранов, Караулов 1994 и Чудинов 2001.

Показательно, что синонимия в данном случае – собственно **межобразная**, а не лексическая. Это означает, что в большинстве случаев не приходится говорить о синонимии конкретных лексем, воплощающих образ здания и, с другой стороны, олицетворение, об их взаимозамене в рамках одного контекста. **Межобразная синонимия выражается в том, что одни и те же актуальные смыслы по отношению к денотативной сфере власти эксплицируются средствами обоих образов. Иными словами, оба рассматриваемых образа приспособлены для интерпретации денотата (власти, государства как системы власти) в одних и тех же его аспектах, с актуализацией одних и тех же смыслов.**

Среди смыслов, наиболее актуальных для интерпретации сферы власти, наиболее часто концептуализируемых образными средствами, на основе которых семантически коррелируют (синонимизируются) при функционировании в этой сфере **образ здания** и **олицетворение**, прежде всего следующие: ‘становление’, ‘уничтожение’, ‘несовершенство (системы управления)’, ‘реформирование, совершенствование (системы власти)’, ‘(власть как) функциональная система’, ‘субъекты (политики) и их роль в становлении или реформировании (властной системы)’.

1. **Актуальный смысл ‘становление’** на регулярной основе воплощается многочисленными средствами экспликации образа дома / здания в аспекте его строительства: *строить демократию/ правовое государство/ новую Россию, создать фундамент социализма* – и, с другой стороны, средствами экспликации образа живого существа в аспекте его рождения и роста: *возродить государство / демократию, растить демократию*. Приведём текстовые примеры, в которых каждый из двух рассматриваемых образов воплощает данный актуальный смысл.

Образ здания: *Введены институты префектуры и президентства и здание политического управления Грузией построено* (Комсом. правда); *Коммунизм за 20 лет не построили и решили побыстрее соорудить капитализм* (Колядина); *Внимательнее нужно нам быть при возведении новых стен здания, имя которому – демократическое общество...* (Горбаневский).

Олицетворение: *А государства не рождаются за одну ночь. Это мучительное многовековое накопление исторического, культурного, правового материала (Афанасьев); 1993 год стал годом тяжёлых потрясений, годом великого политического перелома. Именно тогда, по сути, был задушен в колыбели новорождённый парламентаризм и появилась та самая президентская вертикаль власти... (www.rian.ru); ...чиновники весь прошедший год создавали мифологизированную идеологию о том, как всё там было. Родив идеологию, они стали её **растить**. **Вырастив**, не желают ни с кем делить (Политковская).*

2. **Актуальный смысл ‘уничтожение’** регулярно выражают средства экспликации образа дома / здания в аспекте его разрушения: **разрушить государство, царство рухнуло, сломать тоталитарную систему** – и, с другой стороны, средства экспликации образа живого существа в аспекте его смерти: **смерть демократии, убить демократию / свободу слова**. Обратимся к текстовым примерам, в которых рассматриваемые образы воплощают названный актуальный смысл.

Образ здания: *Да, смуту затеяло дворянство, желавшее ограничить власть царя. Однако стоило лишь нарушить равновесие, как **рухнуло** всё царство... (Комсом. правда); У нас **на обломках** бывшего Союза вообще ни у кого ни к кому доверия нет (Шушкевич); ... «500 дней» предусматривали **быстрый слом «под бульдозер»** почти всей прежней политической и экономической структуры (Комсом. правда); ...**рухнули капитальные стены империи**... (А.Н.Толстой); Сидят [англичане] на обустроенном, пусть и дождливом острове, **империя** давно **развалилась**... (Комсом. правда); Дубчек был против **развала** государства... (Комсом. правда); **Разрушив дом-государство**, мы оставляем и детей один на один с холодом и хаосом. Мы их лишаем капитала государственности (Афанасьев).*

Олицетворение: *1993 год стал годом тяжёлых потрясений, годом великого политического перелома. Именно тогда, по сути, был задушен в колыбели новорождённый парламентаризм и появилась та самая президентская вертикаль власти, которую год от года крепил администрация Ельцина, а окончательно закрепил его преемник Путин (www.rian.ru); **Тоталитарный строй** ...в нашей стране кончается. **Монстр** еще **загребает лапами, скрипит дубовым языком, но***

хребет – диктатура партии – сломан, гибель организма – вопрос времени (Радзиховский).

3. **Актуальный смысл ‘несовершенство системы управления’** воплощают средства экспликации образа дома / здания в аспекте функциональной непригодности (обветшания, аварийного состояния): *власть прогнила, разваливающееся здание государственности* – и, с другой стороны, средства экспликации образа живого существа в аспекте его болезни, различных патологий, угрожающих жизни организма: *болезнь / паралич власти, вирусы оппозиционности*. Названный актуальный смысл, воплощаемый образом здания и олицетворением, выражен во многих текстовых примерах.

Образ здания: *Простой перелицовкой и даже капитальным ремонтом тут было не обойтись, тут нужна именно перестройка, когда некоторыми, совсем уж прогнившими частями старого здания власти ей (власти) пришлось пожертвовать, в том числе и в фундаменте, другие заменить, а оставшиеся нетронутыми кабинеты с прежними или новыми хозяевами употребить для работы, которой в них раньше не занимались* (Клямкин); *Смысл вашего выступления – ...побег от одной разваливающейся властной крепости к другой* (Кротов); *На наших глазах рушилось здание опостылевшего режима. Потом присмотрелись – новое-то здание тоже растёт вкривь да вкось, вот-вот обвалится и погребёт нас под своими обломками* (Говорухин).

Олицетворение: *На выживание правительства работает и другой фактор. Сегодня в его разгоне нет острой политической необходимости* (Ростовский); *В политологии изнасилованию соответствует диктатура, а эквивалент скотоложству, я думаю, авторитаризм: возня с народом, как с бессмысленной тварью* (Павловский); *...психологическая база для тоталитаризма есть и в нашей стране [в Америке]. Просто здесь никогда не было условий для разрастания раковой опухоли. Демократия умела постоять за себя...* (Мурч); *Новые органы власти оказались в той или иной мере заражены вирусами не только митинговщины, но и оппозиционности* (Полозков).

Ср. также соотносительные по значению устойчивые выражения, воплощающие рассматриваемые образы применительно к функции

управления государством *сорвало крышу* – *всадник без головы* в следующих примерах (хотя и с разными контекстуальными коннотативными оценками):

Ведь только раз в вечность случается такая небывальщина. Подумайте: со всей России сорвало крышу, мы со всем народом очутились под открытым небом. И некому за нами подглядывать. Свобода! (Пастернак).

Если кому-нибудь придёт в голову организовать конкурс на памятник современному управлению экономикой, то первое место, безусловно, займёт проект скульптуры всадника без головы (Мухин).

4. Актуальный смысл «реформирование, совершенствование системы власти» регулярно воплощается многочисленными средствами экспликации образа дома / здания в аспекте его ремонта, уборки: *ремонт, перестройка, уборка* и мн. др. – и, с другой стороны, средствами экспликации образа живого существа в аспекте его лечения: *лечение, шоковая терапия, выздоровление* и мн. др. Приведём текстовые примеры, в которых каждый из двух рассматриваемых образов воплощает данный актуальный смысл.

Образ здания: *Простой перелицовкой и даже капитальным ремонтом тут было не обойтись, тут нужна именно перестройка, когда некоторыми, совсем уж прогнившими частями старого здания власти ей (власти) пришлось пожертвовать, в том числе и в фундаменте, другие заменить, а оставшиеся нетронутыми кабинеты с прежними или новыми хозяевами употребить для работы, которой в них раньше не занимались* (Клямкин); *А правительство Фрадкова разгребает завалы своих же реформ ночи напролёт – свет в Кабинете министров горит до утра* (Комсом. правда); *Граждане недоумевают и возмущаются: неужели вся проведённая реформа в силовом ведомстве ограничилась сменой названия, новой униформой и атрибутикой – косметическим ремонтом прогнившего здания?* (Труд).

Олицетворение: *Нет такой таблетки – проглотил, и чтобы государство выздоровело* (Путин); *Период санации и оздоровления разложившейся в 90-х политсистемы закончен. Надо менять методы. Действовать в 2011 году так же, как в 2001 неправильно* (Сурков);

Япония может повторить судьбу еврозоны, если не принять мер по оздоровлению финансовой системы (Вести ФМ).

5. **Актуальный смысл ‘власть как функциональная система’** регулярно воплощают многие средства экспликации образа дома / здания в аспекте структуры его конструкции: *здание, каркас* и мн. др. – и, с другой стороны, многие средства экспликации образа живого существа в аспекте его анатомического строения: *организм, скелет* и мн. др. Приведём несколько текстовых примеров, в которых данный актуальный смысл воплощается образами дома и олицетворением.

Образ здания: *...юридически грамотно составленный, лишённый политической окраски закон – это **каркас государственного здания** (Феофанов); Постепенно начинает отходить в прошлое органически свойственное сталинско-брежневскому казарменному социализму засыле бездарных, но лояльных посредственностей **на всех этажах общественной системы** (Станкевич).*

Олицетворение: *«Нам нужно наладить систему власти, управления страной. Нам нужно создать эффективную экономику. Нам нужно **оздоровить** весь **организм** российской государственности и экономической системы», – сказал Путин (РИА Новости); **Политический организм** так же, как и организм человека, начинает умирать с самого своего рождения и несёт в себе самом причины своего разрушения (Ж.-Ж. Руссо).*

6. **Актуальный смысл ‘политики и их роль в становлении или реформировании властной системы’** воплощают средства экспликации образа дома / здания в аспекте роли человека-строителя в строительстве здания: *архитектор, прораб, строитель, архитектор перестройки* (о М.С. Горбачёве) и др. – и средства экспликации образа живого существа (человека) в аспекте его роли в процессе рождения ребёнка: *врач, повивальная бабка истории, отец русской демократии*. Проиллюстрируем воплощение этого актуального смысла текстовыми примерами.

Образ здания: *...Владислав Сурков, которого считают если не **архитектором**, то, по меньшей мере, **прорабом** на строительстве нынешней политсистемы (Комсом. правда).*

Олицетворение: «Мы видим час рождения российского гражданского общества, а любые роды – это риск», – продолжает он. «Ситуация драматическая, многие хотят быть **повитухами**. Так же, как мы беспокоимся за близких людей, я боюсь за мать-Россию и за то, чтобы выжила её дочь – демократия. Я стою с букетом у роддома и надеюсь на лучшее» (Шевчук в интервью журналу Spiegel).

Семантическая соотносительность рассматриваемых образов в качестве средств концептуализации политической сферы (сферы власти) проявляется и в том, что они регулярно используются в рамках микроконтекстов либо в качестве синонимов, выражающих один и тот же актуальный смысл, либо в качестве антонимов, выражая соотносительные противоположные смыслы, т.е. корреляция между ними наблюдается и в конкретных, отдельно взятых фрагментах речи.

Для иллюстрации синонимических отношений между образом здания и олицетворением показательны случаи совмещения этих образов в одной фразе – в ряду однородных членов: ... *угроза реванша будет висеть над обществом до тех пор, пока не **разрушены структуры** (метафора здания), **опорно-двигательный аппарат** (олицетворение) тоталитаризма* (Костюков).

В приведённом ниже текстовом фрагменте актуальный смысл ‘становление государства’ выражается средствами олицетворения, а смысл ‘уничтожение государства’ – средствами метафоры здания: *А государства не рождаются за одну ночь. Это мучительное многовековое накопление исторического, культурного, правового материала. **Разрушив дом-государство**, мы оставляем и детей один на один с холодом и хаосом. Мы их лишаем капитала государственности* (Афанасьев).

См. другие текстовые фрагменты, демонстрирующие так или иначе семантическую соотносительность двух рассматриваемых образов:

*...не верится, что пресловутый полиграф и система тотального видеонаблюдения смогут стать радикальным средством **оздоровления полиции**. Повисает в воздухе призыв главы МВД **строить «новую социальную модель органов правопорядка**, где во главу угла поставлен каждый человек, защита его прав и интересов от противоправных посягательств»* (Труд);

...новая Россия будет здоровой, в отличие от 1991 года, когда рушился СССР. Тогда говорили о демократии, хотя демократии не было. Всё ещё стояли обеими ногами в прошлом, в то время как должны были строить будущее. Теперь на демонстрации выходят молодые люди, уже прибывшие в XXI век (Шевчук в интервью журналу Spiegel).

Представленная картина соотношения двух образов в качестве средств концептуализации одного денотата в совокупности его сущностных свойств демонстрирует их систематическую корреляцию при выражении каждого актуального смысла, их регулярное употребление в речи в качестве синонимических или антонимических средств.

Основанием для семантической корреляции принципиально различающихся между собой образов здания и олицетворения является денотативное своеобразие концептуализируемой сферы действительности – сферы власти со свойственными ей сущностными качествами. **Креативная природа метафоры** позволяет любому из образов своеобразно «приспосабливаться» для концептуализации наиболее важных аспектов денотата.

Раздел 3. Межобразные отношения в системе средств концептуализации сферы суточного времени

3.1. Семантическая корреляция образов огня и перемещения в пространстве как средств концептуализации суточного времени

Концептуализация такого абстрактного феномена, каким является время, происходит с использованием многих метафорических образов – перемещающегося предмета, огня, света, олицетворения (антропоморфных и зооморфных метафор) и других. Например: *День уходил; Сиял солнечный июльский день; Догорал летний вечер; Пришла зима; Ворвалась внезапная осень* (Горбовский); *Этот август... как он пролетел, Как он был почти безбожно краток...* (Галич); *Уж осени холодной рукою Главы берёз и лип обнажены...* (Пушкин).

В качестве ключевых, наиболее употребительных – индивидуально-авторских и стереотипных – средств образной концептуализа-

ции суточного времени в русской языковой картине мира используются метафоры огня и метафоры перемещения предмета: *Догорает день; Разгорается утро – Уходит день; Приходит утро, вечер.*

Выражения *Догорает день* и *Уходит день; Разгорается рассвет* и *Приходит рассвет* не оставляют сомнений в семантической эквивалентности применительно к одной и той же ситуации – конца и начала дня и, соответственно, в наличии системных отношений между двумя метафорическими образами, которые воплощаются в данных выражениях.

Обратим внимание на одно из ключевых положений данного раздела – на то, что **сущность и генезис межобразных системных связей получают принципиально разную интерпретацию в рамках семасиологического и лингвокогнитивного подходов**, в частности в данном случае.

С семасиологической точки зрения факт синонимического сближения в данном случае метафорических образов огня и перемещения предмета на фоне принципиального различия выражаемых ими эмпирических представлений и совокупных семантических потенциалов (концептуального содержания) двух образов ставит задачу поиска семантических оснований для возникновения межобразной синонимии. Эти основания сводятся к тому, что оба образа способны – каждый в соответствии со своей семантической спецификой – акцентировать **динамику суточного времени.**

Образ огня как средство метафорического моделирования суточного времени актуализирует динамику суточного времени, **акцентируя преимущественно начало и конец дневной части суток** – указывая на начало, разгар и конец дня, на начало утра, на конец вечера.

Наряду с этим образ огня дополнительно указывает на **динамику интенсивности света и тепла** в течение суток (уменьшение / увеличение интенсивности света, понижение / повышение температуры: минимальную интенсивность света и тепла на рассвете, наивысшую в середине дня, уменьшение интенсивности с наступлением вечера), **на цветовую гамму утреннего и вечернего неба** в период восхода и заката солнца и т.д., то есть комплексно характеризует время суток. Приведем типичные (в своём большинстве – стереотипные) примеры: *В небе*

ясном заря догорала (Кооль); *Пылал июльский день*; *Угасал* длинный летний день... (Щукин); *Ненастный день потух*... (Пушкин); *Подожди, погаснет* скучный день... (Гумилёв); *Горит восток* зарёю новой (Пушкин); *Догорают пожарище дня* (Карпенко); *...ночь, божественная ночь, величественно догорала* (Гоголь). Благодаря способности образа огня комплексно (эмпирически конкретно) представлять динамику суточного времени, этот образ чаще всего используется в художественных пейзажных фрагментах – когда суточное время описывается в чувственно-наглядном восприятии лица.

Итак, посредством метафорического образа огня динамика времени ('развитие', 'начало', 'завершение (части суток)') интерпретируется через доминантные для этого образа фазовые значения начала и прекращения процесса, прекращения существования предмета, с которым ассоциируется в данном случае день или вечер как отрезки суточного времени, ср.: *догорают дрова* 'уничтожаются' – *догорает день, вечер* ('перестает быть, уничтожается').

Метафоры *перемещающегося предмета* при концептуализации суточного времени обычно имеют более ограниченный семантический диапазон, направленный почти исключительно на интерпретацию динамики времени. Приведём типичные текстовые примеры: *Шли дни, и каждый день уносил часть надежды* (Гранин); *В те июльские дни, что катились ни шатко ни валко*... (Городницкий); *Дни ползут, но летят недели*... (Книппер-Тимирева); *Утро пролетело быстро; Вот и ещё один день уходит*.

Образ перемещающегося предмета метафорически концептуализирует динамику времени на базе доминантного для этого образа признака 'изменение положения в пространстве' – *день уходит* ('перестает быть в определённой точке пространства'), *приходит* ('начинает быть в определённой точке пространства'), *ползёт, идёт* ('перемещается из одной точки пространства в другую').

Итак, ситуативно-дискурсивная синонимия двух рассматриваемых метафорических образов при интерпретации динамики суточного времени, с семасиологической точки зрения, возникает на основе значения 'динамика'. Этот смысл, являющийся доминантным для обоих образов, выражается ими на основе разных (!) элементов концеп-

туального содержания. Так, значение *завершения дня* (как частное проявление динамики) передаётся через значение исчезновения, которое в семантической структуре образа огня возникает на основе признака ‘перестает быть = уничтожается’ (*догорает, сгорает, отпылал*), а в структуре образа перемещающегося предмета – на основе признака ‘перестает быть в данной точке = перемещается из данной точки в другую’ (*уходит, ушёл, скрылся*).

В лингвокогнитивной логике отношения смысловой эквивалентности между метафорическими образами интерпретируются принципиально иначе. В этой логике они обусловлены тем, что **обе метафорические модели** (*время – огонь / пылающий предмет; время – перемещающийся предмет*) **формируются в сознании и в речи на основе единого представления – представления о солнце, которое предстаёт как движущееся по небу с востока на запад, как встающее, заходящее, как разгорающееся, пылающее, гаснущее.** В качестве иллюстрации приведём красноречивые фрагменты, раскрывающие именно эту логику и мотивацию формирования обоих метафорических образов в качестве средств концептуализации суточного времени и, следовательно, объяснение причины их синонимизации: *Свежеет, и блеск вечера меркнет. Меланхолично засинели поля, далеко-далеко на горизонте уходит за черту огромным мутно-малиновым шаром солнце. И что-то старорусское есть в этой печальной картине, в этой синеющей дали с мутно-малиновым щитом. Вот он еще более потускнел, вот от него остался только сегмент, потом – дрожащая **огневая** полоска...* (Бунин); *А затем **пришёл день; красное, ледяное зарево разгоралось над заволжской степью*** (Гроссман); *...погасал **горячо рдеющий вечер**, и тихо померкала вокруг окольность* (Гоголь).

Появление образа огня и образа движущегося предмета в качестве ключевых средств концептуализации времени не удивительно, поскольку именно представление о солнце в обыденном сознании выступает главным мерилем динамики суточного времени.

Нередко художественные контексты передают эту мотивацию метафор огня и движения почти в лексически обнажённом виде. Например:

Она любила на балконе *Предупреждать зари восход*, Когда на бледном небосклоне *Звёзд исчезает хоровод*, И тихо край земли светлет, И, вестник утра, ветер веет, И **всходит** постепенно **день** (Пушкин) – стереотипное выражение *восход зари* (ср. также *восход солнца*) в рамках одной поэтической фразы сопровождается нестереотипным выражением *всходит день*, которое явно мотивировано первым.

...*Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружающих гор...* (Пушкин) – поэтическое выражение *проглянет* (зимний короткий) *день... и скроется ...* является дискурсивным синонимом выражения *проглянет солнце и скроется* и явно мотивируется им.

Сиял солнечный, но прохладный денёк... (Щукин) – в этом случае также налицо мотивация *сияло солнце* → *сиял день*.

Ср. также показательную корреляцию: *А с востока снова катится колесница поднебесная* (о солнце – Ахматова) – ...*июльские дни... катились ни шатко ни валко...* (о длинном летнем дне – Городницкий).

Показательно в этом отношении и следующее высказывание, в котором исходные представления – связь образов огня и перемещающегося предмета с солнцем и далее – с суточным временем (днём) – объединяются: *Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро, и угасающий день пленительно и ярко румянился* (Гоголь): *солнце – огонь, солнце – перемещающийся предмет* → *день – огонь, день – перемещающийся предмет*.

В других случаях наблюдается проекция *цветовых* признаков солнца, небосвода, листвы деревьев, домов – на время суток:

Вечер осенний был душен и ал... (Ахматова): *алое солнце / небосвод* → *алый вечер* ;

В зелёный вечер под окном На рукаве своём повешусь (Есенин): *зелёный сад, клён* → *зелёный вечер*;

...*Как мы ждали тебя, желтоглазая ночь...* (Петриките): *желтоглазое (лунное ночное) небо* → *желтоглазая ночь*.

Представленные результаты исследования картины образной концептуализации суточного времени позволяют утверждать, что **семасиологический и лингвокогнитивный подходы к её интерпретации – при всём различии их логики – не только не исключают друг друга, но могут рассматриваться как состоящие в**

отношениях взаимной дополнителности и способные служить способом взаимной верификации.

Семасиологическая оценка языкового материала даёт ключ к системным параметрам образной картины избранного фрагмента, тогда как осмысление этой картины с лингвокогнитивных позиций ведёт к выявлению генезиса образной концептуализации соответствующего фрагмента действительности в языковой картине мира.

Детальное семасиологическое описание картины образного моделирования денотата продуктивнее рассматривать не как самоцель (при всей важности его результатов), а как семантическое структурирование объекта для его дальнейшей теоретической интерпретации. Иначе говоря, результаты семасиологического исследования представляются необходимыми в качестве *этапа* комплексного исследования, в данном случае в комбинации с лингвокогнитивным этапом. Именно комплексное исследование позволяет ставить цель выявления природы системности образной картины мира, её генезиса, закономерностей функционирования, а также изучения закономерных процессов в когнитивной деятельности человека.

Решающую роль в выборе образов в качестве средств концептуализации времени играют отношения смежности – соположенность времени с реалиями, которые служат показателями его динамики. Эта закономерность наиболее очевидна в картине моделирования циклического – в данном случае суточного – времени. (Подробнее о взаимодействии метафорического и метонимического механизмов см. в работе Илюхина 2005).

3.2. Олицетворение как средство концептуализации годового времени в русских пословицах и его генезис

В русской языковой картине мира олицетворение относится к числу базовых способов образной концептуализации действительности, является наиболее частотным по сравнению с другими метафорическими образами, функционирует в речи в виде стёртых (в том числе этимологических) образных выражений и в виде живых, индивидуально-авторских воплощений. Использование олицетворения в качестве сред-

ства концептуализации действительности, его «экспансионистское» распространение в образной картине мира мотивируют и стимулируют целый ряд факторов языкового и когнитивного характера.

Одна из причин того, что олицетворение является ведущим образным способом концептуализации знаний о многих сферах действительности в языковой картине мира в целом, вытекает из того, что олицетворение представляет собой следы языческого тотального оживления природы и всей окружающей действительности, сохранённые системой языка и поддерживаемые традицией словоупотребления, в значительной мере художественной традицией, а также устным народным творчеством – пословицами, предсказаниями и текстами других жанров.

Выражения *пришёл день, пришёл рассвет*, квалифицированные в предыдущем подразделе как метафоры перемещающегося предмета, которые отражают представления о движущемся по небосклону солнце, допускают и иную интерпретацию – как олицетворение. При этом две предлагаемые интерпретации вовсе не исключают друг друга. Оценим с этой точки зрения приведённое выше пушкинское выражение *...Проглянет день как будто поневоле и скроется за край окружных гор...* В этом поэтическом высказывании слово *день*, безусловно (как было показано в предыдущем подразделе), метонимически обозначает солнце, то есть мотивируется движущимся светилом. Однако вместе с тем светило в данном случае олицетворяется: если глагол *скроется* можно рассматривать как номинацию движения предмета (не обязательно живого), то глагол *проглянет*, без сомнения, передаёт олицетворение солнца, а вслед за этим – по метонимической логике – и олицетворение дня, то есть суточного времени.

Особенно широко олицетворение времени представлено в пословицах, в которых оно выполняет разные функции и имеет разное происхождение, иначе говоря – **мотивировано разными факторами**. Чаще всего оно возникает по метонимической логике, в других случаях – по метафорической логике, в третьих случаях совмещается метонимическая и метафорическая мотивация. В связи с этим пословицы представляют отдельный интерес с точки зрения механизма концептуализации времени, в этом случае временного **годового цикла**. Кроме того, полагаем, что в этом жанре устного народного творчества наиболее яр-

ко отражены особенности восприятия абстрактной категории времени обыденным крестьянским сознанием, для которого первостепенно важно прагматическая квалификация датировки и временной динамики.

Особое место среди русских пословиц занимают речения, относящиеся к крестьянскому календарю, в которых широко представлена картина образной концептуализации годового времени.

Как известно, основным назначением крестьянского календаря (месяцеслова) является фиксация приуроченности определённых явлений (прежде всего погодных), событий, действий (разного рода крестьянских работ) к конкретному времени – времени года, месяцу, дню¹. Эта приуроченность явления, события, деятельности к определённому моменту времени в пословицах имеет несколько способов фиксации в рамках простого и сложного предложений.

1. С помощью обстоятельства времени: *На св. Матвея земля по-теет; От Троицы до Успения хороводов не водят.*

2. Конструкцией с каузативным глаголом, в которой в качестве субъекта-каузатора выступает обозначение времени: *Февраль зиму выдувает, а март ломает; Сентябрь птиц в дорогу торопит.*

3. В форме сложного предложения – как соотношение двух ситуаций во времени: *Как придёт Петро, так и будет тепло.*

Обратим внимание на пары близких по содержанию пословиц, в которых два основных способа обозначения временной приуроченности явления – с помощью обстоятельства времени и с помощью каузативной конструкции – выступают как синонимические:

В сентябре и лист на дереве не держится – Сентябрь обламывает листья;

На Васильев вечер дня прибывает на куриный шаг (на час) – Январь два часа дня прибавит.

Как известно, народный календарь включает в себя элементы церковного календаря, и в пословицах, поговорках, приметах время часто обозначается по именам святых либо православных праздников. Это обстоятельство находит своё выражение в том, что характерные приметы времени (метеорологические, хозяйственные и иные) передаются

¹ Исследование проводилось на материале речений, извлечённых из следующих основных источников – Даль 1998; Зимин 2006.

как результат волеизъявления или действия названного святого: *Иван Предтеча гонит птиц за море далече*. Ср. обозначение этой закономерности через обстоятельство времени: *На Воздвиженье птицы в отлёт двинулись*.

Приведём другие близкие между собой по содержанию пословицы, в которых обозначения временной приуроченности явления с использованием имени святого – в форме обстоятельства времени и в форме каузативной конструкции – выступают как синонимические:

На Студита Феодора студит по двору – Фёдор Студит землю студит; На Евдокию мороз прилучится, так и март на нос садится (мороз нос щиплет) – *Евдокия благоволит, да насорит* (могут возвратиться морозы и снегопады); *На Варвару зима дорогу заварварит* (заварит) – *Варвара мосты мостит; На Марка прилёт певчих птиц стаями – Герасим-грачевник грачей пригнал* (в этот день прилетает первая весенняя птица – грач).

Известно, что в ситуации поэтической рефлексии любое выражение, несущее следы анимации, типа *Пришла осень*, лишённое в обыденной речи семантической двуплановости, стимулирует использование ресурсов анимации. Приведём примеры поэтического осмысления момента наступления осени в форме олицетворения: *И осень тихою вдовою Вступает в пёстрый терем свой* (Бунин); *Ворвалась внезапная осень. Весь мир обложили дожди* (Горбовский).

В пословицах ситуация наступления времени года, месяца, календарного дня является чрезвычайно актуальной и представлена во многих речениях, однако обычно в виде стёртого олицетворения: *Пришёл марток, одевай семь порток; Пришёл Федот – берётся земля за свой род*. Выражения с подчеркнутой образностью чаще фиксируют динамику состояния природы: *Марья-зажги снега, заиграй овражки*.

Среди факторов, обеспечивающих широкое распространение олицетворения в пословицах, можно назвать следующие.

1. Приуроченность циклических изменений в природе, в жизнедеятельности человека и социума к определённому времени, соположенность их с временным промежутком или моментом имеет разные способы обозначения в языке, в том числе конструкцию каузации, в высшей степени характерную для лаконичной пословичной формы. Эта

конструкция в большинстве случаев имеет форму **олицетворения**: *Весна несёт хлопоты; Апрель всех напоит*. Поэтому для пословиц основной мотивацией широкого распространения олицетворения в сфере обозначения календарного времени можно считать осмысление закономерных связей в природе и социальной жизни и соответствующую модель фиксации этих закономерностей: регулярное совпадение явления с определённым периодом, приуроченность работ к определённому моменту времени осмысляется как **каузация этого явления временем**. Время осмыляется как каузатор регулярного возникновения соответствующего явления, каузатор действий. Например: *Февраль воду подпустит, март подберёт; Введенье пришло – зиму привело*.

2. Концептуализация времени как предельно абстрактного феномена нуждается в опоре на **смежные, соположенные с временем** конкретные реалии, события, чувственные представления. Как было показано в предыдущем подразделе, в языковой картине мира в целом образная концептуализация астрономического времени во многом осуществляется с опорой на представления о светилах – солнце и луне (см. об этом также, в частности, в работах Илюхина 2012б; 2013б; Курапова 2013; Резникова 2013). Что касается народного календаря, то такой опорой в нём часто служат **метеорологические явления, поведение животных, цикл выполняемых человеком хозяйственных работ, связанных с астрономическим циклом**. Наряду с этим наблюдается опора на даты церковного календаря – **имена святых**, праздники, которые и маркируют соответствующие дни: *Михайлов день, Ильин день, Николин день*. Например: *Подошёл бы Николин день, будет и зима; В Федору лето кончается, осень начинается; Вьюга в Васильев вечер обещает большой урожай орехов; На Петров день солнышко играет; Женское лето по Петров день; До Петрова взорать, до Ильина заборонить, до Спаса засеять; До Ильи мужик купается, а с Ильи с рекой прощается*. При этом имя святого используется в составе широкого круга предложно-падежных форм со значением времени: *На Евдокию, на Федота – с Евдокеи – до Евдокеи* и других, типичных для обозначения датировки.

3. Наряду с каузативной конструкцией, фиксирующей связь астрономического цикла и метеорологического, природного, хозяйствен-

ного, социально-обрядового циклов, олицетворение в этой сфере мотивируется **религиозно-мифологическим сознанием**: святой, которому в календаре посвящён тот или иной день, осмысливается как покровитель связанных с этим периодом явлений, покровитель животных, в жизнедеятельности которых с данным периодом что-либо связано, как распорядитель по отношению к разным видам крестьянских работ. Например: *Илья пророк разъезжает по небу на огненной колеснице; На Юрья святой Егорий разъезжает по лесам на белом коне и раздаёт зверям наказы; Все звери у Егорья под рукой (под началом); Что у волка в зубах, то Егорий дал.* Отражённые в этих пословицах религиозно-мифологические представления в крестьянском сознании не являются метафорой, а для современного носителя языка воспринимаются скорее метафорически.

Заметим, что религиозно-мифологический фактор органично коррелирует с каузативной конструкцией, имеющей более широкое распространение. Так, в качестве каузатора динамики метеорологического цикла выступает время года: *Весна землю парит*; календарный месяц: *Сентябрь кафтан с плеч срывает, тулуп надевает*; церковный праздник: *Воздвижение кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет*; святой: *Евдокия весну сряжает; Пётр-Павел жару прибавил.*

Через каузативную модель в народном календаре концептуализируются закономерности природных изменений, динамика хозяйственной и социальной жизни в их временной приуроченности. Эта модель в лаконичной форме подчёркивает непреложность устанавливаемых связей: *Покров землю покроем, где листом, где снежком; Март, апрель, май, июнь вино в бочках сушит, июль, август, сентябрь, октябрь хозяина крушит; Рад бы жениться, да май не велит; Февраль строит мосты, а март их ломает; Семён лето провожает, бабье лето наводит; Юрий починает полевые работы, Юрий и кончает; Первый спас час припас, Пётр и Павел два прибавил, а Илья пророк три приволок; Придёт Илья, принесёт гнилья (дождей); Введение пришло – зиму привело.*

Подчёркивание непреложности связей, их подвластности высшим силам отличает каузативную конструкцию, базирующуюся на олицетворении, от других способов обозначения временной приуроченности

явлений природы, ср.: *В богоявленную ночь, перед утреней, небо открывается – Апрель открывает ключи и воды.*

Результаты анализа олицетворения в сфере пословиц как способа фиксации приуроченности явлений, событий, действий к определённом моменту времени подтверждают **метонимическую логику отождествления времени**, в том числе имени святого как маркера временного момента, **и субъекта реального действия** – в том числе подразумеваемого в безличном предложении некоего сверхъестественного начала: *На Св. Федула теплячком подуло → Св. Федул теплячком подул*. Однако в дальнейшем сам факт отождествления святого и некоего сверхъестественного каузатора погодных явлений (отождествления по **метонимической** логике на основе отношений соположенности) может стимулировать собственно **метафорическое** развёртывание созданного отождествлением образа: *Федул губы надул* (о ненастье).

В приведённых выше речениях фиксируется закономерная временная приуроченность метеорологических изменений, совершающихся в природе независимо от действий человека и допускающих интерпретацию через покровительство небесных сил, то есть допускающих религиозно-мифологическую мотивацию. Однако тот же метонимический механизм в форме олицетворения используется и при обозначении временной приуроченности действий человека в рамках годового цикла. В этом случае святому приписываются действия, которые в это время должен совершать и совершает человек – то есть речение не содержит собственно каузативной языковой семантики: *Трифон шубу чинит, Пелагея рукавицы шьёт; Семён с Анной сбрую починяют; Борис и Глеб сеют хлеб; Илья пророк в поле копны считает; Егорий везёт корму в тороках, а Никола возом; Егорий с теплом, а Никола с кормом – Егорий с ношей, а Никола с возом; Пречистая мать (Успение) засеивает, а Покров собирает.*

В этих пословицах не используются каузативные глаголы, и в силу этого олицетворение не производит впечатления передачи каузативной семантики, а использование олицетворения объясняется тем, что жанр пословиц и месяцеслова имеет функцией не только фиксацию объективной приуроченности явлений, событий и действий к определённому времени, но и **предписание** выполнять (либо ограничивать)

эти действия в данный момент. О предписывающем характере таких речений свидетельствуют синонимические средства его выражения в сходных по смыслу пословицах, ср.: *В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять*. См. другие средства выражения предписания действий в пословицах в определённый период:

- формы повелительного наклонения глагола, выражающие прямое побуждение крестьянина к действию: *С Митрофания сей лён и гречу; К Ильину дню заборанивай пар; На св. Пуда доставай пчёл из-под спуда*;
- инфинитивные предложения с модальной семантикой необходимости: *До Петрова взорать, до Ильина заборонить, до Спаса засеять*;
- неопределённо-личные предложения, подчёркивающие обычность этого действия для всех крестьян в данный момент: *С Дарьи холсты белят; На Сильвестра окуривают курятник; На Трифона заговаривают мышей*.

Другими словами, в таких речениях фиксируется **обычность** и **непреложность** связи времени и действий, которые принято в это время выполнять, то есть фиксируется их **объективная смежность, соположенность**. Следовательно, в этом случае также наблюдается отождествление момента времени и действий, совершаемых в этот момент, момента времени и субъекта действий (*Борис и Глеб сеют хлеб: в день святых Бориса и Глеба крестьяне (обычно) сеют хлеб, надо сеять хлеб*), что следует расценивать как разновидность метонимии: *день святых Бориса и Глеба* → *Борис и Глеб*; и как следствие – отождествление субъекта действия и святого, именем которого назван день: *крестьяне* → *Борис и Глеб* (сеют хлеб). Свидетельством того, что имена святых обозначают именно время, а не собственно субъектов действия, является другая пословица, фиксирующая с помощью имён святых исключительно временную приуроченность уборочных работ: *Борис и Глеб — поспел хлеб* (ко дню Бориса и Глеба поспел хлеб). В свете сопоставления двух пословиц становится очевидно, что пословицу *Борис и Глеб сеют хлеб* допустимо осмыслять как *(Пришли) Борис и Глеб – (в это время) сеют хлеб*.

Одной из форм проявления олицетворения в пословицах являются «антропные» определения – результат переноса свойств человека, проявляющихся в определённый период, на этот период (*счастливые годы, беспокойная ночь, голодное детство* и под.). Для пословиц актуально не столько психологическое состояние человека, сколько физиологическое и экономическое (голод – сытость), по метонимической логике закономерно «приписываемое» времени года: *Холоден сентябрь, да сыт; Красна весна, да голодна; Ай, ай месяц май: не холоден, так голоден; На Руси два Егорья: один холодный, другой голодный*. Ср. пословицы, в которых лицо – носитель состояния сытости или голода и время обозначены раздельно: *Корми меня в весну, а в осень сам сыт буду; Майская трава голодного кормит*.

По метонимической логике переноса состояния лица на время образуются и оценочно-характеризующие названия времён года, месяцев и дней, отражающие экономическое положение социума в разные периоды сельскохозяйственного года, а также гастрономические обычаи в определённые дни: *Осень – запасиха, зима – подбериха; Масленица – объеуха, деньгам приберуха; Спасовка лакомка, а петровка голодовка; Иван постный пришёл, лето красное увёл*.

Следы религиозно-мифологического осмысления природного цикла представлены в аппозитивах *государь, батюшка, матушка* по отношению к временам года и месяцам. Они передают почитание сил, управляющих годовым циклом: *Ай, ай, государь-май: не холоден, так голоден; Понеслись ветерки к полуночи, ай да батюшка сентябрь; Январь-батюшка год начинает, зиму величает; Батюшка Покров, натопи нашу хату без дров; Вот тебе, матушка весна, новая новина* (говорили, расстилая холсты).

Но в других выражениях функция слов *государь* и особенно *батюшка* отражает логику собственно **метафорического** мышления: они образно актуализируют другой аспект своей семантики: слово *государь* – обозначение «хозяина» среди других зимних месяцев (*Месяц январь – зимы государь*), а слово *батюшка* – обозначение родства и вместе со словами *сын, внук, дедушка* и даже *крёстный отец* – обозначение места месяца в годовом или сезонном цикле: *Ноябрь – сентябрёв внук, октябрёв сын, зиме родной батюшка; Январь – весне дедушка*. Сюда же

примыкает обозначение календарного дня по имени святого: *Иван постный – осени отец крёстный*.

Приведённые примеры показывают, что в народном календаре олицетворение не всегда мотивируется необходимостью фиксации отношений смежности, то есть не всегда имеет метонимические корни. См. ещё примеры олицетворения, которое изначально имеет метафорическую природу (хотя в целом таких пословиц меньше): *Март у матери-зимы шубу купил, да через три дня её продал; Прольёт мороз маслица на дороги – зиме пора убирать ноги; В августе лето навстречу осени вприпрыжку бежит*.

Такие, изначально собственно метафорические, речения могли возникнуть по аналогии с широко распространённым олицетворением, мотивированным метонимией, т.е. по аналогии со способом фиксации **временной смежности** действий и природных явлений. Однако не приходится исключать и влияние собственно метафорического способа концептуализации действительности, в том числе имеющего корни в мифологической картине мира.

В ряде речений наблюдается более сложная картина, когда в механизме олицетворения оказываются совмещены метонимическая и метафорическая логики. Совмещение двух базовых способов образной концептуализации мира имеет различные проявления. Рассмотрим некоторые из них.

1. На первый взгляд, олицетворение в пословицах *Хоть февраль злится, но весну чует; Февраль и теплом приласкает, и морозом отдубасит; Декабрь глаз снегами тешит, да ухо морозом рвёт* имеет метафорическое объяснение: погода характеризуется через эмоциональную и интеллектуально-сенсорную метафору (*злится, чует*), метафору психологического и физического воздействия (*приласкает, тешит – отдубасит, рвёт*). Однако сказанное выше об олицетворении как способе концептуализации закономерных связей явлений (в том числе погодных) и времени года позволяет усмотреть в этих выражениях – в дополнение к метафорической – также метонимическую составляющую. Метонимия становится очевидной при выражении временной приуроченности погодного состояния другим способом – обстоятельством времени: *Хоть в феврале мороз, метель и злятся, но человек,*

животные уже чувствуют весну; безличными предложениями В феврале и теплом приласкает, и морозом отдубасит; В декабре глаз снегами тешит, да ухо морозом рвёт. Следовательно, олицетворение в приведённых предложениях не позволяет четко дифференцировать метонимию и метафору.

2. Некоторые пословицы допускают два разных прочтения – метафорическое и метонимическое: *С Ерофея зима шубу надевает; Дмитриев день – зима уж лезет на плетень; Пётр с колоском, Илья с колобком.* В первой пословице можно усмотреть 1) указание на выпадающий снег, **метафорически** характеризуемый как шуба для олицетворяемой зимы, либо 2) указание на то, что зимой люди надевают шубу, т.е. **метонимически** мотивированную каузацию действий человека со стороны времени года. Последнюю интерпретацию подтверждает сходная пословица, в которой констатируется необходимость тёплой одежды зимой: *Июль — хоть разденься, а декабрь — потеплей оденься.* Как показано выше, именно такую семантику имеет большинство пословиц с олицетворением, ср.: *Август на зимний стол готовит разносол* (= в августе люди готовят разносол). При этом важно, что различие лингвистических интерпретаций не меняет актуального смысла пословицы – «С Ерофея становится холодно». Именно поэтому носители языка не расходятся в понимании смысла этой пословицы. Ср. предложения, также допускающие обе названные квалификации: *Сентябрь кафтан с плеч срывает, тулуп надевает; Воздвиженьё кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет.*

3. Пословица *Май леса наряжает, лето в гости ожидает* с точки зрения лингвистической квалификации выглядит неоднозначно. Очевидно олицетворение обоих временных понятий – мая и лета, но генезис двух олицетворений, на наш взгляд, разный. При этом не вполне одинаковым представляется и олицетворение мая в первой и второй части (*май наряжает леса – май ожидает в гости лето*). Выражение *Май наряжает леса* имеет явно метонимическую мотивацию и фиксирует приуроченность появления листвы к весеннему месяцу (*в мае леса становятся зелеными → май каузирует изменения в растительной природе*). Второе олицетворение *Май ожидает в гости лето* такую трактовку не исключает (*в мае человек ожидает в гости лето → май*

каузирует у человека ожидание лета), но, скорее, имеет изначально метафорический характер. При этом первая часть предложения (*май наряжает леса*) – в итоге воспринимаемая как метафора, своеобразно «готовит» олицетворение мая во второй части – уже по собственно метафорической логике: ожидание гостя выражается в украшении природы (*наряжает леса*). Собственно метафорический контекст (хозяин-май готовится к встрече гостя) предопределяет метафорическое осмысление олицетворяемого лета.

4. В основе предложения *Юрий на порог весну приволок* безусловно лежит метонимическая логика (см. выше интерпретацию пословиц типа *Введение пришло – зиму привело*), однако носителями языка оно воспринимается скорее как метафорическое. Этому способствует, кроме прочего,

а) использование вместо широкого по значению и стилистически нейтрального глагола *привёл* лексемы *приволок*; будучи синонимом глаголу *привёл* (оба называют каузированное перемещение объекта), она имеет более конкретное значение (перемещение путём волочения по земле) и в силу этого яркую внутреннюю форму, а также разговорно-экспрессивную окраску, которая обычно ограничивает употребление слова в значении каузации явления (ср. обычные средства выражения каузации в пословицах – *привёл, принёс, убавил* и др. слова с полустёртой образностью);

б) развёртывание образа по метафорической логике (метонимия развёртывания образа не допускает) – *приволок на порог*.

Таким образом, широко распространённое в пословицах олицетворение как способ концептуализации времени имеет разное происхождение и мотивировано разными факторами. В большинстве случаев олицетворение возникает на базе метонимии – в силу необходимости **фиксации отношений смежности** между природными процессами, хозяйственной деятельностью человека, церковным календарём и временем, на которое приходятся эти природные процессы, действия человека и церковные праздники, при этом фиксации в лаконичной форме, которой идеально соответствует каузативная конструкция. Кроме того, как и в языковой картине мира в целом, пословица как жанр использует собственно метафорическую логику концептуализации абстрактных

явлений на основании – уловленного или создаваемого – сходства между реалиями, в этом случае часто наблюдается развёртывание метафорического образа, лежащего в основе олицетворения. Нередко при этом олицетворение метафорического происхождения осуществляется по аналогии с широко распространённым в этом жанре олицетворением метонимического происхождения. Оба фактора активно взаимодействуют в этой сфере и своеобразно «подпитываются» традицией языческой, религиозно-мифологической анимации действительности.

Раздел 4. Межобразные отношения в системе средств концептуализации эмоций

При анализе межобразных отношений в когнитивно-дискурсивном аспекте, обеспечивающем их многомерное аналитическое видение, естественно учитывать не только собственно языковой (семантический) аспект, но и не менее важные когнитивный и денотативный аспекты, поскольку семантическая соотносительность образов складывается при взаимодействии двух последних факторов.

Такая логика формирования межобразных связей открывается при совмещении нескольких ракурсов анализа в образной картине мира: анализа образов в процессе их функционирования в составе конкретных метафорических моделей и анализа генезиса этих метафорических моделей, который непосредственно приводит исследователя к оценке роли когнитивных и денотативных факторов в их взаимосвязи – к факту связи лежащих в основе метафор исходных реалий в их восприятии сознанием человека.

Как уже говорилось, наиболее убедительно для оценки системных межобразных отношений в языковой картине мира выглядят устойчивые семантические связи между образами, функционирующими в одной денотативной сфере, в составе соотносительных метафорических моделей.

Каждая коммуникативно значимая сфера действительности концептуализируется большим числом метафорических образов, список которых открыт. Однако, повторим, в качестве предмета анализа преж-

де всего показательны образы, *ключевые для данной сферы*, обслуживающие её на регулярной основе.

С учётом того, что каждый отдельно взятый образ вступает в отношения семантической корреляции с большим числом образов по линии разных смысловых компонентов, входящих в его структуру, непосредственная семантическая корреляция обнаруживается при рассмотрении его в составе конкретной метафорической модели, с учётом природы характеризуемого денотата – в этом случае образ актуализирует не все, а определённые смыслы, которые и составляют основу системообразующих связей между данным образом и другими при интерпретации данной денотативной сферы.

Предметом размышлений в данном разделе является системообразующая роль денотата, подвергающегося концептуализации, в его восприятии и осмыслении сознанием.

Любой денотат при множественной категоризации обнаруживает наиболее значимые (в том числе коммуникативно значимые) параметры, которые с неизбежностью становятся компонентами семной структуры имён соответствующего концепта и, с другой стороны, образными фокусами при метафорической концептуализации денотата. **В сфере эмоций** такими параметрами являются нестабильность (динамика), интенсивность, стихийная природа (независимость от воли субъекта) и другие.

Среди многочисленных метафор, концептуализирующих эмоциональную сферу, ключевую роль играют образы живого существа (лицетворение), жидкости, огня, хмельного напитка, физического воздействия (давления).

При всём онтологическом несходстве исходных реалий жидкости, огня, живого существа и др. можно говорить о синонимизации одноимённых метафорических образов при их функционировании в качестве средств концептуализации эмоций.

Синонимизацию образов жидкости, огня и других обеспечивает не столько наличие общих признаков исходных денотатов этих метафорических образов (феноменов жидкости, огня и т.д.), сколько **своеобразие эмоциональной денотативной сферы**, активизирующей соответствующие потенции метафорических образов. Иначе говоря,

важнейшие параметры эмоций – нестабильность, интенсивность, стихийная природа – оказываются первостепенно важными независимо от того, какой именно метафорический образ используется для их интерпретации, и обуславливают *отбор* метафорических образов, способных акцентировать эти признаки, наконец – *предопределяют* синонимические и антонимические системные отношения между образами на основе этих признаков.

Так, **нестабильность** (динамика, появление и исчезновение) конкретного эмоционального состояния акцентируются через олицетворение (чувство *пришло – ушло*), образы огня (чувство *вспыхнуло – погасло*), жидкости (чувство *нахлынуло – отхлынуло*), вина (слова *опьянили – отрезвили*) и др.

Стихийность, независимость от воли субъекта адекватно подчёркивается теми же образами: *страх напал* на кого, *гнев овладел* кем, *страсть охватила* кого, *страсть поглотила* кого (олицетворение); *гнев сжигал* кого (метафора огня); *страсть затопила* кого, *чувства нахлынули* (метафора водной стихии); *страсть пьянила* кого (метафора вина / опьянения).

Интенсивность, сила чувств характеризуется средствами этих образов как *пожар любви* (ср. *искра чувства*), как *бурление, клокотание страстей* (ср. *струилась нежность*); как существо, превосходящее субъекта чувств по силе и мощи (*чувства обуяли, страсть захватила*), как *опьянение*, лишаящее субъекта воли или, напротив, побуждающее к активному проявлению воли (*опьянённый весенней негой – опьянённый свободой*).

Каждый образ отражает признаки интенсивности, стихийности и динамики в комплексе, поскольку сами эти признаки сопутствуют друг другу: сильная эмоция обнаруживает стихийность и динамику.

Все названные образы характеризуются широкими возможностями в интерпретации любого денотата, так как лежащие в их основе представления детально структурированы в языке и имеют богатый потенциал для широчайшего лексического и семантического варьирования. **В рамках варьирования по отношению к одному и тому же денотату – для акцентировки одних и тех же его базовых признаков –**

образы актуализируют соотносительные концептуальные признаки, которые служат основой их синонимизации.

Так, динамика (появление) эмоций интерпретируется, как уже говорилось, многими образами, которые на её основе обнаруживают синонимическое сближение. Приведём соотносительные текстовые примеры:

- олицетворение: ...*воскресли вновь И божество, и вдохнове-
нье, И жизнь, И слёзы, и любовь* (Пушкин); ...*И в душе твоей,
кроткой и нежной, Злое чувство проснулося вдруг...* (Некрасов);
- образ огня: *От этого в ней с новой силой вспыхнуло ликова-
ние* (Азаров);
- образ жидкости: *Нахлынуло нестерпимое желание: рвануть
дверь кладовки, раскрыть тайник...* (Лукин); ...*в этот миг я
разумом слабею И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!* (Фет);
- образ вина: ...*музыка опьянила Клина умилением, ещё не ис-
пытанным...* (Горький)¹.

Высокая интенсивность эмоций часто интерпретируется обра-
зами жидкости и огня, которые при этом также синонимизируются:

а) образ жидкости: *Нутро её наливалось теменью, клокотала в
нём злоба...* (Астафьев);

б) образ огня: ...*убив её, убил любовь свою, тогда как огонь стра-
сти оставался в крови его* (Достоевский);

См. также недифференцированный образ стихии – огня, урагана и т.п., концептуализирующий эмоции с актуализацией признака высокой интенсивности: ...*главный руководитель работ и технический дирек-
тор содрогался, кричал: «Не могу!» – и снова бушевал* (Ильф, Петров).

Ср. примеры, в которых, напротив, акцентируется 1) отсутствие
выраженных эмоций (неинтенсивность) образом холода – соотноси-
тельным с образом огня и антонимически противопоставленным ему

¹ Иллюстративные материалы, связанные с метафорами вина / опьянения, заимствованы из дипломной работы О. Козырь «Метафорическая модель «вино – опьянение» в русском языке» (Самарский государственный университет, 2004), выполненной под руководством Н.А. Илюхиной.

(*Ни ж можно с холодной кровью жить?* (Бунин)), и 2) специфика интенсивности эмоций, так или иначе сопряжённых со страхом, который, в отличие от других сильных чувств, интерпретируется метафорами холода (... *смеялся цирк так, что в жилах **стыла** радостно и тоскливо кровь* – Булгаков).

Стихийность эмоций (их независимость от воли субъекта) при образной интерпретации оказывается сопряжена с силой чувств и в большинстве случаев воплощается теми же образами, зачастую в том же лексическом выражении:

- олицетворением: *В детстве Наташу Гундареву одолевали страхи* (Комсом. правда); *Чем сильнее чувство, овладевающее человеком, тем слабее способность самонаблюдения. Под кокаином до таких громадных размеров **вырастало** моё чувствующее Я, что самонаблюдающее Я прекращало работу* (Агеев);
- образом жидкости: *...несмотря на все свои усилия не поддаться нахлынувшему на нее **чувству**, заплакала...* (Тургенев); *И вдруг **рвёт** плотину сдержанности **поток** чувства: Аксинья бешено целует его, шею, руки, грудь* (Шолохов);
- образом огня: *...**пожара, пылавшего** у меня всю ночь в жилах* (Набоков);
- антонимически противопоставленным ему образом холода, льда: *Как **стужа** меня измаяла, Этот **сердечный мороз**. Мне бы заплакать, чтоб сердце оттаяло, Да нет слёз...* (Гиппиус).
- образом хмельного напитка, вызывающего опьянение: *...Клим **пьянел от возбуждения** и терял себя в играх* (Горький); *Дмитрий Фёдорович почти с какой-то яростью поднялся с места, он вдруг стал как **пьяный**. Глаза его вдруг налились кровью* (Достоевский).

Каждый метафорический образ актуализирует любой из названных признаков эмоций в своей логике, обусловленной онтологическим своеобразием лежащей в основе этого образа реалии. Показательной иллюстрацией к этому положению может служить метафорический образ хмельного напитка / опьянения. Наряду с

другими характеристиками эмоций, этот образ адекватно **интерпретирует стихийность** переживаемого **состояния** – при этом с **многообразными семантическими акцентами, обеспечиваемыми широким лексическим и семантическим варьированием образа**. Так, метафоры опьянения дополняют характеристику стихийности эмоционального состояния (нередко и поведения) указанием в одних случаях на **безудержный разгул** (1); в других – на **длительное глубокое эмоциональное переживание** (2), на **состояние повышенного возбуждения** (1, 3), а также на **силу чувств и разные типы эмоций**: счастье и печаль любви (4), грусть о прошлом (2) и др.; на состояние праздника, воодушевление (1, 5) и т.д.:

1) [о романе В. Шукшина «Я пришёл дать вам волю»] *То уже разгул, гулянье, кровавый праздник, который так же далёк от настоящего праздника, по которому тоскуют почти все герои Шукшина, как ночь от дня, как кошмар от яви. И, впадая в опьянение душевное, гуляя и празднуя, тоскуя в песнях казацких, Разин не мог смягчить жестокого впечатления о себе: всё же он меч слепца и меч убийца* (Золотусский);

2) *Если Бунин наливает тебе слёзы до краёв и расплёскивает, то Булгаков прикрывает эту рюмку иронией, и коньяк эмоций остаётся в тебе навсегда и бродит до самой смерти. И надо не уносить его в могилу, а с кем-то поделиться* (Ягодкин);

3) *Проверьте личное оружие, взять гранаты – и за мной, отразим противника! И в его голосе и глазах, быстро, властно скользнувших по Крыму, много было ледяного и жгучего боевого спирта* (Гроссман);

4) *...когда душа от радости пьяна И ей во времени своём от счастья тесно...* (Шефнер) – *...я терпкой печалью / Напоила его допьяна* (Ахматова);

5) *Ах, эта вечная потребность праздника! Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью! – не просто наслаждения, а именно упоения, – как тянет нас к непрестанному хмелю, к запою, как скучны нам будни и планомерный труд! Россия в мои годы жила жизнью необыкновенно широкой и деятельной, число людей*

работающих, здоровых, крепких всё возрастало в ней. Однако разве не исконная мечта о молочных реках, о воле без удержу, о празднике была одной из главных причин русской революционности? (Бунин).

Однако, повторим, при всей особости метафорических образов и при всём многообразии, неисчерпаемости составляющих их концептуальных признаков при функционировании в одной денотативной сфере эти образы обнаруживают системную семантическую корреляцию по целому ряду признаков.

Основополагающая роль денотата с его важнейшими онтологическими признаками такова, что при его метафорической интерпретации синонимизируются даже совершенно разные аспекты одного и того же образа. Проиллюстрируем эту мысль на примере олицетворения, в основе которого лежит образ человека – один из самых богатых и структурированных в языке образов. Будучи воспроизведены по отношению к одному и тому же денотату (в данном случае – к эмоциям), разные воплощения этого образа, представляющие **разные стороны** человеческой жизнедеятельности, оказываются **синонимическими** при характеристике ключевых признаков эмоций. Так, динамика эмоций адекватно передаётся через образную актуализацию многих аспектов жизнедеятельности человека. Ср. способы выражения появления чувства: *К нему пришло чувство = в нём проснулось чувство = в нём родилось чувство = в нём заговорило чувство.* Аналогично соотносятся воплощения тех же аспектов при выражении значения прекращения, отсутствия чувства: *чувство ушло = чувство уснуло = чувство умерло = чувство молчало.*

Денотативное своеобразие концептуализируемой сферы как фактор синонимизации ключевых для этой сферы метафор не ограничивается наличием концептуально важных признаков эмоций, которые являются преобладающими центрами метафорической фокусировки разных образов.

Вторая важнейшая сторона денотативного фактора, обуславливающего синонимизацию образов, связана с общностью происхождения этих метафорических образов как средств концептуализации данной сферы. В сфере эмоций **рассматриваемые метафорические образы имеют единые денотативно-когнитивные истоки – восходят**

к единому телесному гешталту. Остановимся подробнее на генетической связи метафор огня и жидкости (об олицетворении в этом аспекте см. подробнее Илюхина 2003).

Ключевой статус и семантическая близость метафор жидкости и огня в сфере чувств обусловлены их происхождением – проникновением образов в эмоциональную сферу по одинаковой метонимической логике, отражающей естественную смежность эмоций и их физиологических проявлений: эмоций и динамики кровотока, эмоций и слёз, эмоций и температурного состояния (см. об этом подробнее в работе Илюхина 2004).

В частности, отношениями объективной смежности связаны кровотоки и сильные чувства (о чём свидетельствуют и медицинские источники): *клокотала, бурлила кровь* → *клокотал гнев, бурлила злоба, страсть*. Гештальтную эмпирическую опору образов жидкости подтверждают многие контексты, в которых метафорический образ соседствует с прямым указанием на кровь, слёзы – как сопутствующие эмоциям физиологические проявления, а также на хмельные напитки. Указание на связь эмоций и крови содержится во многих приведённых выше примерах, см. также следующий: *Я ехал к милой; радость и любовь Мою младую волновали кровь* (Лермонтов).

Приведём примеры соположенности в контексте обозначений эмоций и слёз как одной из естественных форм их проявления: *хлынули слёзы* → *хлынули чувства; излить горе в слезах, выплакать горе, изливание чувств; ...И обида по щекам не потечёт* (Митяев); *Тревога за жизнь любимого сверлила мозг, не покидала её днями, навевалась и ночью, и тогда то, что копилось в душе, взнуданное до времени волей, – рвало плотины: ночь, всю дотла, билась Аксинья в немом крике, в слезах...* (Шолохов).

Ср. указание на неестественное для эмоциональной ситуации отсутствие слёз – и антонимическую метафору «сухости» эмоционального состояния: *Тон не вполне соответствует лицу, он не трагичен: он страшен – в нём сухое отчаяние, без слёз, без жалости. Да, что-то в ней безнадежно иссохло* (Сартр).

Во многих случаях в одном и том же контексте фиксируются указания одновременно на кровь и на слёзы как естественный инди-

катор сильных эмоций: *И лучших дней надежды и любовь, В груди моей всё оживает вновь, И мысли далеко несутся, И полон ум желаний и страстей, И кровь кипит – и слёзы из очей...* (Лермонтов); *И между тем душа в ней ныла, И слёз был полон томный взор. Вдруг топот!.. кровь её застыла, Вот ближе! скачут... и на двор Евгений!* (Пушкин); *Сколько она себе крови испортила и слёз пролила ради меня...* (Чехов).

В типовых контекстах с сердцем, жилами, кровью связан также температурный образ: *Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови, Мое сердце сжигал и томил...* (Апухтин). Следовательно, проникновение образа в сферу эмоций связано также с представлением о связи состояния кровотока и температурных ощущений, то есть восходит к тому же телесному гештальту, ср.: *Спорщики разгорячились; Девушка похолодела; Злость постепенно остывала* (Распутин); *И сердце моё застыло* (Ахматова).

По мере расширения лексического и семантического варьирования образа, по мере расширения лексической сочетаемости лексем, воплощающих образ (*струится нежность, разливается покой*) сознание начинает соотносить образ жидкости и температурного состояния с чувством метафорически, то есть нащупывает между ними сходство (по линии динамики, интенсивности, стихийности и др.), позволяющее образно моделировать чувство с учётом объективно присущих ему свойств. Тем самым происходит отрыв образа от телесного гештальта – сознание не связывает напрямую образ жидкости с кровью. В результате «разработки» образов как метафор (в процессе их широкого лексического и семантического варьирования) эти образы, имеющие своим источником опыт тела, трансформируются, в частности, в образы огня, лавы (*...лава вдохновения клокочет на груди моей...* – Лермонтов), льда, мороза. Однако не случайно, как во многих приведённых примерах, метафорические «жидкость», «огонь», «лёд» устойчиво локализуются в сердце, в жилах, в крови.

Именно такая мотивация рассматриваемых метафорических образов в сфере эмоций ярко запечатлена во фразеологии (ср.: *сердце кровью обливается* (о сильных чувствах); см. об этом подробнее в работе Илюхина 2012а).

Как свидетельство межобразной синонимии и её мотивированности соответствующими телесными гештальтами показательны контексты, фиксирующие **контаминацию** нескольких метафорических образов (метафор огня, жидкости, высокой температуры, опьянения) и, с другой стороны, одновременно содержащие знаки телесного гештальта (буквальные указания на состояние кровотока, температурное состояние, слёзы, хмельные напитки). См. примеры характеристики эмоционального состояния, содержащие метафорические и/или буквальные указания

- на слёзы и опьянение: *Стояли, от слёз охмелев...* (Пастернак);
- на жидкость (кровь), высокую температуру и опьянение: *Горячей кровью пьяный, сытый, Лишь утром он оставит дом* (Гумилёв);
- на жидкость (в которой угадывается, хотя и не называется кровь) и высокую температуру (огонь): *Пройдет мимо база, а у меня сердце закипает... упала б наземь, следы б его целовала... может, присушил чем?* (Шолохов);
- на хмельной напиток, высокую температуру, кровь: *Рецепт его приготовления [чая «по-русски»] на удивление прост: в ведёрный самовар переливается ровно ящик «Столичной». Кипятить не надо: напиток и без того горячит кровь и придаёт новых красок рассказам о космических приключениях* (Комсом. правда).

Контаминацию метафорических образов в данном случае следует рассматривать не только как одно из проявлений синонимии этих образов, но и как показатель их общего происхождения – того, что **данные образы восходят к единому телесному гештальту, связанному с сильными эмоциями.**

Состояние кровотока, температурное состояние, слёзы как формы выражения чувств, хмельной напиток как источник сильных чувств либо динамики чувств – в процессах восприятия, обработки информации об эмоциональном состоянии человека и концептуализации этой сферы становятся индикаторами эмоций со всеми их особенностями (динамикой, интенсивностью, стихийностью и т.д.). В качестве единиц УПК (универсального предметного кода) соответствующие сенсорные пред-

ставления кодируют эмоциональные концепты в коллективной и индивидуальной концептосферах, ложатся в основу метафорических моделей, концептуализирующих сферу эмоций в образной языковой картине мира, и во многом определяют межобразные системные семантические отношения.

Следовательно, **непосредственное отношение к характеру системных связей между образами в языковой картине мира имеют не только семантические параметры** (в терминах которых обычно констатируется наличие системных связей между единицами в семасиологических исследованиях), но также **когнитивные (особенности восприятия сознанием соответствующей сферы и её осмысления) и денотативные параметры**.

В заключение отметим, что лежащие в основе метафорических образов телесные представления вырастают, с одной стороны, из индивидуального опыта любого носителя языка, а с другой – восходят к языческой картине мира – к ритуалу как центральному компоненту культуры эпохи мифологического сознания. По результатам этимологических разысканий М.М. Маковского, эмоциональное состояние могло связываться с разными сторонами ритуальной ситуации, в которых находили отражение те же связи эмоций – в том числе с кровью, напитками, и как результат – кодировалось соответствующими чувственными представлениями: «Одним из важнейших элементов языческого сакрального культа было возлияние. Священный напиток, который готовился из сочных плодов, растений, а также определённых видов грибов, служил средством, вызывающим религиозно-сексуальный экстаз» (Маковский 1996: 79); «Напиток, применявшийся для священного возлияния, язычники уподобляли крови животного, принесённого в жертву (иногда этот напиток в действительности готовился из крови жертвенных животных)» (Там же: 80-81).

Раздел 5. Межобразные отношения в системе средств концептуализации сферы внутреннего человека

Задача раздела – проанализировать устойчивые дискурсивные отношения между метафорическими образами, моделирующими одну

денотативную сферу – сферу внутреннего человека, в следующих аспектах:

1) показать **характер системных связей этих образов в процессе их функционирования в статике и динамике**, то есть в современной образной картине мира (парадигматические и отчасти синтагматические) и в генезисе этих связей в процессе формирования соответствующих метафорических моделей;

2) продемонстрировать **прямую связь чувственного представления о денотате (образного компонента в структуре концепта) и состава базовых метафорических образов**, используемых для образной интерпретации этого денотата в языковой картине мира.

Среди средств интерпретации сферы «человек» ведущую роль играют метафоры «вместилище» и «живое существо (олицетворение)»¹.

Системная корреляция этих моделей наблюдается как в их «дометафорической» истории (в путях трансформации исходного образа в метафорическую модель – средство концептуализации сферы человека), так и в формировании между ними связей парадигматического и синтагматического типа, в том числе синонимии как наиболее яркого проявления парадигматических отношений, а также в закономерностях их функционирования в качестве метафорических моделей в общей для них денотативной сфере – в принципах варьирования и в логике «движения» образа в этой сфере.

¹ Над этими сторонами образной интерпретации человека размышляет М.П. Одинцова: человек – это «... живое существо, разделённое на две в принципе отделяемые друг от друга субстанции – тело и душу, каждая из которых совмещает в себе прямо противоположные начала активности и пассивности. Человек – это и наделённое разумом, волей, речью активное, т.е. действующее по своему выбору «я» и в то же время это инертная вещь – пространство, вместилище разнообразных предметов, субстанций, материальных (физических) и идеальных (духовных), таких, например, как физические и духовные: мозг, сердце, кровь, нутро, грудь, ощущения, таких уникально духовных, как душа, совесть, память, ум, сознание, мысль, воображение, чувства и черты личности: любовь, мудрость, доброта, зависть, ненависть, тоска, радость и многие другие. В человеке – духовном пространстве – размещается не только всё собственно человеческое, но в пределе – вся Вселенная, всё, что входит в сознание личности в субъективных образах природы, живых и неживых предметов, микро- и макромира, космоса» (Одинцова 1991: 65).

Обе метафорические модели восходят к обыденному восприятию человека и образно отражают разные стороны этого сложного феномена в структуре концепта «человек».

Основой образа вместителища выступает представление о человеке как о физическом теле, имеющем внешние границы: «Мы – физические существа, отграниченные и отделённые от остального мира поверхностью кожи; мы воспринимаем остальной мир как находящийся вне нас. Каждый из нас – это вместителище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией “внутри – снаружи“» (Лакофф, Джонсон 2004: 54). Это представление исходно отражает человека в материально-физическом аспекте: *Во мне что-то ёкнуло; В нём сердце биться перестало; Выдыхаем [внутри] кислород, выдыхаем [изнутри] углекислый газ; Втянул [внутри] носом морозный воздух.*

Постепенно аспект восприятия и оценки человеческого тела как **вместителища органов** расширяется и превращается в способ разносторонней характеристики **человека-личности**: *открытый, замкнутый человек, пустой человек, глубокий человек; Из него не вытянешь слова; Степан ...чувствовал: не до конца искренен с ним Фрол, нараспашку здесь не будет...* (Шукшин). В результате абстрагирования представления о человеке-вместителище **человек предстаёт как вместителище всех своих «частей», свойств, состояний**, а его «части», свойства, состояния – как вместимое.

Второй образ, образ живого существа, представляет человека как живое – разумное, мыслящее, чувствующее, действующее и т.д. существо, то есть исходно характеризует его как биосоциальный феномен – в физиологическом, психическом, деятельностном, социальном аспектах (ср. определение значения слова *человек* в Малом академическом словаре русского языка: «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда»): *человек рождается, живёт, работает, спит, беспокоится, ревнует* и т.д. Наряду с буквальным смыслом эти средства выражения ситуативного состояния человека получают *функцию расширительной характеристики* этапа жизнедеятельности человека: *В последнее время он живёт этими мыслями; Ребёнок уже пошёл в школу; Зря ты идёшь учиться в техникум.*

Одна из этих моделей («человек как обобщённо представляемое вместилище») элементарна и абстрактна и потому допускает многообразное «наполнение» (*в человеке, в теле, в мышцах, в голове, в мыслях, в сердце, в памяти* и др.) и конкретизацию (*в углах памяти, в пещере души*), а вторая («обобщённое представление о человеке как живом существе») чрезвычайно богата и воплощается в многообразных вариантах (*чувства родились, умерли, дремлют, проснулись, заставили, заговорили* и мн. др.).

В процессе использования той и другой модели представления человека в речи происходит расширение сочетаемости – лексического наполнения этих единиц (не только *в теле, во мне*, но и *в организме, в крови, в чувствах*; не только *в голове, в мозгах*, но и *в уме, в мыслях*; не только *девочка плачет*, но и *её глаза плачут, сердце плачет, плачущий взгляд*). См. разное смысловое содержание одной лексико-грамматической формы: *у него в крови – много сахара* и *у него в крови – жажда власти*: в одном случае она характеризует человека с точки зрения физиологического состояния, в другом – с точки зрения морально-психологических качеств.

По мере расширения сочетаемости происходит **абстрагирование** **обоих первоначальных представлений и превращение их в своеобразные когнитивные и языковые матрицы, удобные для осмысления человека в любых аспектах**. Процесс расширения сочетаемости в сфере обоих образов, а также протекающий одновременно и в тесной связи с ним процесс абстрагирования каждого из этих представлений до образ-схемы организуются когнитивными механизмами по линии отношений *целое – части; орган – его функция; действие – его результат* и др. Эти отношения **предопределяют векторы переноса исходных представлений «человек – вместилище» и «человек – живое» на любые ипостаси человека: каждый образ распространяется на частные концепты сферы «человек» в качестве способа их интерпретации** (более подробно картина экспансии образа вместилища в сфере внутреннего человека продемонстрирована в статье Илюхина 2002, а картина экспансии олицетворения в этой же сфере – в статье Илюхина 2003).

Таким образом, логика распространения обеих моделей выражается в том, что представления о человеке («целостном» человеке) становятся матрицей при концептуализации любых – потенциально всех свойств человека (его «частей»). Соответственно модель «вместилище» интерпретирует каждый из органов, каждое из свойств, состояний, порождений человека как вместилище либо вместилище, а модель «живое» любой микроконцепт сферы «человек» представляет как самостоятельную сущность, которая в своих свойствах, способностях, поведении уподобляется человеку (в статье Илюхина 2012б показано, что экспансия таких образов, связанных с концептуализируемой сферой отношения смежности, происходит без осознания этих связей говорящим, на уровне подсознания).

В то время как векторы движения образов (фиксирующих представления о человеке: «человек – вместилище», «человек – живое существо») определяются метонимическими траекториями – от целого к той или иной его части, от органа к его функции, от человека к его действию и результату этого действия и т.д., результаты переноса этих образов осмысляются в логике метафоры. Иными словами, **по мере продвижения по метонимической логике образ получает метафорическое переосмысление, превращается в метафорический** (подробнее об этом процессе см. в Илюхина 2002, 2003). Приведём текстовые иллюстрации к картине распространения образов «вместилище» и «живое существо» в рассматриваемой сфере в качестве метафор.

Образ «вместилище»: *Он шёл, как будто его завели, с пустой головой* (Эренбург); *Душа её была полна любви ко всему и ко всем...* (Бунин); *Чувствуем в душе нашей какую-то несносную пустоту* (Загоскин); *...душа моя открыта* (Исаковский); *И в твоём сердце мне нет места, мой милый отшельник* (Достоевский); *Отсюда этот взгляд, исполненный трагизма. Плохое слово «исполненный». Но именно исполненный, полный и переполненный тревогой, тоской* (Токарева).

Образ «живое существо»: *Чувства дремлют; Сердце страдает; Совесть заела; Чувство вины рождает страх*; см. также пословицы *Сердце сердцу весть подает; Язык мой – враг мой; Глаза страшатся, а руки делают; Что ручки сделали, то спинка износит*.

Каждый из образов обладает неограниченными возможностями в интерпретации человека с любой стороны – путём олицетворения либо локализации (уподобления вместилищу) **любого микроконцепта**. Мера последовательности развёртывания этих двух ментальных моделей в концептосфере «человек» демонстрируется в указанных выше наших статьях.

Ничем не сдерживаемая экспансия этих образов – в статусе базовых – в рассматриваемой сфере, общая логика их воспроизведения (одинаковые векторы переноса) приводят к тому, что образ вместилища и образ живого существа вступают между собой в системные отношения. **Несмотря на то, что эти образы исходно отражают разные аспекты человека (материально-физический и биосоциальный), в парадигматическом плане они оказываются соотносительными, нередко – взаимозаменяемыми, синонимизируются.** Ср. синонимические отношения выражений, в которых один и тот же микроконцепт («уста», «глаза», «память», «фантазия», «ум», «беда» и другие) образно моделируется посредством олицетворения и образа вместилища:

*Её уста редко **изрекают** похвалу – Из её уст редко звучит похвала;*

*Глаза молят о помощи – **В глазах** – мольба о помощи;*

*Его остановил вопросительный взгляд – **Во взгляде** был вопрос;*

*Его лицо говорило об обречённости – **В его лице** была обречённость;*

*Воображение рисовало картины – **В воображении** возникали картины;*

*Фантазия увела его далеко – **В своей фантазии** он уходил далеко;*

*Память сохранила давний образ – **В памяти** сохранился давний образ;*

*Память подсказала дорогу – **По памяти** нашёл дорогу;*

*Память воскресила события – **В памяти** воскресли события;*

*Память увела к тем событиям – **В памяти** вернулся к тем событиям;*

*Силы мне изменили – **Я не в силах** это сделать;*

*Голос разума (рассудка) – **Я в своём разуме** (рассудке);*

*Его ум спит – **В уме** нет ни одной мысли;*

Ум работает / не работает – Он в здоровом уме (не в своем уме);
У него родился план поездки – В его планах поездка;
К нему в дом пришла беда – Он попал в беду;
Беда проверяет друзей – Друзья проверяются в беде;
Факты свидетельствуют о вине – В фактах есть свидетель-
ства вины;
Не с деньгами жить, а с добрыми людьми – Не в деньгах сча-
*стье.*¹

Приведённые примеры убедительно демонстрируют наличие системных парадигматических отношений между образом живого существа и образом вместилища в качестве средств концептуализации отдельно взятой денотативной сферы.

Наряду с парадигматической корреляцией для **базовых метафорических образов характерны синтагматические отношения: они обнаруживают тенденцию к совмещению и образованию сложной образной матрицы** «вместилище, содержащее в качестве вместимого живое существо», которая обладает более широкими возможностями в концептуализации внутреннего мира человека. Приведём примеры²: *Когда умирает ребёнок, То в крохотном тельце его Погиб гениальный потомок, Свершить не успев ничего* (Островой); **Во всяком человеке, конечно, таится зверь, зверь гневливости...** (Достоевский).

Заметим, что образ вместилища часто совмещается с различными другими метафорическими образами, которые выступают при нём в статусе «вместимого». Так формируются образные комплексы «вместилище + растение», «вместилище + огонь», «вместилище + механизм», «вместилище + животное» и т.д., а иногда даже трёхкомпонентные образные комплексы «вместилище + живое существо + растение», «вместилище + живое существо + огонь». Приведём некоторые приме-

¹ Ср. совмещение этих метафорических моделей в ряду однородных сказуемых: *Беспримерное мужество и унижительный страх, трудовой героизм и никудышное качество продукции – это наша жизнь позволила, вместила, терпела* (Правда). Модель «жизнь – живое» представлена выражениями *жизнь позволила, терпела*, а модель «жизнь – вместилище» выражениями *жизнь вместила*.

² Здесь и далее средства выражения образа вместилища выделяются полужирным шрифтом, средства выражения других образов (в том числе образа «живое») – полужирным курсивом.

ры: *Иногда... в его взбаламученной голове соскакивал какой-то рычажок, и он, путая, кричал* (Ильф, Петров); *С корнем, с кровью, как куст сорной травы, выдрал эту женщину из сердца. Забыл* (А.Н. Толстой); *Загнанные внутрь обиды вспыхнули в нём с новой силой* (Фадеев). При этом образный характер выражений со значением вместилища, тем более эксплицированного не лексическим средством, а грамматической конструкцией в + Вин. п., или в + Предл. п., или из + Род. п. и т.п., обычно не осознаётся, на его фоне более яркой образностью выделяются другие метафорические компоненты образного комплекса – образ растения, или образ механизма, или образ огня и т.д.

Однако наиболее регулярно модель «вместилище» совмещается с моделью «живое существо (человек)», т.е. олицетворением. Данный образный комплекс концептуализирует различные соотношения человека («целостного субъекта») с одной из его ипостасей (человек и его мысль; человек и душа; человек и чувство и т.д.) или соотношения разных ипостасей человека между собой (голова и мысль; ум и решение; сердце и чувство и т.д.). Приведём текстовые иллюстрации:

- соотношение человека-вместилища и олицетворяемого микроконцепта: *Совесть в нём заговорила; Соня словно сумела призвать к жизни те мои чувства, которые давно перестали во мне дышать* (Агеев); (Об отце, потерявшем ребёнка) *Может, и плачет в нём отцовская боль, но сидит она где-то глубоко-глубоко, не прoderёшься* (Комсом. правда);
- соотношение микроконцепта-вместилища и олицетворяемых микроконцептов: *Идея клипа также родилась в головах супружеской пары* (Комсом. правда); *И милосердие иногда стучится в их сердца* (Булгаков); ... *постоянная необходимость убивать* (на войне – Н.И.) *«входит в кровь» человека* (Комсом. правда); *Хочешь, я поселю в твою душу относительный покой?* (Розов).

Ср. пример последовательной конкретизации психофизиологической деятельности через цепочку образов живого существа и цепочку образов вместилища: *Воспоминания... обитают в нас самих... Они обитают, живут, дышат и дремлют повсюду. В наших ладонях, ступнях ног, в ноздрах, в сердце...* (Кестнер).

На этом фоне показательны примеры, иллюстрирующие другой способ концептуализации человека и его «части», когда оба концепта предстают в виде живых существ: *Воспоминанья! Со мной* (не во мне! – Н.И.) *вы жили-были...* (Светлов); *...И образ милый, незабвенный Повсюду странствует со мной* (Батюшков).

Факт синтагматической связи двух образов в составе образного комплекса, находящихся одновременно и в парадигматической корреляции, ставит вопрос о специализации каждого из них. Можно выделить два типовых варианта комбинации ассоциативных связей образов «вместилище» и «живое существо», которые можно проиллюстрировать словами Ф.Тютчева *Всё во мне, и я во всём*. Рассмотрим каждый из них.

1. Один из вариантов совмещения образов в двух его разновидностях был показан выше. В этом случае в качестве вместилища предстаёт человек (*во мне, в матери* и под.), «часть» человека или его орган, которые в языковой картине мира представляют соответствующую (психофизиологическую, социальную и т.д.) сферу жизнедеятельности (*в груди, в голове, в сердце, в руках* и под.), функция органа (*в уме, в чувствах, в воображении, в памяти, во власти* и под.), продукты деятельности органа (*в мыслях, в фантазиях* и под.), а вместиемое – их «части», состояние, продукты деятельности, объекты чувств или мыслей – олицетворяется. Покажем это соотношение схематично на типовых выражениях:

В нём – сердце страдает/ чувства дремлют/ совесть умерла / ожил интерес / бунтует ум;

В нём / в груди / в сердце – проснулись чувства;

В голове / в мозгах / в уме – родился план;

В мыслях / в чувствах / в памяти – живёшь лишь ты.

Приведённые примеры показывают продуктивность данного способа концептуализации внутреннего мира человека. Текстовые примеры см. выше, а также далее: *Живут во мне воспоминания...* (Рождественский); *...Перед страстями, двигавшимися в этом теле, были бледны все страсти других людей* (Гоголь); *Первые его побудительные мотивы были вызваны именно этими образами, дремавшими где-то в дальних уголках мозга* (Рыбаков).

2. В качестве вместилища предстаёт микроконцепт (память, душа, тело, чувство, состояние, дело), а в качестве его вместимого – человек, выступающий как живое существо. См. типовые примеры, подтверждающие продуктивность рассматриваемого образного комплекса «вместилище + живое существо (человек)» в процессе концептуализации состояния человека: **Все были в восторге / в волнении; Женщина осталась в одиночестве; Он впал в детство / в слабоумие; Она в хлопотах / в работе / в растрёпанных чувствах; Старик углубился в воспоминания; В тесноте, да не в обиде** (Поговорка).

См. текстовую иллюстрацию, представляющую собой живую метафору с актуализацией образного характера метафоры вместилища (посредством лексемы *пространство*): *Он [о композиторе М. Таривердиеве] был любвеобилен? – О нём нельзя сказать так. Просто любовь – это пространство, в котором он жил* (Таривердиева). Приведём пример из разговорной речи: **Я вся в автореферате** – «целиком занята работой над авторефератом». В обоих последних примерах человек предстаёт как поглощённый соответствующим делом, погружённый в какое-либо состояние и т.д. (нельзя не заметить, что и выражения *поглощённый кем-чем* и *погружённый* во что представляют собой не что иное, как варианты того же образа вместилища, а выражение *поглощённый кем* – может рассматриваться и как вариант образа живого существа (олицетворения), – т.е. тех же исходных представлений).

Интересно сопоставить последний пример с соотносительными выражениями, в которых наблюдается противоположное соотношение ассоциативных связей компонентов образа: «человек (голова) – вместилище», «автореферат – вместиемое»: **В голове – только автореферат; Автореферат пока только в голове**. В этом случае интерпретация ситуации выглядит иначе: автореферат-вместиемое интерпретируется лишь как тема размышления лица-субъекта, его интеллектуальной работы, в том числе как основная тема (*В голове – только автореферат*). Таким образом, изменение конфигурации ассоциативных связей компонентов одного сложного образного комплекса существенно меняет семантику выражения.

Наряду с приведёнными вариантами концептуализации внутреннего мира комбинацией образов «вместилище» и «живое существо»

встречаются случаи двойственного представления одного и того же концепта – его интерпретация одновременно и как вместителища, и как живого существа. Так, двойная концептуализация лица-субъекта отражена во фразеологизмах *выйти из себя; прийти в себя; быть не в себе; быть вне себя*; а также в других регулярно воспроизводимых выражениях: *разрушить в себе стереотип; углубиться в себя; копаться в самом себе*. Стёртая образность в случаях двойной метафорической концептуализации наблюдается далеко не только в устойчивых выражениях при лексической связанности компонентов, ср. также: *Она [А. Ахматова] произносила какую-нибудь достойную внимания фразу и вдруг замолкала. Беседа прерывалась на какие-то мгновения, и восстанавливать её бывало трудно. ...Может быть, подобные уходы в себя во время разговора были следствием долгих, год за годом, тяжких переживаний* (Шервинский).

См. пример аналогичной двойной концептуализации души посредством образа вместителища и образа живого существа (человека): *Но для души ещё страшней Следить* (олицетворение), *как вымирают в ней* (локализация) *Все лучшие воспоминанья...* (Тютчев).

Вместе с тем иногда в художественном тексте или в разговорной речи наблюдается подчёркнутое обнажение метафорического характера выражения, например: *Никак не удаётся мне вернуться в свою оболочку и по-старому расположиться в самом себе...* (Набоков); (преподаватель во время контрольной работы просит не отвлекаться и не разговаривать с соседями) *Уходите в себя и не возвращайтесь, пожалуйста, до конца занятия* (Из устной речи). Обыгрывание данного образа можно усмотреть и в выражении, использованном как приём остранения при описании фантастического мира: *Он скользнул в бассейн, нашёл своё тело, вник, что всё осталось без изменений, и скользнул внутрь* (Харлайн. *Stranger in a Strange Land*) – пример О.С. Бочковой.

Заметим, что оживлению метафорических образов вместителища и живого существа в составе стереотипной образной матрицы может способствовать развёрнутое описание олицетворяемого «вместимого», особенно при обозначении олицетворяемой сущности не словами типа *воспоминание, образ, мысль, чувство* и под., а метонимически – при эл-

липсисе названных слов – названиями реалий действительности, являющихся основой впечатлений: *...И до сих пор вместе с прекрасным обликом Олеси живут с неувядающей силой в моей душе эти пылающие вечерние зори, эти росистые благоухающие ландышами и мёдом утра, полные бодрой свежести и звонкого птичьего гама, эти жаркие, томные, ленивые июньские дни...* (Куприн).

Феномен базовых метафорических образов, выступающих в качестве когнитивной метафоры, имеющих широчайшее распространение в данной сфере, интересен во многих отношениях – даёт богатый материал для разносторонней аналитической оценки картины образного моделирования сфер, недоступных наблюдению – в связи с формированием соответствующих концептов.

Как известно, «формирование концепта в онтогенезе идёт от образного, чувственного к более абстрактному, рациональному» (Попова, Стернин 2007: 121); «...концепт рождается как чувственный образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением количества закреплённых концептом признаков, с возрастанием уровня абстрактности концепт постепенно эволюционирует от чувственного образа к собственно мыслительному» (Там же: 125).

Обобщённые представления о человеке-вместилище и человеке-живом существе являются базовыми знаками универсального предметного кода (УПК), кодирующими разнообразные знания о человеке в ментальном пространстве, и в качестве таковых играют чрезвычайно важную роль в концептуализации знания о нём. В частности, именно они ложатся в основу базовых и иных метонимических и метафорических моделей, определяют состав последних, которые моделируют внутренний мир человека в концептуальной и языковой картине мира.

Анализ базовых метафорических образов в связи с механизмами концептуализации знания, осмысление этих образов в их связи со знаками УПК проясняет, как нам представляется, вопрос о природе возникновения межобразной синонимии – в данном случае синонимизацию образов, столь несходных по характеру лежащих в их основе представлений.

В качестве единиц УПК по отношению к одному и тому же концепту – сложнейшему концепту «человек» – два рассматриваемых образа равнозначны: каждый из них кодирует всю информацию о человеке, а также способен её концептуализировать и интерпретировать в соответствующей образной форме и воспроизводить в её логике. Именно в качестве равноценных знаков («представителей») концепта они и вступают в синонимические отношения.

С другой стороны, их равноценный статус в качестве единиц УПК, кодирующих один и тот же объём информации, обеспечивает и их органическое совмещение в едином образном комплексе (т.е. синтагматическую корреляцию), возможности которого в концептуализации столь сложного и богатого знания, каким является знание о человеке, соответственно расширяются.

ВЫВОДЫ

Представленное описание происхождения и функционирования метафорических образов в статусе когнитивной метафоры, то есть в процессе концептуализации денотативных областей абстрактного характера, убедительно показывает значительную роль когнитивных факторов в воспроизведении образа и в логике его развёртывания наряду с ролью собственно языковых факторов. Взаимодействие когнитивных и языковых факторов обеспечивает универсальные возможности образа как средства концептуализации денотата во всём богатстве его свойств и связей.

Универсальный характер образа-концепта как средства концептуализации действительности обеспечивается механизмом его разностороннего варьирования.

При этом равно значимыми являются, с одной стороны, тесно связанные между собой лексическое и семантическое варьирование, с другой стороны – варьирование ассоциативных связей образа. Каждая из сторон варьирования по-своему способствует превращению метафорического образа – образа вообще и каждого отдельно взятого метафорического образа в частности – в универсальное средство концептуализации денотата и действительности в целом.

В картине лексического и семантического варьирования выявляется способность образа концептуализировать денотат в широком содержательном диапазоне – в любом из его аспектов. При этом метафорический образ-концепт демонстрирует способность не только моделировать ключевой для него аспект денотата (в чём выражается своеобразная «специализация» образа, обуславливающая его наиболее частотное воплощение с актуализацией соответствующего смысла), но и выход за рамки данного аспекта, тенденцию к охвату других аспектов денотата. Эти потенции образа (концепта) обеспечиваются когнитивными механизмами развёртывания образов в логике ментальных структур пропозиции, сценария и других (наиболее подробно эта картина и

её интерпретация представлены во 2-й главе на примере концептуализации речевой ситуации посредством нескольких ключевых метафор). Следует отметить, что воспроизведение многих метафорических образов-концептов можно интерпретировать как ещё один вид его варьирования в процессе функционирования – варьирование способа воспроизведения концептуального содержания, предопределённого связью с соответствующей ментальной единицей – фреймом, пропозицией, сценарием.

Варьирование ассоциативных связей образа, которое обнажено предстаёт взгляду исследователя при наблюдении за функционированием образа в виде стёртых метафор, являющихся наиболее частотными средствами воплощения данного образа, способствует универсализации образа в качестве средства концептуализации в другом отношении. В условиях моносемантической реализации образа (при отсутствии семантического варьирования и при минимальном лексическом варьировании глагольного компонента образа) – когда образ воплощается с актуализацией доминантного смысла – наблюдаются масштабные проявления варьирования ассоциативных связей образа, т.е. экспансия образа в различные сферы действительности в качестве средства их метафорической концептуализации.

Во-первых, механизм варьирования частных ассоциативных связей компонентов двух ситуаций, ассоциативно связанных метафорой, обеспечивает разностороннюю интерпретацию ситуации в аспекте доминантного для образа смысла. Так, воплощение метафоры «перемещение субъекта в пространстве – деятельность субъекта» при ассоциативной связи локуса перемещения с *субъектом* деятельности, или с *объектом* деятельности, или с *инструментом* деятельности, или с *целью* либо *результатом* деятельности делает возможной образную интерпретацию динамики ситуации в разных её аспектах – динамики объекта, либо динамики инструмента (орудия, метода и т.д.) деятельности, либо динамики цели и результата деятельности.

Во-вторых, экспансия образа в качестве средства концептуализации в самые разные сферы действительности (в частности, как показывают материалы 3-й главы, образ перемещения в пространстве способен моделировать все виды деятельности, состояний и отношений челове-

ка), обеспечивает глобальный характер его функционирования в процессе образного моделирования действительности.

При этом, несмотря на моносемантическую реализацию метафорического образа – интерпретацию динамики ситуаций разного типа, он последовательно отражает специфические концептуальные характеристики деятельности, состояния и отношения.

Вопреки существующему мнению о том, что условием использования того или иного образа для интерпретации той или иной денотативной сферы является сходство структуры соответствующих денотатов, исследование механизма концептуализации на примере образа перемещения в пространстве, это условие не является обязательным. Структура образа легко приспособляется к структуре концептуализируемой области – будь то ситуация деятельности, в структуре которой избирательно актуализируется от двух до семи компонентов ситуации, или ситуация состояния с её двухкомпонентной структурой, или ситуация отношения в её разновидностях. Все они одинаково адекватно концептуализируются в аспекте своей динамики посредством одного и того же метафорического образа.

В сфере деятельности наблюдается наиболее широкая панорама варьирования ассоциативных связей, что объясняется многокомпонентностью и сложностью структуры характеризуемой ситуации. В этом случае оказываются задействованы все компоненты сферы-источника с их специализацией: пространство, пространственный ориентир (начальный, конечный, промежуточный, вместилище), трасса (*вступить в область мысли, прийти к результату, переступить через семью, вступить в разговор, дойти умом до чего-либо*) – и наблюдается широкое варьирование лексического наполнения предложно-падежных форм с исходным пространственным значением.

При концептуализации сфер состояния и отношений своеобразно избыточным оказывается количество компонентов перемещения и происходит синонимизация разных типов локуса: трассы и ориентира; разновидностей ориентира, в направлении которого происходит движение.

Это наблюдение является значимым для оценки сущности когнитивной метафоры в целом. Известно, что когнитивная метафора не столько актуализирует сходство между двумя реалиями, сколько созда-

ёт его (Арутюнова 1990: 8-9, Илюхина 2012б). Имеется в виду создание семантического сходства между реалиями, имеющими принципиально разную природу, не дающую оснований для восприятия с точки зрения внешнего сходства. По итогам нашего исследования можно утверждать, что креативный потенциал метафоры проявляется и в *создании сходства структур* двух ситуаций: сознание обладает способностью к многомерному структурированию любой ситуации и при образной концептуализации тех или иных сфер действительности когнитивная метафора «приспосабливает» компонентную структуру образа к структуре любой концептуализируемой реалии.

Функционирование метафорического образа, логика его воспроизведения регулируются двумя противоположно направленными тенденциями – центробежной и центростремительной. При этом внимание к концептуализирующим потенциям образа, связанным с актуализацией его богатого концептуального содержания, открывает взгляду исследователя центробежную тенденцию в его семантическом варьировании. Перенесение внимания на функционирование образа в ракурсе минимального семантического варьирования (то есть при доминировании центростремительной тенденции семантического варьирования образа) открывают широкую панораму варьирования ассоциативных связей образа с актуализацией доминантного для него смысла. Оба проявления центробежной тенденции – по отношению к семантическому варьированию образа и по отношению к варьированию его ассоциативных связей – в их совокупности обеспечивают образу статус универсального средства концептуализации знаний о мире.

Изучение процесса функционирования метафорического образа-концепта на основе понятия варьирования объективно становится возможным лишь при объединении семасиологического и когнитивного подходов с их специфическим инструментарием. Так, из четырёх направлений варьирования образа, представленных в настоящей монографии, лишь лексическое варьирование может адекватно и убедительно интерпретироваться в рамках собственно (узко понимаемого) лингвистического подхода. Что касается семантического варьирования образа, диапазон которого выходит далеко за рамки традиционно понимаемого лексического значения слова и даже семантической струк-

туры лексико-семантической группы или лексико-семантического поля и представляет собой содержание концепта, то его интерпретация осуществляется с апелляцией к лингвокогнитивной единице – образ-концепту (проецирующемуся на язык лексическим множеством в объёме ассоциативно-семантического поля) и к когнитивной логике исследования. Варьирование ассоциативных связей метафорического образа и логика их возникновения, как и логика развёртывания образ-концепта в виде фрейма, пропозиции и сценария, – это аспекты осмысления функционирующего образа, возможные лишь с собственно когнитивных позиций.

В концептуализации любой денотативной сферы участвуют разные метафорические образы – одни в статусе ключевых метафор, другие в статусе более частных, периферийных. В процессе концептуализации одних и тех же признаков денотата образы вступают между собой в устойчивые дискурсивные отношения, которые в образной (в том числе языковой) картине мира оформляются как системные связи. Широкое и свободное варьирование концептуального содержания каждого образа с избирательной актуализацией любого признака обуславливает свободу формирования межобразных отношений, концептуализирующих одну денотативную сферу. Расширению межобразных отношений способствует явление варьирования ассоциативных связей образа, закономерно определяющее его функционирование.

Задача осмысления с когнитивных позиций образной системы языка и стоящей за ней картины мира, представляющих результат концептуализации знаний о мире, в том числе концептуализации образной, ставит перед необходимостью выбора единицы образной системы, которая предопределяет подход и инструментарий. В данном случае единственно органичной единицей представляется образ-концепт, имеющий когнитивную природу и проецирующийся на язык специфической лексико-семантической парадигмой – ассоциативно-семантическим полем.

С опорой на эту единицу и предопределённый ею образоцентрический подход в главе четвёртой осуществлён анализ системных межобразных связей – их сути, типов и генезиса.

Использование семасиологических и когнитивных параметров интерпретации межобразных связей позволило обнаружить наличие парадигматических и синтагматических отношений между образами, концептуализирующими одну и ту же денотативную сферу. Формирование этих отношений обусловлено действием нескольких факторов:

- *денотативного* – онтологического своеобразия сферы, подвергающейся образной концептуализации, ср. сферу власти, сферу эмоций, сферу астрономического и календарного времени с присущими каждой сфере уникальными свойствами, определяющими актуализацию этих свойств любым метафорическим образом, «попадающим» в соответствующую сферу;
- *когнитивного*, связанного с особенностями восприятия и осмысления концептуализируемого объекта, восприятия ненаблюдаемых феноменов чувств, власти как системы управления, времени – в их связи с эмпирически воспринимаемыми смежными феноменами, которые и становятся единицей универсального предметного кода при концептуализации абстрактного объекта;
- *собственно языкового*, связанного с лексической семантикой и варьированием значений слов, воплощающих метафорический образ в речи.

В разных разделах этой главы избирательно продемонстрирована роль каждого из трёх названных факторов, играющих системообразующую роль.

Состав наиболее коммуникативно значимых признаков *сферы-денотата* становится основой для синонимического сближения нескольких образов, концептуализирующих эти признаки, и для формирования между ними системных парадигматических отношений. Наиболее явно этот фактор подчёркнут в разделах 2 и 4 при рассмотрении денотативного своеобразия сфер власти и эмоций, предопределяющего «точки» семантической фокусировки любого метафорического образа, концептуализирующего каждую из этих сфер. Эти «точки», то есть задаваемые денотатом актуальные смыслы, и становятся основой для синонимического сближения разных метафорических образов, концептуализирующих одну и ту же денотативную сферу.

Когнитивный фактор обуславливает выбор конкретного образа как средства концептуализации той или иной сферы действительности как ключевого для этой сферы: демонстрации роли этого фактора подчинена логика изложения во втором, третьем, четвёртом и пятом разделах, в которых убедительно показано, что выбор образов, ключевых для каждой конкретной сферы действительности, предопределён отношениями смежности абстрактного объекта с конкретным, чувственно воспринимаемым объектом в рамках единого гештальта (суточное время и солнце; власть, властитель и резиденция; эмоции и кровь, слёзы как маркеры динамики чувств; и т.д.).

Роль *собственно языкового фактора* в его связи с когнитивным продемонстрирована, в частности, во втором подразделе раздела 3, в котором прослеживается логика становления олицетворения как средства образной номинации и концептуализации сферы календарного времени в русских пословицах (месяцеслове). Материал позволил сделать вывод о многофакторном характере генезиса олицетворения в этой сфере: оно мотивировано как собственно языковыми причинами (обозначением времени по имени святого вследствие сокращения многослового обозначения), так и когнитивными причинами (необходимостью фиксации соотнесённости явлений, событий, действий на основе восприятия их как смежных с временным моментом или промежутком времени).

Интеграция семасиологического и когнитивного подходов в анализе и интерпретации процесса функционирования метафорических образов в качестве средств концептуализации различных денотативных областей позволяет не только установить закономерности воспроизведения метафорических образов-концептов как основных единиц образной системы языка и языковой (образной) картины мира, проследить формирование между ними устойчивых дискурсивных и системных отношений синонимии и антонимии (а также контаминации, т.е. синтагматического взаимодействия), но и дать объяснение генезису как самих метафорических моделей, так и межобразных семантических отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Научная литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
3. Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – В 5 т. – Волгоград, 2005-2007.
4. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 1995а. – С. 453–465.
5. *Апресян Ю.Д.* Лексикографический портрет глагола *выйти* // *Избранные труды: в 2 т. Том II.* Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 1995б. – С. 485–502.
6. *Араева Л.А.* Словообразовательная ниша: история изучения, структурно-системное и когнитивное описание (на материале русских народных говоров) // *Научное обозрение: гуманитарные исследования.* – 2012. – № 2. – С 119–132.
7. *Арутюнова Н.Д.* Метафора // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 296–297.
8. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // *Теория метафоры.* – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
9. *Арутюнова Н.Д.* От редактора // *Логический анализ языка: Модели действия* / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М. : Наука, 1992а. – С. 3–4.
10. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд. испр. – М. : «Языки русской культуры», 1999. I-IV. – 896 с.

11. *Арутюнова Н.Д.* Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М. : Наука, 1992б. – С. 14–23.
12. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3–42.
13. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
14. *Бабушкин А.П.* Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 52–57.
15. *Балашова Л.В.* Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков): монография / Л.В. Балашова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 216 с.
16. *Балашова Л.В.* Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – Вып.5. – Жанр и культура. – С. 21–43.
17. *Баранов А.Н.* Предисловие редактора // Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
18. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
19. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М.: ИРЯ АН СССР, 1991. – С.184–193.
20. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2007. – 336 с.
21. *Бережан С.Г.* Взаимосвязь между лексическим и грамматическим значениями в составе слова (на основе словарного толкования глаголов) // Исследования по семантике. Общие вопросы семантики: межвуз. сб. – Уфа : Изд. Башкирск. гос. ун-та им. 40-летия Октября, 1983. – С. 21–30.

22. *Бетенькова Е.М.* Трансформация библейской мифологемы пути человека в культурфилософии экзистенциализма [Электронный ресурс] : Дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Е.М. Бетенькова – Барнаул : РГБ, 2006 (Из фондов Российской Государственной библиотеки).
23. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Курс лекций для студентов высших учебных заведений. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов, 2014. – 236 с.
24. *Боровикова Н.А.* Регулярное речевое семантическое варьирование глаголов // Классы глаголов в функциональном аспекте: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1986. – С. 113–123.
25. *Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д.* Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 277–288.
26. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
27. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980. – 320 с.
28. *Викулова В.В.* Метафорическое моделирование смеховой ситуации: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2011. – 18 с.
29. *Воркачёв С.Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.
30. *Воркачёв С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
31. *Гайсина Р.М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981.
32. *Гак В.Г.* Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия / РАН. Ин-т языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М. : Наука, 1992. – С. 77–84.
33. *Гак В.Г.* Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127–134.
34. *Гынгазова Л.Г.* Концепт «путь» в картине мира языковой личности диалектоносителя // Новая Россия: новые явления в языке и в науке

- о языке: материалы Всеросс. науч. конф., 14-16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия / под ред. Л.Г.Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 69–75.
35. *Дементьев В.В., Седов К.Ф.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров. – Саратов, 1998. – 107 с.
36. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–31.
37. *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1993. 254 с.
38. *Дмитриева Н.С.* Процесс десемантизации глагола в составе субстантивных описаний // Очерки по семантике русского глагола / Мин-во высш. и ср.-спец. образования РСФСР ; [Ученые записки. Вып. 43. Серия филол. наук № 16 (20)]. – Уфа : Башкирск. гос. ун-т им 40-летия Октября, 1971. – С. 27–37.
39. *Долгова И.А.* Метафорическая модель перемещения в пространстве как средство параметризации деятельности человека // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 10/2 (50). – С. 98–104.
40. *Долгова И.А.* Метафорическая модель перемещения в пространстве как средство характеристики жизни и деятельности человека: Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 242 с.
41. *Ермакова О.П.* Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 289–298.
42. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
43. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / АН СССР. Ин-т русского языка ; отв. ред. Ю.В. Рождественский. – М. : Наука, 1982. – 366 с.
44. *Илюхина Н.А.* Речевая деятельность сквозь призму метафор // Творческое наследие В.А. Малаховского и современность : межвуз. сб.

- науч. тр. / отв. ред. Е.М. Кубарев. – Самара : Изд-во СамГПИ, 1994. – С. 140 – 147.
45. *Илюхина Н.А.* Образный комплекс как модель описания ассоциативного функционирования слова // Вестник Самарского государственного университета. – 1996. – № 1. – С. 139–146.
46. *Илюхина Н.А.* Образ в лексико-семантическом аспекте: монография. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1998. – 204 с.
47. *Илюхина Н.А.* Роль метонимии в интерпретации концептосферы «человек» (на материале ментальной модели «вместилище») // Вестник Самарского государственного университета. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – № 3. – С. 114–121.
48. *Илюхина Н.А.* О метонимическом механизме олицетворения (на материале концептосферы «человек») // Наука в высшей школе: Проблемы интеграции. Материалы III международной (VI межрегиональной) науч. конференции. – М.: Изд-во УРАО, 2003. – С. 36–43.
49. *Илюхина Н.А.* Образное моделирование сферы эмоций (к вопросу о механизмах переноса) // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: Сборник науч. тр. к 80-летию Е.С. Скобликовой / под ред. Н.А. Илюхиной. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – С. 273–283.
50. *Илюхина Н.А.* О взаимодействии когнитивных механизмов метафоры и метонимии в процессах порождения и развития образности // Вестник Самарского государственного университета. – 2005. – № 1. – С.138–154.
51. *Илюхина Н.А.* Семантическое варьирование публицистической метафоры как отражение эволюционных процессов в обществе // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной науч. конф. – Самара: изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 137–143.
52. *Илюхина Н.А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 320 с.
53. *Илюхина Н.А.* Генезис когнитивной метафоры на материале фразеологии // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 138–145. (Илюхина 2012а)

54. *Илюхина Н.А.* Порождение когнитивной метафоры в аспекте осознаваемости-неосознаваемости говорящим // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. № 8/1 (99). – С. 111–118. (Илюхина 2012б)
55. *Илюхина Н.А.* О закономерной связи основных компонентов в структуре концепта (на материале концепта «молодость») // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 11. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. – С. 159–170. (Илюхина 2013а)
56. *Илюхина Н.А.* О механизмах образной концептуализации астрономического времени в русской языковой картине мира // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2013. – № 10. – С. 87–93. (Илюхина 2013б)
57. *Илюхина Н.А.* О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 36–48. (Илюхина 2015а)
58. *Илюхина Н.А.* Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 11 (133). – С. 9–16. (Илюхина 2015б)
59. *Илюхина Н.А.* Олицетворение как способ концептуализации времени в русских пословицах // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – № 1. – С. 172–180.
60. *Ипполитов О.О.* Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 19 с.
61. *Ирбакаева М.В.* Дискурс и теория речевых жанров // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. Ч.1. – Самара: изд-во «Самарский университет», 2006. – С.109–113.
62. *Калимуллина Л.А.* Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков): монография. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 344 с.

63. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
64. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
65. *Каслова А.А.* Концептуальная метафора в российских и американских текстах, посвященных выборам президентов // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2002. – Т.8. – С. 24–33.
66. *Кильдибекова Т.А.* Лексико-грамматические разряды глаголов // Исследования по семантике. Лексическая и грамматическая семантика : межвуз. науч. сб. – Уфа : Изд. Башкирск. гос. университета им. 40-летия Октября, 1980. – С. 182–99.
67. *Кириллова Н.О.* Метафорические номинации в семантическом поле глаголов речи // Вестник Самарского государственного университета. – № 10/2 (50). – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2006. – С. 140–147.
68. *Кириллова Н.О.* Метафорическое моделирование речевой ситуации: Дисс. ...канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 208 с.
69. Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск, 1979. – 155 с.
70. *Кобозева И.М.* Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.
71. *Кобозева И.М.* МЫСЛЬ и ИДЕЯ на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия / РАН. Ин-т языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М. : Наука, 1993. – С. 95–104.
72. *Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. – М. : Наука, 1986. – 256 с.
73. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
74. *Кравцова Ю.В.* Метафорическое моделирование мира: поэзия и проза / Ю.В. Кравцова. – Киев: Изд-во НПУ им. М.П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
75. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и этнокультурология. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

76. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
77. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
78. *Крючкова О.Ю.* Когнитивное моделирование в словообразовании // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 146-148.
79. *Кубрякова Е.С.* Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М. : Наука, 1992. – С. 84–90.
80. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 215 с.
81. *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1979. – 89 с.
82. *Курапова Е.С.* Концептуализация времени в свете метонимической логики // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов: сб. науч. статей / под ред. Н. А. Илюхиной. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2013. – С. 99–103.
83. *Кураш С.Б.* Усложнённое кодирование образной информации как аспект филологического анализа художественного текста: Пособие. – Мозырь: УО «МГПУ», 2003. – 54 с.
84. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
85. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – 511 с.
86. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004. – 252 с.
87. *Левонтина И.Б.* Милый, дорогой, любимый... // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 238–246.
88. *Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д.* Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 338–347.

89. Лексико-семантические группы русских глаголов: кол. Монография / под ред. Э.В. Кузнецовой. – Иркутск, 1989. – 180 с.
90. *Ломтев Т.П.* Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Лексика. Грамматика: Материалы и исследования по русскому языку. Учёные записки № 192. – Пермь, 1969. – С. 3–22.
91. *Лотман Ю.М.* Семиосфера // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992). – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – С. 250–335.
92. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 415 с.
93. *Манаенко Г.Н.* Осложнённое предложение в когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 592–594.
94. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта, 2007. – 208 с.
95. *Мещанова Н.Г.* Об интегрирующей роли доминантных смыслов в структуре образа азартной игры // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 1 (82). – С. 231–235.
96. *Мещанова Н.Г.* Метафоры игры в русском языке (на материале образов театральной игры и азартной игры): Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2012.
97. *Мишанкина Н.А.* Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: Дисс. ... докт. филолог. наук. – Томск, 2010. – 409 с. (Мишанкина 2010а)
98. *Мишанкина Н.А.* Метафора в науке: парадокс или норма? – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 282 с. (Мишанкина 2010б)
99. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 3. – С. 60-72.
100. *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1977. – 168 с.
101. *Москвин В.П.* Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учебное пособие к спецкурсу по стилистике. – Волгоград: Перемена, 1997. – 92 с.

102. *Москвин В.П.* Русские метафоры: параметры классификации // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 15–26.
103. *Мухачёва А.М.* Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке : материалы Всеросс. науч. конф., 14-16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия / под ред. Л.Г.Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – С. 104–124.
104. *Мухачёва А.М.* Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира [Электронный ресурс] : дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.01. – М. : РГБ, 2003. (Из фондов Российской Государственной библиотеки).
105. *Никитин М. В.* Лексическое значение слова. – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.
106. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка: учеб. пособие / Л.А. Новиков. – М. : Высш. школа, 1982. – 272 с.
107. *Одинцова М.П.* Образы человека – пространства в языковой картине мира и в русской поэтической речи // Художественный текст: единицы и уровни организации: Сб. науч. трудов. – Омск, 1991.
108. *Озингин М.В.* Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии: Дисс. ...канд. филолог. наук. – Саратов, 2010. – 181 с.
109. *Павлович Н.В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М., 1995. – 491 с.
110. *Падучева Е.В.* Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия / РАН. Ин-т языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М. : Наука, 1992. – С. 69–77.
111. *Паршин П.Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2.
112. *Пименова М. В.* Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
113. *Плотников Б.А.* Основы семасиологии: учеб. пособие для фил. фак. вузов / под ред. А.Е.Супруна. – Минск: Выш. шк., 1984. – 223 с.
114. *Плотникова А.М.* Когнитивное моделирование семантики глагола: Автореф. ... дисс. доктора филолог. наук. – Екатеринбург, 2009. – 38 с.
115. *Плотникова А.М.* Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов): учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 1– 40 с.

116. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения): учеб. пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 148 с.
117. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. – 191 с.
118. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
119. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
120. *Резникова Е. В.* Семантический потенциал образа колеса в русской языковой картине мира // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов : сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Илюхиной. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 154–161.
121. *Резникова Е.В.* Концепт «круг» в русской языковой картине мира: опыт интерпретации на основе образ-схемы: Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2015.
122. *Розина Р.И.* Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 3–15.
123. *Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм.* Памяти Э.В. Кузнецовой: монография / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 520 с.
124. *Сабурова Н.А.* Пространство в русском языковом сознании: концептуализация пути (на материале фразеологизмов и метафор) // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 47–58.
125. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. – СПб. : Наука : Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. – 150 с.
126. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. – Изд. 3–е, испр. и доп. – М. : Академич. проект, 2004. – 992 с.
127. *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979. – 156 с.
128. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 170 с.
129. *Сулейманова А.К.* Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста: Дисс. ... докт. филолог. наук. – Уфа, 2006. – 458 с.

130. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – Т.1.: Теория и некоторые частные ее приложения. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 55–118.
131. *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
132. *Харченко В.К.* Функции метафоры. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
133. *Ченки А.* Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
134. *Чудинов А.П.* Регулярная многозначность в глагольной лексике. – Свердлов. пед. ин-т, 1986. – 79 с.
135. *Чудинов А.П.* Регулярное семантическое варьирование русской глагольной лексики: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Свердловск, 1990. – 32 с.
136. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
137. *Шестак Л.А.* Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. – Волгоград, 2003. – 312 с.
138. *Шмелёв А.Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка // А.А.Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 133–152.
139. *Шмелёв А.Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
140. *Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
141. *Юрина Е.А.* Образный строй языка: монография. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. – 156 с.
142. *Юрина Е.А.* Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов / Е.А. Юрина. – Кокшетау, 2013. – 240 с.
143. *Яковлева Е.С.* Пространство умозрения и его отражение в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.:

- Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 268–276.
144. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М. : Изд-во «Гнозис», 1994. – 344 с.
145. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. – Chicago, 1980.
146. *Sternberg R.J.* Cognitive psychology. Fort Worth etc .: Holt, Rinehart and Winston, 1996.

Словари и справочники

147. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с. (БТСРГ 2007)
148. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: – В 4 тт. Т.1. – М. : Рус. яз., 1989. (Даль 1989)
149. *Даль В.* Пословицы и поговорки русского народа. – М. : Диамант, 1998. – 544 с.
150. *Зимин В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – Изд. 3-е, стереотипное. – Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006. – 544 с.
151. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. – М. : Мысль, 2000–2001. (НФЭ)
152. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова ; под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 552 с. (НОССРЯ 1997)
153. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 3-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с. (Ожегов, Шведова 1995)
154. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., до-

- полненное. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 стр. (Ожегов, Шведова 1999)
155. Российская социологическая энциклопедия / под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. – М. : Изд. группа НОРМА-ИНФРА·М, 1998. – 672 с. (РСЭ 1998)
156. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с. (ТСРГ 1999)
157. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. – М.: ОГИЗ, 1935. – 1427с. (Ушаков 1935)
158. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Т. 1. – М.: Прогресс, 1964. – 564 с. (Фасмер 1964)
159. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. (Языкознание 1998).

Научное издание

**Илюхина Надежда Алексеевна,
Долгова Ирина Алексеевна,
Кириллова Наталья Олеговна**

**МЕТАФОРА И СИСТЕМНОСТЬ:
СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ
АСПЕКТЫ**

Монография

Публикуется в авторской редакции
Титульное редактирование *Т.И. Кузнецовой*
Компьютерная вёрстка, макет *Л.Р. Дмитриенко*

Подписано в печать 18.04.2016. Гарнитура *Times New Roman*. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл.-печ. л. 11,0; уч.-изд. л. 11,75. Тираж 500 экз.

Заказ №

Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. 8 (846) 334-54-23

Отпечатано с готового оригинала-макета
в типографии «Инсома-пресс»
г. Самара, ул. Санфириковой, 95, 110А